

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

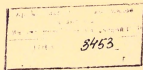
КУЛЬТУРА ТУРКМЕНИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

(Труды ЮТАКЭ, том XVII)

Ашхабад - 1980

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

КУЛЬТУРА ТУРКМЕНИИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА
(Труды ЮТАКЭ, том XVII)

АШХАБАД. «ЫЛЫМ». 1980

Под редакцией научного руководителя ЮТАКЭ
академика АН ТССР профессора М. Е. Массона

- К 90 Культура Туркмении в средние века. (Труды ЮТАКЭ, т. 17.—
А.: Ылым, 1980.— 164 с.: 26 см.— ИБ № 227.— ИСБН.
Академия наук Туркменской ССР. Институт истории. Южно-
Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция).

Очередной сборник трудов туркменских археологов посвящен изучению материалов раскопок Старого Мерва — самого крупного на территории СССР древнего городища, акцентируется внимание на архитектуре средневековых жилых домов.

Приводятся интересные данные о нумизматических находках на территории республики, рассматривается проблема исторической топографии древних и феодальных городов Туркмении и Средней Азии.

Сборник рассчитан на археологов, историков, студентов.

63.4

К $\frac{10602-151}{М (561)-80}$ 9-80

МАТЕРИАЛЫ
по ИСТОРИИ и АРХЕОЛОГИИ
ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

ОТ РЕДАКТОРА

Истории накопления в европейской науке некоторых сведений о Старом Мерве за XIX столетие уделено несколько страниц в единственном в своем роде труде В. А. Жуковского (Развалины Старого Мерва. Материалы по археологии России, издававшиеся Археологической комиссией, № 16. СПб., 1894, с. 95—110), но, во-первых, они ограничены 1890 г. Во-вторых, их можно не только несколько расширить и увеличить числом, но также и истолковать в некоторых случаях, точнее в свете последних конкретных данных о городище. А в-третьих, дополнить последующими сведениями, доведя их до момента окончания второй мировой войны включительно, когда были начаты многолетние исследовательские работы в больших масштабах по археолого-топографическому исследованию Старого Мерва разными отрядами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР.

Моей более широкой по объему статьей «Краткий очерк по истории изучения городища Старого Мерва» и начинается содержание 17 тома «Трудов» ЮТАКЭ.

Археологический микрорельеф области Старого Мерва в настоящее время в значительной мере утрачен почти повсеместно. Уничтожение его заметно усилилось в связи с сооружением Большого Каракумского канала и резким усилением сельскохозяйственного освоения давно заброшенных бывших культурных земель. Предвидя это, ЮТАКЭ с первых лет своих полевых работ при специальных маршрутных исследованиях с определенным заданием или при выездах из лагеря XVIII отряда в воскресные дни, когда раскопы в Старом Мерве не производились, попутно постоянно уделяла внимание хотя бы предварительной разведочной фиксации встречавшихся по дороге различных археологических объектов Мервского района. Насколько это оказалось целесообразным и своевременным можно судить по тому, что о ряде небольших средневековых архитектурных памятников и об остатках старинных небольших поселений теперь можно судить только по данным, зафиксированным в записях полевых дневников и по составлявшимся экспедицией небольших чертежей. Иногда неожиданно встречались довольно большие археологические депо даже в непосредственной близости от границ старомервского государственного заповедника.

Одному из таких объектов посвящена публикуемая в данном томе статья В. Н. Пилипко о Варрык-депе, которое было расположено западнее рабада Мерва примерно в 4,5 км юго-западнее мавзолея Санджара. Оно неоднократно привлекало к себе внимание ЮТАКЭ, начиная с 1955 г., в связи с многолетней археологической разведкой находящегося в 300 м восточнее его комплекса зданий христианской общины, в свое время ошибочно принятого С. А. Еришовым за зороастрийский некрополь. Представляя собой в плане бугор (140×60 м) с предельной высотой над окружающей местностью в 3,5 м, Варрык-депе подвергалось нами частичному разведочному исследованию с небольшим объемом земляных работ в 1955, 1966 и 1967 гг. В 1971 г. без согласования с Комитетом по охране памятников Туркменской ССР бугор был полностью снесен окрестными колхозниками для обращения занимавшейся им территории под посев. Таким образом, обобщение В. Н. Пилипко полученных ЮТАКЭ наблюдений приобретает особую значимость, поскольку памятника теперь уже не существует.

Стратиграфические наблюдения при закладке ЮТАКЭ шурфов показали, что его территория была обжита, судя по находкам фрагментов древнемаргнанской керамики, уже в середине I тысячелетия до н. э. Крупная же застройка на заovalенном в плане участке в 7100 м², обведенная пахсовой стеной в среднем до 1,6 м толщиной, появилась уже в первых веках н. э., хотя в кладке была обнаружена случайно попавшая туда медная парфянская монета старших Аршакидов. В середине участка располагался большой двор, а более или менее значительные сооружения находились в юго-восточной и северо-западной части внутри пространства, обведенного упомянутой внешней стеной. Функционировали они, судя по археологическим данным и обнаруженным находкам сасанидских монет Артешира I (224—242) и Шапура I (242—272), еще во второй половине III в. н. э., а в конце этого столетия и в IV в. н. э. были заброшены. Длительность периода запустения подтверждается обнаруженным в культурном слое поры упадка остатков разрушенных стен в перемежку с надувным песком из пустыни и огромной занимающей в длину свыше 5 м колонии, густо обжитой в то время колонии многочисленных норок и обитавших в них давно подошедших жуков. Выше лежащий поверхностный культурный слой относится к последнему периоду обживания Варрык-депе в V—VI вв.

Руины этого бугра были таким образом синхронны в известной мере и безусловно как-то функционально связанными с находившимся комплексом христианских зданий, но не являлись культовыми, а тем более некрополем, а были жилыми. На это указывает полное отсутствие на Варрык-депе человеческих костей и обилие различных объектов бытовой утвари и даже керамических плаков.

Согласно «Положению» об ЮТАКЭ, она основной своей проблематикой участвует в разрешении вопросов по уточнению периодизации в истории народов, обитавших на территории современного Туркменистана с древнейших времен. В связи с этим она старается изучить самые разнообразнейшие следы прошлой деятельности человека, включая памятники материальной культуры по возможности всех категорий. При этом большое внимание на протяжении всех лет экспедиция уделяла былому керамическому производству с эпохи энеолита до XIII в. н. э. включительно. Благодаря этому эволюция в истории развития этой археологической отрасли для Южного Туркменистана впервые оказалась изученной шире, чем во всех прочих республиках Средней Азии.

Это в известной мере нашло отражение и в публикуемой статье археологов-ютакинцев И. А. Ахрарова и З. И. Усмановой, входящей в

научный обиход вскрытую на мерском городище Гиур-кала тогтарную печь III—начала IV в. Она является определенным звеном в непрерывном процессе керамического производства в Марганае с третьей четверти I тысячелетия до н. э. вплоть до эпохи развитого феодализма, предшествующей монгольскому завоеванию.

С первых лет своей полевой деятельности ЮТАКЭ, приступив к комплексному археолого-топографическому исследованию гигантских уникальных руин Старого Мерва, много лет в широком плане изучала огромную территорию бывшего феодального шахрибуна, начинавшего складываться как пригород с раннего средневековья к западу от его тогдашнего шахристана (ныне Гиур-кала). Вскоре же после присоединения города к Арабскому халифату сюда при Абу-Муслиме во второй половине VIII в. был перенесен административный центр, базар, выстроена новая соборная мечеть. На новой площади быстро оформился собственно город (ныне Султан-кала), обнесенный затем особой стеной с последующими двумя северным и южным обводами, с особой цитаделью вместо прежней Эрк-калы и обширным западным пригородом, занятым ремесленными кварталами. Последние окружали значительный участок загородной мечети намазгох или мусалла.

На протяжении ряда лет XVIII отряд ЮТАКЭ осуществлял на новой территории города всестороннюю археологическую разведку, сопровождавшуюся раскопками в различных участках и заложением стратиграфических шурфов. В соответствии с § IV «Положения» об ЮТАКЭ особое внимание уделялось памятникам материальной культуры Туркменистана эпохи XI—начала XIII в. Особой темой при этом явилось исследование жилой архитектуры. Полученные результаты освещены в помещенной в данном томе работе С. Б. Луиной.

Ею охвачены впервые выявленные объекты, начиная от очень скромных домишек из нескольких комнат и до парадных, почти дворцовых сооружений, насчитывающих до полусотни помещений. Это позволило установить несколько одновременно существовавших типов жилых зданий, отличающихся как в планировочном отношении, так и по отделке, что зависело от степени зажиточности их владельца. Подобные целеустремленные работы в Средней Азии проводятся впервые и их продолжение с охватом более широких хронологических рамок совершенно необходимо.

Кстати, ЮТАКЭ обнаружила при проведении указанных археологических вскрытий немало высокохудожественных средневековых резных алебастровых панелей с разнообразной парадной ornamentацией. Эти чудесные памятники должны заинтересовать Музей истории и искусства республики, которым надлежит осуществить их перенос в экспозиционные залы для самого широкого показа, как они того заслуживают. Между тем, будучи засыпаны землей при консервации помещений в конце раскопочных сезонов, они останутся недоступными для обозрения, чему пора положить конец.

Находки на территории Туркменской ССР монет прошлого представляют огромный научный интерес не только для выяснения истории бывшего денежного хозяйства. С момента образования в 1881 г. из так называвшегося Закаспийского военного отдела Кавказского округа Закаспийской области и вплоть до 1917 г. обнаруживалось здесь немало кладов и отдельных экземпляров старинных монет. Они, как правило, расходились по рукам и в конце концов были утрачены. Иногда их носили «для оберега» и как амулеты тумаров. Часто они попадали в мастерские бакинских «старгавов» (ювелиров), а те переплавляли сделанные из драгоценных металлов монетные кружки для изготовления колец, браслетов, серег и других поделок. Изредка, если находка

старинных монет тем или иным путем оказывалась в распоряжении административных органов, те отправляли их в Петербург. Там их регистрировала в таких случаях Археологическая комиссия и публиковала в своих годовых отчетах. Отдельные лучшие экземпляры передавались в музеи, а большинство дублетов отправлялось в переплавку на Монетный двор в Петропавловской крепости. К счастью уже с 80-х гг. местные старинные монеты стали привлекать внимание проживавших в области частных любителей-коллекционеров. Хотя они и не были учеными нумизматами, но благодаря им некоторая часть монетных находок оказалась спасенной для науки.

Советское государство с первых дней своего существования объявило все клады старинных монет собственностью государства. Уже в Туркестанской республике начат был мной основной учет любых нумизматических находок на территории всей Средней Азии, начиная с 1917 г. С конца 20-х гг. материалы о находках публикуются сначала в Ташкенте, а затем и в столицах других среднеазиатских республик. С организации в 1946 г. ЮТАКЭ такого рода работа получила более интенсивное развитие и по Туркменистану с опубликованием впервые ее результатов в виде ряда научно-исследовательских статей в ашхабадских научных изданиях. Не оставлена была в стороне и история самого сложения коллекций местных нумизматических объектов с конца прошлого столетия.

К этому последнему важному для науки вопросу и относится помещенная в данном томе интереснейшая и весьма содержательная работа — «К истории первых находок и сборов древних монет на территории Туркменистана». Ее автор профессор Б. В. Лунин, крупнейший в СССР знаток истории развития знаний о Средней Азии в части общественных наук за два последние столетия. Статья основана не только на обширном материале, почерпнутом из разнообразной научной литературы, но также на многочисленных данных, извлеченных им из прессы конца XIX в. и неопубликованных документов центральных архивов. Снабженная большим числом примечаний, она может служить неплохим примером для подобных исследовательских работ в этом направлении.

Мероприятия по осуществлению работ 4-й очереди строительства Каракумского канала вызвали в кругах связанных с этим лиц повышенный и чисто практический интерес к прошлому подлежащих орошению земель древнего Дахистана. ЮТАКЭ отреагировала на это статьей «Орошение Мешхед-и Мисрианского района и познание его прошлого», опубликованной в популярном журнале на туркменском и русском языках «Памятники Туркменистана», 1971, № 1 (11). В этой же связи мы нашли своевременным ввести в научный обиход данные об очень интересном крупном кладе серебряных монет, найденных еще в 1942 г. в развалинах тамошнего крупного городища Мадау (средневековый город Ахур), до сих пор почти не известных даже научным специалистам, а тем более местным жителям. Они принадлежат чекану династии Хулагуидов XIV в., т. е. приходятся на пору, когда городская жизнь в Мешхед-и-Мисрианском районе явно не начала еще окончательно хиреть, а земледельческая культура, базировавшаяся на искусственном орошении, не пришла в состояние критического упадка. Клад этот по нашей просьбе детально обработал бывший ютацинец, археолог М. Н. Федоров. Краткое изложение результатов его исследования содержится в публикуемой статье этого автора.

Одним из направлений деятельности ЮТАКЭ с самого ее учреждения является тематика, связанная с исторической географией Южного Туркменистана, в частности с изучением исторической топографии руин

его былых городов и сопоставлении археологических исследований с дошедшими до нас данными письменных первоисточников. Это в значительной мере облегчается тем, что подобного рода вопросы привлекали к себе внимание в Средней Азии с конца прошлого столетия. Связанные с ними так называемые «полевые работы» получили особенно широкий размах при Советской власти после проведения национального размежевания. Хотя большая часть осуществленных исследований не нашла отражения в печати, а материалы по ним хранятся в виде рукописей и чертежей по разным архивам, все же полученные результаты позволили прийти к ряду новых научных выводов в части истории сложения и дальнейшего формирования местных древних и феодальных городов. Это дало возможность мне уже с 1939 г. читать специальный курс по исторической топографии городов Средней Азии на историческом факультете Среднеазиатского государственного университета.

Поскольку он до сих пор не опубликован, кроме его слушателей и лиц, проходивших по нему полевую практику, ряду специалистов остаются полностью неизвестными разработанные в Средней Азии ни принципы, полагаемые в основу изначального момента при постановке соответствующих исследований, ни понимание исторически сложившегося микрорельефа до проведения на том или ином объекте земляных работ, ни техники осуществления последних, ни приемов археологических наблюдений за ними с учетом местных почвенных, ботанических и зоологических индикаторов. Без осуществления этого иногда не все кажущиеся непреложными выводы оказываются в действительности таковыми, в том числе в части датировок, установления изначального назначения сложных объектов, проектировки на изучаемый памятник данных, извлеченных из письменных источников и т. д.

Недоучет сказанного и такой «прописной истины», как возможно полное использование фактов по истории изучения тех или иных объектов, порой вызывает досаду из-за появления некоторых легко своевременно устранимых погрешностей, наличествующих порой даже в крупных и интересных опубликованных трудах.

В настоящее время окончательно выяснилось, что практически невозможно отразить в печати, во всяком случае в ближайшем будущем, в виде отдельных статей и монографий все открытия, наблюдения, выводы и результаты, полученные ЮТАКЭ за десятилетия ее деятельности. Вместе с тем налицо ряд весьма благоприятных отзывов на появившиеся уже в предыдущих томах краткие сводки об экспедиции за 40—50-е гг. Отклики на них поступают от различных организаций и лиц, которым в пределах СССР и в зарубежных странах приходится сталкиваться в своей работе с прошлым Туркменистана от первобытного общества до феодализма включительно. В связи с тем, чтобы ввести в научный обиход ряд деталей о былой деятельности ЮТАКЭ, в данном томе публикуется очередная также краткая хроника об ее полевой работе за 1958 г., составленная начальником экспедиции. Нельзя при этом не учитывать того, что подобные сводки способствуют пропаганде и более широкому внедрению в читательские массы археологических достижений Советского Туркменистана.

М. Е. МАССОН

КРАТКИЙ ОЧЕРК ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩ СТАРОГО МЕРВА ДО 1946 г.

Подлинно научное и непосредственное изучение Старого Мерва началось только с 1884 г. после мирного присоединения его к России. Правда, за предшествующие почти полтора столетия, начиная с посещения Мерва русским купцом Данилой Рукавкиным в 1753 г.¹, в Европу попадали некоторые данные о городе, но они больше касались тогдашнего его состояния как населенного пункта.

Об остатках мервской старины ничего не сообщил участник неудачного похода 1777 г. на Мерв (Мавр) почти двухтысячного отряда бухарских войск эмира Даньяра сержант Филипп Ефремов². Он, вероятно, и не видел Старого Мерва, а местный правитель из каджар, Байрам-Али-хан, по всем данным, нанес поражение бухарцам еще до выхода их из песков Каракумы, о чем Ф. Ефремов в своих записках не упоминает. Сведения о руинах обширных древних и средневековых мервских городищ стали проникать в Европу с XIX столетия, когда последние пришли почти в полное запустение, а обжитыми до некоторых пор оставались только Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-хан-кала. Проехавший в 1800 г. через Мерв из бухарских владений Габайдулла Амиров сообщил, что тогдашний город (значительно опустевший после первого переселения мервцев при Шахмурад-беге в Бухарское ханство) был обведен стеной с тремя воротами, торговля велась в трех караван-сараях, построенных из кирпича, и что внутри арка находился дворец погибшего еще в 1785 г. Байрам-Али-хана³.

В середине первого десятилетия при бухарском эмире Хайдаре в последний раз была разрушена главная плотина на Мургабе и мервские жители были уведены в Бухарское ханство. Брошенные наши уже до того стали постепенно переходить к проживавшим с 1790 г. в сельской местности туркменам сарыкам. Вскоре после того, как в 1824 г. хивинцы, к которым Мерв перешел за два года до того, основали на правом берегу Мургаба около Махана укрепление, положившее начало новому Мерву или Мары, туда переселились последние горожане

Старого Мерва, а туркмены использовали калу Байрам-Али-хана как свою крепость.

В первые десятилетия XIX в. ни один европеец не побывал в Мерве. Посетивший Хорасан в 1821—1822 гг. Фрезер собрал о городе опосредованные сведения у одного муллы, мервского уроженца, и у ряда лиц, преимущественно купцов, проезжавших через тамошние старые городища. С их слов в описании своего путешествия Фрезер упомянул городище Гяур-кала (известное под этим названием уже на русской карте конца XVIII в.)⁴, мавзолей Санджара, красивую мечеть с медресе, якобы построенную Тимур-шахом, «прекрасный арсенал», сводчатый базар и усыпальницу богатыря, который, по преданию, метал камни весом в 40 менов на расстояние до 10—12 фарсахов (то есть мазар Ахмеда Замчи)⁵.

Первым европейцем, побывавшем в Мерве XIX в. (в 1831 г.), был миссионер пастор-англиканец, доктор И. Вольф (I. Wolff), не опубликовавший тогда никаких данных об его городищах.

Вторым оказался офицер Ост-Индийской службы англичанин А. Борнс, направленный в 30-х гг. в Иран, Афганистан и Бухару в качестве разведчика и дипломатического агента правительством Великобритании, ревниво и с опаской следившей за продвижением России в Среднюю Азию. В 1832 г. с попутным торговым караваном на пути из Бухары в Персию он наблюдал городища Мерва мельком 27 августа, отнюдь не задерживаясь на них. Вот почему в своем дневнике А. Борнс посвятил им лишь несколько фраз: «Около полудня мы снова пустились в путь и в пору захождения солнца увидели себя между развалинами укреплений, теперь совершенно покинутых; развалины эти стояли группами на обширной равнине и служили памятником деятельности и древнего образования жителей знаменитого царства Мерва или Меру, как наши историки неправильно называют его»⁶. Далее автор дневника сообщает, что местное население приписывает построение Мерва грекам и даже самому Александру Македонскому, а развалины именуют «Мерв-и Макан (а)... с развалин мервского замка путешественник и теперь еще может видеть остатки прежней населенности на расстоянии тридцати миль в окружности, где повсюду стоят опустошенные села и распадающиеся стены»⁷. Очевидно, недоразумением нужно считать возможно непонятые А. Борнсом слова некоторых членов каравана, сказанные ему, когда они подъезжали к берегу Мургаба, будто оттуда виден «возвышенный холм, на котором стоит разрушенный мервский замок»⁸. В. А. Жуковский ошибочно отнес это к Старому Мерву⁹. На самом деле, видеть из района Мары даже самую возвышенную его часть, а именно Эрк-калу, невозможно.

Восемь лет спустя после А. Борнса Старый Мерв посетил направленный по инициативе Лондона в Хиву в качестве посланника Ост-Индского правительства английский офицер Абботт (James Abbott). Официальным мотивом его миссии было якобы освобождение захваченных и томившихся в Хивинском ханстве на положении рабов русских пленников. В действительности же, он вез хивинскому хану предложение «английской дружбы» и помощи против России. Выехав из Нового Мерва в направлении восток-северо-восток, он некоторое время спустя увидел на горизонте руины старого города, среди валов которого возвышалась мечеть, за которую, несомненно, был принят издали виднеющийся мавзолей Санджара. Специально городище Абботт не осматривал и привел о них некоторые сведения со слов своих спутников. По их представлениям, Старый Мерв был построен огнепоклонниками, от времени которых сохранились крепость Kullat Ghubbah. Очевидно, в такой искаженной транскрипции автор пытался передать термин Кала-и Гебр, как один из вариантов названия городища Гяуркала. О

размерах Старого Мерва ему говорили, что город меньше Херата, и окружность его якобы не превышает четырех миль. Сам Абботт считал, что в действительности площадь занимаемая развалинами, по крайней мере, в восемь раз больше. При этом он первым высказал правильную мысль, что вся эта территория занята руинами разных эпох и отнюдь не обживалась одновременно целиком¹⁰.

В 1841 г. в Мерве побывал злополучный английский капитан А. Конолли. Ездивший со специальной миссией правительства Ост-Индии в Хиву и Коканд, чтобы поддержать их сопротивление продвижению России в пределы ханств, он на обратном пути стал вместе с полковником Стоддартом жертвой произвола эмира Насруллы-хана. Они долгое время содержались в бухарской тюрьме при арке (т. е. в зиндане), несмотря на заступничество находившейся в это время в Бухаре русской миссии К. Ф. Бутенёва. Вскоре же по возвращении последней в Россию, оба офицера были публично обезглавлены 17 июня 1842 г. перед эмирским дворцом на площади Регистан. По сохранившимся выдержкам из дневника А. Конолли и дошедшим до нас письмам явствует, что он в бытность свою в Новом Мерве посетил развалины Старого, побывав сначала, как он пишет, в «двойном городе», т. е. в Абдулла-хан-кале и Байрамали-хан-кале. В цитадели он отметил оплывшие валы двух громадных бастионов. Выехав на вершину более высокого из них, А. Конолли с расстояния 1,25 мили увидел остатки третьего города, а всего насчитал четыре городища в окружении разновременных развалин, тянувшихся до горизонта. В середине западной стены «двойного города» он видел сводчатые ворота из жженого кирпича, за которыми тянулась улица, с обеих сторон обставленная кирпичными стенами базарных лавок. За ними вплоть до городских стен располагалось большое количество домов, которые были необычайно хорошей сохранности. Поражала прекрасным состоянием двухкупольная общественная баня, для которой было бы достаточно незначительного ремонта, чтобы сделать ее годной к использованию¹¹.

В связи с трагической судьбой Стоддарта и Конолли в Мерве вновь побывал английский миссионер И. Вольф. Формально целью его поездки считалось выяснение всех обстоятельств пребывания двух упомянутых европейцев в бухарском застенке или их гибели, а в последнем случае возможное спасение оставшихся после них письменных материалов.

В 1844 г. Вольф вновь попал в Мерв и прожил в нем три дня. Поглощенный политическими и дипломатическими делами в соответствии со своей миссией, а может быть, и природными склонностями, он мало уделял внимания описанию природы стран, через которые пролегал его путь, быта и обычаев их населения. Про Старый Мерв мы находим у него упоминание, что вблизи Нового Мерва он попал в «развалины крепкого города, называемого Султан Санджар» и что там находят монеты с арабскими надписями, чеканенные с именем этого сельджукского правителя. Он первый сообщил со слов туркмен, что, по преданию, Санджар велел подвесить ящик со своим золотым венцом под куполом собственного мавзолея¹².

Неудачная для Великобритании англо-афганская война 1841—1842 гг., как и мало успешная миссия И. Вольфа, способствовали прекращению на некоторое время отправок Англией своих разведчиков с политическими заданиями в Среднюю Азию. В 50-х гг. усилия английской дипломатии в отношении ее южных областей сводились в основном к подстрекательству персидских правителей для установления господства над разрозненными туркменскими племенами, в частности над текинцами, вытеснившими в середине XIX в. из Мерва сарыков, державшими в 1847 г. осаду Байрам-Али хивинцами и частично восстановив-

шими Султанбендскую плотину. В эту пору одним персидским инженером была составлена в условной восточной манере крупная, длиной в 5,7 м, карта дороги из Мешхеда через Мерв в Бухару и оттуда в Балх. После того, как она попала в Париж, по линии тамошнего Географического общества с нее сделали эскиз в одну шестнадцатую натуральной величины и снабдили французским переводом, изданным в «Бюллетене» этой организации¹³. В приложенном к карте объяснительном персидском тексте с большими неточностями говорится, что Старый Мерв-шахджиган, расположенный будто бы всего в двух фарсах от Нового, имеет внутри окружающей город неразрушенной стены надгробия Шахджиган. В 500 шагах (sic!) расположен другой город Султана Санджара с крепостью в середине из жженого кирпича с многочисленными башнями (имеется в виду Шахрияр-арк, находящийся в действительности в северо-восточном углу Султан-калы и имеющий стены из сырца. — М. М.). На городище расположены могила Санджара и построенное им медресе. Дальше на север (на самом деле на восток. — М. М.) возвышается громадная крепость (городище Гяур-кала с Эрк-калой. — М. М.) «без назначения в настоящее время». Примитивная, как бы панорамная зарисовка городищ Старого Мерва, произвольно выполненная без масштаба и каких-либо правил, несмотря на надписи у некоторых объектов, лишена всякой наглядности и неполноценна в научном отношении даже в качестве схемы¹⁴.

С середины 50-х гг. персидские отряды вторгаются в область Мерва неоднократно. В 1857 г. правитель Хорасана захватил город и жестоко расправился с мирными жителями за налеты туркмен на иранские земли. Еще более опустошительным было нападение шахских войск в 1860 г. Между прочим, тогда при них состоял принятый самим персидским шахом Нарс-эд-дином на службу француз Гулибёф де Блоквиль. В его обязанности согласно контракту входили сбор различных сведений во время кампании, составление описания районов военных действий с изготовлением карт и «видов», как будто фотографических. В почти необитаемый Мерв Блоквиль вступил с войсками 19 июня 1860 г. В сентябре при выезде из города вместе с отрядом был взят туркменами в плен, в котором находился несколько месяцев и освобожден только в середине 1861 г. О развалинах Старого Мерва в составленных им записках не говорится ни слова¹⁵.

Новые данные о Старом Мерве относятся уже к 1881 г., когда в оазис низовьев Мургаба пробрался энергичный, талантливый корреспондент английской газеты «Daily News» Едмонд О'Донован, сочетавший черты авантюриста и незадачливого кустаря дипломата.

За время своего пребывания в Новом Мерве О'Донован неоднократно бывал на старых мервских городищах. Он оставил о них наиболее подробные сведения по сравнению со всеми своими предшественниками. Правда, снятый им план Старого Мерва очень неверен, приводимые в тексте направления стран света почти всегда перепутаны, указанные в ярдах расстояния, как и ряд сообщаемых им других данных, часто далеко не точны, а сопровождающие их исторические комментарии ошибочны и наивны. Тем не менее, некоторые его наблюдения представляют и сейчас определенный научный интерес.

Протяжение стен древнейшего городища Мерва «Форта неверных», то есть Гяур-калы, О'Донован определял с востока на запад в 850 ярдов, а с севера на юг — 650. В одном месте высоту оплывшей стены этой калы он указал в 60 футов. Отметил также и то, что в прежнее время внутрь города вода попадала по каналу со стороны западного фаса, где были видны следы небольшого бассейна. Цитадель (Эрк-кала) показалась ему расположенной в северо-восточном углу городища и

имеющей четырехугольный план, причем на некотором протяжении ее стена как бы совпадала с линией северного фаса городской стены. В середине северного фаса Эрк-калы О'Донован застал высившиеся остатки надстроенного в более позднее время парапета, у которого в 1881 г. имелись крепостные зубцы. В центре Гяур-калы он увидел на вершине какого-то всхолмления следы стен и башен, предположив, что это руины или дворца, или какого-то оборонительного сооружения.

Вне Гяур-калы, ярдах в 300 западнее (а вернее, северо-западнее. — М. М.) группы зданий у могилы Юсуфа Хамадани, О'Донован осмотрел остатки каких-то сооружений на квадратной площади со сторонами в 500 ярдов в длину. Он предположил, что здесь некогда располагался военный лагерь, но следы бывших оплывших внешних укреплений были очень незначительны. Туркмены называли эти руины Искандер-кала, по словам О'Донована, якобы потому, что здесь некогда стояла армия Александра Македонского на пути в Индию. Во время своего сообщения в Лондоне 27 марта 1882 г. на заседании Английского королевского географического общества О'Донован говорил, что посещенные им развалины «Крепости Александра» имеют валы, идущие со всех четырех сторон по 200 ярдов каждая, напоминают теперь громадную железнодорожную насыпь.

О'Донован считал, что «Форт неверных» был разрушен в 606 г., арабы же при четвертом халифе отстроили рядом новый. Его руины, которые якобы туркмены называли городом Султана Санджара, были восприняты автором как имеющие квадратный план со сторонами около 600 ярдов каждая. В городской стене он отметил большое количество бурдж и четверо ворот с фланкирующими башнями. Появление последних он отнес ко времени после разрушения Мерва войсками Тули, сына Чингиз-хана, на том основании, что в них он заметил «артиллерийские амбразуры». Внутри городища, кроме мавзолея Санджара, по словам О'Донована, от бывших некогда зданий «не осталось камня на камне». Это он приписывал тому, что проходившие с караванами люди усиленно перекапывали всю территорию города в поисках сокровищ. Как говорил ему Юсуф-хан, время от времени здесь находили большое количество старинных монет и сосуды из драгоценных металлов. Вместе с тем О'Донован высказал вполне реальное соображение, что строительные материалы с бывших зданий, очевидно, вывозились отсюда на сооружение различных построек на месте города, получившего затем наименование Байрам-Али. При описании усыпальницы Султана Санджара он отметил: во-первых, внушительные размеры мавзолея, до вершины купола которого, ему казалось, не менее 60 футов; во-вторых, что современный пол внутри усыпальницы по крайней мере на 6 футов ниже первоначального; в-третьих, что раньше надгробник был, вероятно, из камня, тогда как в 1881 г. он, во всяком случае снаружи, был из глины; и в-четвертых, что сама могила служила местом поклонения. Можно думать, что демонстрировавшийся О'Донованом на упомянутом заседании Английского королевского географического общества голубой изразцовый кирпич принадлежал облицовке давно рухнувшего наружного купола мавзолея, поскольку таковые же крупные изразцы много раз находили около этого памятника и позднее.

Первым из европейцев отметил О'Донован две большие кучи битых кирпичей и отчасти камней в 150 ярдах от мавзолея Санджара (автор приводил раньше в своем докладе и другую сильно преувеличенную цифру в 2 мили. — М. М.) у дороги, ведущей к городским воротам (по не южным, как он пишет, а к западным. — М. М.). Ему казалось, что под ними находятся могилы неких врагов этого сельджукского государя. Кто они были и что именно они сделали Султану, туркмены объяснить

не могли. По давно установившемуся обычаю, группа всадников на глазах у О'Донована задержала лошадей ярдах в 50 от куч, а затем пустилась вскачь, стреляя из ружей в эти кучи. Невооруженные же въехали наверх, сошли с коней, схватили куски кирпичей и с бешеным бросили их в кучи, произнося проклятия и ругательства в адрес неизвестных врагов султана.

Вне городища Султан-кала О'Донован упомянул группу сырцовых сооружений у трех мазаров шейхов или имам-заде. Наиболее почитаемой святыней здесь была могила «пехлевана Ахмеда Табанджи». Около нее лежали принесенные пилигримами земля, якобы из Мекки, куски разбитых мраморных надгробных плит и разломанное надвое крупное мраморное же старинное пушечное ядро диаметром до 12 дюймов.

Первым же из европейцев и особенно подробно описал О'Донован другой комплекс построек у мазара Ходжа Юсуфа Хамадани, единственно обжитого тогда памятника на городищах Старого Мерва и вместе с тем использовавшегося с практическими целями. Именно здесь у чтимой могилы перед вступлением в маловодную пустыню была в 1881 г. последняя хоть сколько-нибудь оборудованная станция для караванов, шедших из Мешхеда через Новый Мерв в сторону Бухары. Тут находился обнесенный дувалом двор для выючных и верховых животных. В одном из его углов имелся действовавший глубокий колодец с подъемным колесом и бадьей. Рядом было сводчатое помещение из жженных кирпичей, дверь которого выходила во двор. Сводчатая кровля была сильно закончена, но О'Доновану казалось, что поверхность кирпичей покрыта серебром или свинцом. По словам двух обслуживавших святыню суфи в белых тюрбанах, это было сделано якобы по распоряжению бухарского эмира Абдуллы-хана. В этом же помещении на кирпичах были установлены два громадных котла (диаметром до 5 футов). Они считались даром Эмин-хана из Ургенча (1845—1855), приезжавшего сюда из Хорезма для поклонения месту погребения святого. Западнее сводчатого помещения располагалась небольшая мечеть, строителем которой считался Мухаммед Хусени Херати (каджар середины XVIII в.), приходивший сюда для совершения зиярата мазару Юсуфу Хамадани. Могила последнего находилась в центре примыкавшего к мечети замкнутого квадратного двора площадью 100 на 100 ярдов. В комплексе зданий имелось еще несколько небольших помещений, часть которых предназначалась для пребывания путников.

Несколько подробнее, чем предыдущие городища, О'Донован описал самое позднее «Байрам-Али», ошибочно полагая, что этот город разрушил основатель бухарской династии Мангытов. Состояние Байрамалийского городища на 1881 г. он охарактеризовал как «груды развалин», единственными обитателями которых были при нем змеи и шакалы. Подъезжавшие тогда со стороны Нового Мерва видели «цепь разрушенных стен и зданий» перед западным фасом первой стены протяжением до 200 ярдов. Сложенная частично из жженных кирпичей, частично из сырца она имела до 15 футов высоты и была фланкирована крупными башнями. В середине фаса были устроены сводчатые ворота с низким входом. За ними внутри огороженного крепостной стеной четырехугольного пространства шла улица, по обе стороны которой виднелись жалкие развалины кирпичных домов. Лишь в южной стороне ближе к восточному краю высилось крупное здание бани с купольным перекрытием. О'Донован воспринял всю эту западную часть городища как более позднюю пристройку, предназначенную для размещения на ее территории караванов. К ней, по его словам, примыкал уже собственно город Байрам-Али прямоугольный в плане со сторонами в 200 ярдов с востока на запад и в 250 ярдов с севера на юг. Стены его

были значительно выше, имели двое ворот в западном и восточных фасах такой же сводчатой конструкции, что в первой огороженной площади, но более солидных размеров и шире. Внутри стен городища все пространство также было заполнено развалинами, но некоторые из них имели лучшую сохранность. К таковым прежде всего принадлежали руины мечети, расположенные ближе к центру и сохранившие свой купол, господствовавший в силуэте города. К мечети примыкало обширное здание, которое О'Донован считал жилищем муллы. Северо-восточный угол городища занимала квадратная в плане цитадель (80×80 ярдов). Внутри ее находились развалины будто бы некогда трехэтажного дворца правителя, часть помещений которого была изукрашена арабесками. Недалеко от входа во дворец виднелись остатки разрушенного сводчатого «водопровода» из жженных кирпичей. Замок его арки находился от пола на высоте 80 дюймов, а ширина пролёта равнялась 12 дюймам. В разных местах виднелись засыпанные колодцы.

Свой доклад, сделанный на упоминавшемся заседании 27 марта 1882 г., О'Донован закончил словами: «Таковы остатки Мерва — три абсолютные развалины»¹⁶.

После О'Донована до присоединения Мерва к России в 1884 г. в нем побывало несколько русских подданных и европейцев. Приезжая сюда с разведочными и дипломатическими целями, они все внимание уделяли разрешению прямых задач и не оставили после себя почти никаких сведений о мервских городищах. Некоторые, по-видимому, даже не были в Старом Мерве.

В самом начале 1882 г. в Новый Мерв из Ашхабада пробрались два офицера. Один из них был Соколов, переименованный в Платон-ага, другой — мусульманин поручик Максуд Алихан (ов) -Аварский (назавшийся казанским татарин^{ом} Максутом). Позднее с 1884 г. он ряд лет состоял начальником Мервского округа и оставил определенный след в изучении Закаспийской области. В 1882 г. под видом приказчика М. Алиханов провел в Новом Мерве три недели, собрал нужные сведения, но мервские городища остались вне сферы его специального внимания. Все же он записал противоречивые слышанные им местные предания. Одно из них приписывает самому Александру Македонскому основание какого-то мервского городища (название его не приводится). Другое повествует о том, что в Мерв заходил с македонскими войсками только один из военачальников Александра и даже якобы женился здесь. О самих развалинах М. Алиханов в своей работе, посвященной результатам его разведки 1882 г., не приводит никаких данных, если не считать фразы, что около Гяур-калы Султан Санджар построил себе великолепную новую резиденцию «Султан Санджар-кала», развалины которой свидетельствуют о блестящем состоянии в его время архитектуры¹⁷.

В том же 1882 г. в Мерве дважды побывал, но уже официально, известный исследователь Южного Туркменистана инженер П. М. Лессар, причем во второй раз в октябре даже по приглашению Майли-хана из племени сичмаз. Однако в опубликованных результатах этих поездок говорится только о проделанных маршрутах, и ничего нет о развалинах Старого Мерва¹⁸.

1883 г. очень мало дал для познания памятников старомервских городищ, хотя в Новом Мерве побывали такие достаточно культурные французы как барон де Бенуа Мэшэн и Генрих Мозер, путешествовавшие на свои личные средства. Бенуа перед этим с 1878 г. проехал по многим странам Востока. Попав в 1882 г. в Туркестан, он посетил Ташкент, Самарканд и оттуда проехал в Хиву. Там Бенуа присутствовал на приеме хивинским ханом делегации туркмен во главе с Кара-

кул-ханом, ходатайствовавшей о принятии мервцев в подданство Хорезма. Затем с разрешения Черяяева он с ответным хивинским посольством попал в Мерв, где провел два месяца, настойчиво рекомендуя мервцам принять подданство России. Бенуа очень интересовался туркменскими аргамаками и с помощью Кара-кул-хана раздобыл для отправки во Францию несколько великоленных жеребцов и кобыл. Но памятники Мерва, видимо, не очень привлекли его внимание, поэтому они не нашли отражения в составленном им описании своего путешествия в Туркестан¹⁹.

Г. Мозер, сын известного часовщика в Петербурге, в 1883 г. проездом через Туркестан в Персию, провел некоторое время в Мерве. В описании своего путешествия он мельком говорит о Старом Мерве, упоминает в искаженной форме название руин «Кавар-кала» и ограничивается несколькими фразами поверхностного исторического очерка Мерва с большими неточностями. Мервские же городища и расположенные на них памятники не нашли отражения ни в его тексте, ни в иллюстрациях, хотя ими изобилует роскошно изданная им книга о своем путешествии²⁰.

В ноябре 1883 г. к Теджену из Ашхабада был двинут с демонстративной целью отряд полковника Муратова, при котором адъютантом состоял М. Алиханов, отправившийся по своей инициативе в Мерв, куда и был отпущен. Прибыв туда 12 декабря, он пробыл в городе до 4 января следующего года, ведя переговоры с влиятельной ханшей Гюль Джамал о добровольном присоединении Мерва к России. Эта принятая им на себя миссия, по-видимому, целиком поглощала его время и Старому Мерву он не уделяет того внимания, которого тот заслуживал. Это явствует хотя бы из того, что М. Алиханов в своих «Закаспийских воспоминаниях», написанных позднее, даже после выхода в свет капитального труда В. А. Жуковского «Развалины Старого Мерва», об этом городе приводит лишь краткие и довольно путанные общие исторические сведения²¹.

На этом, собственно, заканчивается первый этап в истории изучения старомервских городищ, так как весной 1884 г. мервские теке добровольно признали себя подданными России, а 6 марта русские войска вступили в Новый Мерв.

Изменившаяся ситуация сделала более доступным посещение руин Старого Мерва, непосредственно к югу от которых постепенно сложился новый небольшой городок с прежним названием Байрам-Али. Отныне городища не только мельком осматривают лица, совершающие путь из Ирана и Афганистана в Бухару или обратно. В Старый Мерв заезжают уже специально, часто, чтобы внимательно ознакомиться с его развалинами, люди самого разнообразного положения в обществе: путешественники, в том числе иностранные, представители русской администрации, ученые специалисты и др. В результате на новом этапе значительно пополняются точными данными научные представления по истории Мерва как одного из древнейших городов Средней Азии.

Уже в конце апреля 1884 г. временно исправлявший должность Туркестанского генерал-губернатора генерал-майор (позднее генерал-лейтенант) Н. И. Гродеков командировал из Ташкента двоих офицеров в недавно тогда занятый Мерв. В их задачу входили маршрутная съемка и описание двух дорог к этому городу от берегов Амударьи со стороны Бухары. Старший из них Л. Синицын в опубликованной им газетной статье об этой поездке привел ряд подробностей о встретившемся им 21 мая по дороге комплексе зданий при могиле Ходжа Юсуфа Хамадани. На другой день он со своим спутником поручиком Д. специально выезжал из Кошут-хан-калы (именовавшейся тогда то «Николаевским укреплением», то просто Мервом) для посещения Старого

Мерва в сопровождении двух приставленных к ним малосведущих туркмен. Среди груды развалин Байрам-Али-хан-калы они обратили внимание на хорошо сохранившиеся бани только с двумя обнажившимися сводами и на ту часть дворца Байрам-Али-хана, в которой были тогда прекрасно уцелевшие своды, а также грубоватая настенная живопись. Вне калы им показали «конусообразные постройки», служившие, по словам туркмен, для хранения льда. После того они осмотрели большие стены Гяур-калы или Гебр-калы «самого древнего из Мервских городов», его «круглой формы» цитадель, городище Султан-калу с мавзолеем Санджара и «две гробницы», на одной из которых находился надгробный камень из серого мрамора с надписью, якобы упоминавшей некоего «Магомед Джафара» и дату «1114 г. х.»²² (1702—1703 г. н. э.).

Несколько больше сообщил о Старом Мерве военный топограф Петров, проводивший рекогносцировку от Чарджуя в том же 1884 г. Он первым отметил, что при выходе из песков в 10 верстах от бугра Утунчи-тюбе находятся развалины крепости Шанм-кала, не упоминаемые ни одним из его предшественников. Перечисляя не без путаницы в указании расстояний городища Гяур-кала, Султанбава и «груды бывшей крепости Байрам-Али-кала», он пишет, что развалинами вокруг них занята территория свыше 50 квадратных верст²³.

Вскоре после принятия мервскими теке подданства России развалины Старого Мерва посетил главноначальствующий гражданской частью на Кавказе князь А. М. Дондуков-Корсаков, которому в административном отношении были подведомственны тогда все земли Южной Туркмении. На городище Байрам-Али-хан-кала, состоящем из трех частей, включая цитадель, были отмечены ханский дворец, а из прочих более или менее сохранившихся строений, несколько мечетей, громадное медресе, бани «с живописью на стенах в персидском вкусе». Мощное городище Гяур-кала было признано древним Мервом, известным под именем Муру или Мару. Неподалеку оказались подвергнутыми осмотру развалины Искандер-калы, основанной будто бы Александром Македонским или одним из его полководцев. Внутри этого городища в 1884 г. не было видно в микрорельефе никаких наружных признаков бывших построек. Лежащие несколько далее развалины обширного городища Султан-Санджар-калы были восприняты как якобы остатки города, возникшего лишь в XI столетии.

В процессе осмотра всех перечисленных объектов осуществлялась первая по времени фотофиксация их памятников, причем позднее при опубликовании статьи о посещении А. М. Дондуковым-Корсаковым Старого Мерва в качестве иллюстрации приложили рисунки, сделанные с некоторых этих фотографий. Восемь из них посвящены руинам Байрам-Али-хан-калы и по одной мавзолею Санджара, а также мазарам Бурейды и Гифари. Кроме того, к тексту приложен генеральный план развалин Старого Мерва в масштабе 5 верст в дюйме с показом на севере части вала Гилякии-чильбурдж, мечети Ходжа Юсуфа, а на юге Курван-тепе. Этот план более точен по сравнению с планом, составленным за несколько лет до того О'Донованом²⁴.

С 1884 г. во главе управления Закаспийской областью находился генерал-лейтенант А. В. Комаров. Культурнейший человек, он проявлял глубокий интерес к истории вверенного его попечению края, при своих разъездах вел археологические наблюдения, собирал археологические и пумизматические объекты и кое-где даже производил первые в Южном Туркменистане раскопки. В Старом Мерве он побывал в 1885 г. Внимательно ознакомившись со всеми городищами, а также с Шанм-калой, А. В. Комаров в некоторых местах заложил небольшие раскопки, не давшие существенных результатов. Внешний же осмотр всех разва-

лия привел его к заключению, что поселение на Гяур-кале можно считать древнейшим, что цитадель этого городища имеет высоту до 15 сажен и что недаром основание Мерва приписывают легендарному персидскому царю «Лохрасну». Сама кала, по словам А. В. Комарова, представляет значительное крепостное сооружение, обнесенное валом в 5—6 сажен высоты, внутри которого он усмотрел наличие «подземных галерей из кирпича». В определении протяжения стен Гяур-калы А. В. Комаров допустил преувеличение почти в 2 раза, назвав цифру 15 верст. Александра Македонского он считал первым завоевателем, положившим начало разрушению культуры в Мервском оазисе. Несколько в 1885 г. поверхность некоторых мервских городищ изобиловала подъемным археологическим материалом, можно судить по тому факту, что казаки, сопровождавшие генерала сотни в течение двух часов собрали немало разных камней (гемм, печатей) и до 1500 нумизматических объектов²⁵.

О не очень высоком уровне знаний европейских ученых в части прошлого Мерва в 1885 г. дает представление доклад, сделанный на эту тему в Лондонском географическом обществе востоковедом Г. Роулинсоном, который полагал, что Древний Мерв существовал еще в доисторические времена, поскольку, согласно Вендидада, он вместе с Балхом и Хорезмом, считался одним из ранних творений Ахура-Мазда. Первым точно засвидетельствованным письменными источниками событием в истории Мерва докладчик считал поселение в Маргиане парфянским государем Ородом I около 10 000 пленных римских солдат из армии Красса в 53 г. до н. э. Вторым документально зафиксированным фактом Г. Роулинсон считает введение около 200 г. сирийским священником Берешия в Мерве христианства. Столь же отрывочные краткие данные самого общего порядка были сообщены докладчиком для последующего времени вплоть до присоединения Мерва к России. При этом история этого города с момента его разгрома монголами Чингиз-хана ошибочно казалась ему «слишком известной, чтобы относительно ее входить в подробности»²⁶.

Со второй половины 80-х гг. два фактора стали играть заметную роль в дальнейшей судьбе старомервских памятников. Во-первых, быстрые темпы строительства второй очереди Закаспийской железной дороги, в результате которых участок «Ашхабад-Мерв» был открыт для нормального движения 30 июня 1886 г.², а вскоре поезда начали доходить до Байрам-Али и затем дальше. Это в значительной мере способствовало увеличению числа лиц, посещавших городища Старого Мерва ради ознакомления с ними. Во-вторых, в 1887 г. большое количество земель в их районе было отчуждено в собственность Министерства императорского двора, послужив базой для создания так называемого Байрамалийского государева имения. Это прежде всего привело к полному уничтожению без всякой предварительной документации всех развалин к югу и юго-западу от городищ Старого Мерва. В дальнейшем администрация Государева имения и подрядчики-поставщики жженой кирпичей для нужд быстро разраставшегося нового русского населенного пункта Байрам-Али ради получения этого материала многие годы интенсивно разбирали сначала более или менее уцелевшие старинные строения Байрам-Али-хан-калы и Абдулла-хан-калы, а затем и развалины на других городищах Мерва. Все, что обречалось на разбор, уничтожалось без какого-либо изучения, без обмеров, без изготовления чертежей или хотя бы краткого описания и в результате оказалось бесследно утраченным для науки.

Очень немногие лица, посетившие в конце 80-х гг. развалины Мерва, сообщили об этом в печати. Но большинство повторяло уже сказанное

предшественниками и лишь изредка сообщало что-то новое. В качестве примера можно указать на путешествие в Мерв в 1887 г. Едгара Буланже, который, хотя и упоминает о посещении некоторых городищ, однако их описаний не дал, зато приложил в качестве иллюстраций ряд фото. Среди них руины Кыз-калы, мавзолеев Санджара, мазары Бурейды и Гифари, ворота Байрам-Али-хан-калы, руины купольного здания внутри Абдулла-хан-калы и облицовочная изразцовая расписная майоликовая плитка с изящными изображениями²⁸.

В 1888 г. проехал по железной дороге от Узун-ада до Самарканда Э. Р. Циммерман. Первая его статья, посвященная этому маршруту и помещенная в журнале «Русская мысль» (1889, № 2), не содержит описания Старого Мерва. Зато в позднее вышедшем отдельном очерке приведено несколько небезытересных деталей.

В Старый Мерв Э. Р. Циммерман отправился верхом в сопровождении джигита-туркмена. Осмотрев в крепости Байрам-Али-хана руины обширного дворца, мечети, общественных бань «громадных размеров» и другие развалины, он выехал через большие восточные ворота в крепостной стене к Гяур-кале. Затем в двух верстах от последней ему показали Искандер-калу. После того, проехав по пустырю и перебравшись через вал оплывшей стены, они добрались до строений, связанных с могилой Ходжа Юсуфа Хамадани. Джигит при этом набожно прикасался руками к верхней поверхности намогильной плиты этого суфия, как он объяснил, для предохранения от болезней. Затем Э. Р. Циммерман побывал у мавзолея Санджара. Здание почему-то вспоминается им как «четырехкупольное». Видимо, валявшиеся кругом голубые изразцы от упавшего наружного купола привели его к неправильному заключению, что он видел стены мавзолея обнаженными от некогда покрывавшей их «глазури».

Войдя внутрь, Э. Р. Циммерман увидел в куполе отверстие и там якобы блеснул прикрепленный к четырем углам словно золотой квадратный ящик, величиной, как казалось снизу, около аршина. Туркмены говорили, что в нем хранятся сокровища, а может быть, какие-нибудь документы. Из опасения лезть наверх, никто еще не решался добраться до этого ящика.

Во второй половине дня Э. Р. Циммерман объезжал развалины «по правую сторону» железнодорожного полотна (южнее Абдулла-хан-калы). Он видел полуразвалившиеся башни, стены разных глинобитных зданий, руслу сухих арыков. Вся эта территория с явными следами бывшего цветущего состояния входила в 1888 г. в состав «Государева имения»²⁹.

Посещение в том же 1888 г. развалин Мерва художником Л. Е. Дмитриевым-Кавказским прошло почти бесследно. В его опубликованных и прекрасно изданных «Записках» Старому Мерву уделено всего несколько общих фраз. В них не без выпренности говорится о «дивно сохранившихся громадах храмов, на которых купола еще существуют», о развалинах городищ, «покрытых мертвящей вуалью мелкой пыли соседних песков» и т. п. В заключении высказывается сечение, что «чем больше попадает европейцев в Байрам-Али, тем меньше он (Старый Мерв) дает им своих древних даров» в виде черепков с прекрасной цветной поливой, монет и других мелких вещей, часто попадающихся после зимних дождей. Поражает, что в книге, очень щедро иллюстрированной массой собственных зарисовок художника, нет ни одного рисунка по Мерву³⁰.

Побывавший в Старом Мерве вскоре после Л. Е. Дмитриева-Кавказского, но уже в 1889 г. князь Эспер Ухтомский, рекомендуя себя «туристом—любителем старины», посвящает прошлому этого города

в своей книге «От Калмыцкой степи до Бухары» пять глав; XII — Тени минувшего; XIII — В древнем Мерве; XIV — Среди развалин; XV — Из жизни Маргианы и XVI — В Байрам-Али. Воздав хвалу нескольким иностранцам, прежде посетившим Мерв, и до объезда его руин ознакомившись с какими-то двумя новыми статьями о них «русских очевидцев», автор отозвался об их содержании словами: «Отчасти ложь, отчасти книжная дребедень». Между тем изложение исторических данных о Мерве у самого Э. Ухтомского носит больше беллетристический характер, изобилуя к тому же немалым количеством неточностей в приводимых сведениях, часто вообще неверных и к тому же ради занимательности сопровождаемых дилетантскими рассуждениями по общен историческим вопросам. Высказав удивление, что никто из выдающихся знатоков древности «рука об руку с ориенталистами» не собирается посетить Мерв, где «археологу-поэту... все будет открываться само собой», Э. Ухтомский, не дав никакого описания городищ и находящихся на них памятников, поднес читателям такую наукообразную, многословную и сумбурную болтовню, которая являет собой наиболее яркий образец несерьезной писанины о Старом Мерве³¹.

В 1890 г. Императорская археологическая комиссия командировала в Старый Мерв видного ориенталиста-медиевиста профессора В. А. Жуковского, который провел там три летних месяца, т. е. самое неблагоприятное время для работы в Туркмении. Было бы несправедливо предъявлять к нему большие требования. Уровень археологических знаний, особенно в части Средней Азии, был тогда очень невысок, как и техника производства раскопок. Большой эрудит по письменным средневековым восточным источникам В. А. Жуковский не был ни археологом, ни историком материальной культуры, ни полевиком, а являлся типичным кабинетным ученым. Отсюда его неудачи в археолого-топографической ориентации на огромных мервских городищах, большие погрешности в определении расстояний³² и почти сплошные ошибки при составлении схематического плана Гяур-калы как средневекового шахристана после арабского завоевания. На нем не показаны правильно положения ни одних из четырех городских ворот как вообще, так и во взаимном их расположении; внутри стен беспорядочно размещены кварталы и здания, на самом деле располагавшихся в рабаде. Наконец, через весь шахристан с востока на запад проведены все четыре канала мервской городской округи, русла которых в действительности, кроме отводов от Разика, не входили во внутренний город и тянулись вне его в основном с юга и юго-юго-востока на север и северо-северо-запад³³. В отношении Шах-калы было высказано необоснованное предположение, что здесь находится монгольский стан в 1221 г.³⁴

Как справедливо отметил в 1918 г. В. В. Бартольд, неудачи В. А. Жуковского с разрешением ряда главных вопросов по исторической топографии Мерва объясняются также в известной мере допущенной им основной методической ошибкой, которую впоследствии признавал сам автор: сведения из письменных исторических источников о Мерве были им изучены не до осмотра на месте развалин городищ, а после³⁵.

Тем не менее В. А. Жуковский сделал на месте по мервским городищам все, что было ему доступно в то время. По его инициативе осуществлены довольно подробную их фотофиксацию. Он отметил, что Мургабское государево имение при возведении на месте мервских развалин различных построек, в том числе дворца (ныне главный корпус Байрамалийского почечного санатория), не обнаружило никаких остатков древности. Кроме того, он указал, что застал на городище Байрам-Али-хан-кала проложенные этим же имением рельсы для большего удобства при вывозе жженных кирпичей с тамошних развалин,

разрушавшихся дворцовым ведомством без всякого предварительного изучения или хотя бы фотографирования.

Отсутствие навыков в полевых историко-топографических исследованиях сказалось в попытках искать ворота Эрк-калы в середине восточного фаса или в ее северном валу (с. 113), хотя последнее вообще исключено в связи с положением цитадели в отношении Гяур-калы. Помимо того, явный пандус, ведущий к воротам Эрк-калы, находится с южной стороны. От попытки определить места ворот на городище Султан-кала В. А. Жуковский вообще уклонился, сославшись на то, что, как ему казалось, «современное состояние самих стен» якобы отнюдь не может способствовать разрешению этого вопроса. Кстати, он ошибочно считал, будто мы даже не знаем, сколько было вообще ворот в Султан-кале (с. 132).

При всем том В. А. Жуковский сделал доступное ему описание всех более или менее хорошо сохранившихся на поверхности земли архитектурных памятников, в том числе впервые мавзолея Кыз-биби. В нем он предположил усыпальницу Туркан-хатун, жены Санджара, которая управляла государством, пока ее муж в течение трех лет находился в плену у гузов, и которая скончалась в 1156 г. (с. 163—164). У мазаров Бурейды и Гифари В. А. Жуковский впервые же прочитал надписи на их надмогильных плитах (с. 130). Ему же принадлежит разоблачение долго бытовавшей легенды о нахождении под куполом мавзолея Санджара «ящика», в котором будто бы лежал, по одному варианту, золотой гребень, а по другому — сокровища. В этот «ящик», чтобы его сбить, даже безрезультатно стреляли, хотя, как говорили, бывший в Мерве профессор Карлович якобы предупреждал, что его удаление повлечет падение купола. В конце июля 1890 г., когда В. А. Жуковский на время выезжал в Самарканд, отверстие в куполе открылось само собой, но никакого ящика в нем не оказалось (с. 125—126).

Наконец, десять дней своего пребывания в Старом Мерве В. А. Жуковский затратил на производство раскопок, причем из-за нехватки рабочих рук у него ежедневно бывало не более 18—20 землекопов. Раскопки велись принятым тогда траншейным методом и были сосредоточены в трех пунктах на Эрк-кале. Первый объект намечен был на гребне стены северного фаса цитадели, где ощущался как бы «бугор» на протяжении 31—33 сажен свыше 12 аршин высоты. Его прорезали двумя встречными траншеями под прямым углом с севера на юг и с востока на запад глубиной свыше 6 аршин. Второй рабочей площадкой был избран крупный бугор на южном фаса стены Эрк-калы, где провели траншею с севера на юг приблизительно до центра бугра на глубину до 8 аршин. Последней траншеей был опробован бугор, находящийся в центре Эрк-калы и по высоте несколько ниже ее оплывших крепостных стен. Тут траншею углубили до 4,5 аршина, опустившись до уровня кладки из крупных сыровых кирпичей 10×10×2,2 вершка. При всех этих осуществленных вскрытиях не было получено никаких стратиграфических наблюдений и сколько-нибудь интересных археологических объектов (с. 193).

Сам В. А. Жуковский считал, что его археологическая поездка была уже запоздалой, поскольку за шесть лет после присоединения Мерва к России всякого рода обстоятельства «во многом изменили бывшие там остатки былой исторической жизни: одни памятники по разным причинам совсем уничтожены, другие — по разным соображениям испорчены». Прежде чем предпринимать в крае раскопки... следует позаботиться о том, что успело еще на поверхности — уберечь и сохранить для науки развалины городов и памятников путем снятия

рисунков, фотографий, бумажных оттисков с надписей на камнях, планов, сопровождая их простым, но добросовестным описанием и пояснениями. Наряду с этим необходимо возможно полное историко-географическое изучение закаспийской старины» (с. 199).

Примерно два месяца спустя после отъезда В. А. Жуковского из Мерва его городища осматривала на обратном пути из Самарканда председательница Русского археологического общества графиня П. С. Уварова. Она также выражала неудовольствие, что дворцовое ведомство позволяет конторе «царского Мургабского имения» пользоваться строительными материалами с развалин Байрам-Али-хан-калы и вместе с тем не требует хотя бы обмеров, зарисовок, описаний разбираемых руин. Между тем, по ее мнению, это не представляло бы особого труда, поскольку временно управляющий государевым имением К. А. Завиша и служащий там же его брат оба являются военными инженерами. Подозревала она дворцовое ведомство и в систематическом разрушении всех зданий на городище Абдулла-хан-кала.

В дальнейшем П. С. Уварова, оговорившись, что не имеет «претензии описать все те развалины, которые окружают Мургабское имение... со всех сторон на несколько десятков верст, перечисляет основные городища Старого Мерва. При этом она идентифицирует Султан-калу и Искандер-калу, сопровождает кратким поверхностным и неточным изложением все виденное и часто путает направление стран света. Об осмотренных на Эрк-кале раскопках В. А. Жуковского П. С. Уварова отозвалась словами, что «проведенная им траншея (очевидно, она видела только одну. — М. М.), равно как и траншея генерала Комарова на самой вышке кольцеобразного вала цитадели не довольно глубока, чтобы разрешить все те вопросы, которые невольно родятся при осмотре подобной местности»³⁶.

В апреле 1891 г. на мервском городище побывал Е. А. Марков, именовавший себя для публики «писателем-художником». В одной из бывших в прежнее время довольно популярных книг о своем путешествии по Средней Азии он дал неряшливое и далеко не соответствующее действительности описание Старого Мерва. Между прочим, в нем он считал Гяур-калу крепостью христиан, а Султан-калу отождествлял с Искандер-калой. Приводя слова джигита, что Искандер-кала туркменский город, автор от себя подтверждал, будто она «пахнет неподдельной туркменщиной», хотя «к счастью сохранила далекому потомству память о древнем основателе этого города». И тут же пишет, что «Александр Македонский, впрочем, далеко не был первым основателем древнего Мерва». Примером сумбурного описания отдельных памятников может служить мавзолей Санджара, воспринятый автором как якобы «громадный круглый храм, увенчанный пологим куполом», у которого «круглая серединная башня стоит на высоком четырехугольном основании». Она «окружена там наверху сквозною каменной галереей», на каждом углу которой возвышались «четыре грандиозных минарета» (с. 317). Е. А. Маркову передавали, что профессор В. А. Жуковский «пробовал делать раскопки в Старом Мерве... но не мог добиться ничего существенного»³⁷.

Год от году увеличивавшееся число лиц, посещавших Туркестан, и появление в печати ряда низкокачественных статей и даже брошюр с описанием новых владений России³⁸ поставили перед канцелярией туркестанского генерал-губернатора вопрос о своевременности выпуска специального иллюстрированного археологического, исторического и этнографического путеводителя от Узунада до Ташкента. Для его составления туркестанский генерал-губернатор барон А. Б. Вревский привлек украинского историка и археолога Д. Н. Эварницкого, предоставив

ему более чем годовую командировку для сбора на месте соответствующих материалов. Выбор автора оказался неудачным; представленная же им рукопись путеводителя все же была опубликована в Ташкенте в 1893 г., но без иллюстраций. В Старом Мерве Д. И. Эварницкий или не был или, если и был в 1892 г., то недолго, и, во всяком случае, отнесся к описанию его несерьезно. Налицо неточность и путаница при изложении, что представляют собой старомервские городища. Масса ошибок в транскрипции собственных имен и названий; неверные даты; нелепые толкования (например, ледохранилищ, как якобы служивших для сбора воды); фантастические сведения: например, о шапке «Юсуфа Хамадана» на куполе при его медресе или о черепках коня и человека на воротах Байрам-Али-хан-калы и т. п. Текст носит следы суммированных неточностей, почерпнутых из статей П. С. Уваровой, Е. Л. Маркова и др.³⁹

К 1892 г. относится деятельность на территории нынешней Туркменской ССР художника П. Я. Пясецкого, осуществлявшего здесь сбор живописного материала для огромной (свыше 100 м) и единственной по Средней Азии панорамы Закаспийской железной дороги. Среди его зарисовок на месте есть несколько памятников Старого Мерва.

Крупным событием в европейском востоковедении явился труд В. А. Жуковского «Развалины Старого Мерва» (Петербург, 1894 г.) в серии «Материалы по археологии России» (XVI в.). До появления этой солидной монографии роль ее автора в изучении прошлого города, исходя из результатов его почти трехмесячных полевых работ на месте, современниками явно недооценивалась. Это неверное впечатление решительно поколебала опубликованная книга с 40 иллюстрациями в тексте и восемью таблицами, имеющая объем в 217 страниц крупного формата, включая детальный указатель имен собственных, личных и географических. Из них 91 страница посвящена данным, извлеченным из исторических письменных источников с древнейших времен до переноса Мерва на новое место (современный Мары). Впервые дан в переводах (а частично и в подлинниках) ряд текстов арабских и персидских авторов о Мерве. Полтора десятка страниц посвящено историческим обзорам развалин за XIX столетие, написанным до 1890 г. рядом предшественников автора. На 62 страницах приведены сделанные самим В. А. Жуковским описания уцелевших руин. Наконец, 26 страниц отведены некоторым посещенным автором местам по Мургабу, поездкам в Самарканд и Бухару, раскопкам на Гяур-кале и каменным намогильным плитам, хранившимся при Мургабском государевом имении.

Монография о Старом Мерве вскоре получила высокую оценку у авторитетнейших ученых Петербурга и у активных ориенталистов, работавших в Туркестане. Среди последних А. Г. Туманский особо фиксировал внимание читателей на том обстоятельстве, что историческая топография городов Востока блистает полным отсутствием по ней трудов «и, по-видимому, многие присяжные археологи и не подозревают об ее существовании, как особо научного метода, единственно устанавливающего археологические разыскания на научную высоту»⁴⁰. Почетный член Русского археологического общества барон В. Г. Тизенгаузен писал в 1896 г. в своем отзыве, что В. А. Жуковский (в труде которого он отметил некоторые недочеты) проделанной выборкой из первоисточников сведений о Мерве блестящим образом выполнил первоочередную задачу для последующего археолого-топографического изучения его городищ⁴¹. На основании этого отзыва В. А. Жуковскому была присуждена большая золотая медаль Русского археологического общества. Позднее и неоднократно В. В. Бартольд отмечал в печати, что равного труда ни по одному из городов Востока нет ни

в России, ни в Европе. Сам он лелеял мысль написать такую же монографию по Самарканду и только преждевременный уход из жизни помешал осуществлению задуманного.

Вскоре была осуществлена научная экспедиция (mission scientifique) в Центральную Азию и в Сибирь М. Шафанжона, длившаяся с октября 1894 г. до 1896 г. включительно. Историк, археолог и этнограф он до того получил известность своей поездкой в Венецуелу, но отнюдь не являлся специалистом по Средней Азии. Это сказалось на полученных им здесь результатах, несмотря на самое широкое содействие ему со стороны русских властей как представителю союзной державы.

Посещение М. Шафанжоном Старого Мерва несколько не продвинуло его изучение. Несколько строк, посвященных этому в его опубликованном отчете, несмотря на краткость, содержат немалое число недочетов, начиная с того, что, по его словам, от античного города, скрытого якобы до основания одним из военачальников (lieutenants) Чингизхана, дошли лишь части стен, остатки где-то увиденного им «громадного водоема» (N1) и мечеть, отстроенная султаном Санджаром. Автор допускает путаницу юга с севером, когда говорит, что вне города имеется большое количество развалин домов и дворцов. К северу же от Старого Мерва и при этом в 4 км (вместо 1,7 км к югу, — М. М.) находится, по его словам, просуществовавший многие столетия город Байрам-Али, который был уничтожен одним бухарским ханом «в конце последнего столетия», т. е. в XVIII в. Между тем это произошло при мангытском эмире Хайдаре в середине первого десятилетия XIX в. Некоторые собранные в Старом Мерве предметы, вместе с другими археологическими коллекциями (в частности, купленной в Самарканде у командира роты 17-го Туркестанского линейного батальона капитана Л. С. Баршевского) поступили в парижский «Музей азиатской этнографии». Кроме [М. Шафанжон] же цитируемого отчета, опубликованного в Париже в 1899 г. без упоминания исследования В. А. Жуковского, об экспедиции М. Шафанжона в печати ничего не появлялось⁴².

На протяжении многих лет после опубликования уникального труда В. А. Жуковского о Мерве в печати время от времени появлялись путевые очерки проезжавших по Туркестану разных лиц и путеводители, в которых об этом городе и его истории сообщались искаженные до неграмотности сведения. Начало было положено книгой графа А. А. Олсуфьева и В. П. Панаева, посетивших городища Старого Мерва в 1897 г. Описание самих развалин в них почти отсутствует, зато исторический очерк изобилует образцами невежества вроде: «Мерв—прежний Маргнан, по истории был завоеван Антигоном Циклопом, полководцем Александра Македонского. Тогда он имел от 7 до 8 ворот в окружности»⁴³.

Почти все вышедшие после того до 1917 г. «Путеводители» по Туркестану, кем бы они не составлялись и кем бы не издавались, о Старом Мерве и его прошлом приводили много неверных сведений, часто почерпнутых из книги А. А. Олсуфьева и В. П. Панаева и дополненных не более достоверными данными из других источников⁴⁴. В таком же стиле излагается прошлое Мерва и описание памятников в прекрасно изданной в Асхабаде в 1901 г. книге К. М. Федорова о Закаспийской области⁴⁵. Единственное исключение в этом отношении представляет книга «Туркестанский край», составленная князем В. И. Масальским и вышедшая в Петербурге в 1913 г.⁴⁶

В. В. Бартольд был совершенно прав, когда в 1910 г. писал, что капитальный труд В. А. Жуковского о Мерве прошел к тому времени почти бесследно как для русской, так и для западно-европейской научной литературы⁴⁷. В этом отношении, между прочим, показательны, что

в вышедшей в Кембридже в 1905 г. книге Г.-ле Стренджа о странах Восточного халифата, в разделе о Мерве английский ориенталист при переводе арабского текста Якута о мервских библиотеках⁴⁸ повторил ошибку, сделанную Барбот де Минаром, но исправленную В. А. Жуковским в его монографии «Развалины Старого Мерва» уже в 1894 г.⁴⁹

Труд этот остался неизвестным и американской экспедиции Института Карнеги, возглавлявшейся Р. Пампелли и производившей археологическую разведку Старого Мерва под руководством немецкого ученого Губерта Шмидта. В целях физикогеографических исследований в нескольких пунктах были заложены небольшие шурфики, которые, по словам Г. Шмидта, принесли мало пользы археологии. Все их вытянули в одну линию примерно с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Три оказались на территории бывшего пригорода, причем один близ Эрк-калы к северо-востоку от нее, а два к юго-западу от Гяур-калы. Два шурфа осуществлены в западной части Гяур-калы и еще два в Эрк-кале, где они сопровождались некоторой расчисткой. Кроме того, вне этой линии на Гяур-кале были произведены два раскопа. Один небольшой (глубиной всего 1,5 м) в юго-западной части городища близ его западной стены, а второй, более крупный, почти в центре Гяур-калы, доведенный до глубины 8,24 м. но на площади всего 4,13 м×3,15 м, т. е. по существу явившийся расширенным шурфом. Однако и он не прорезал всей толщи культурных слоев, а оказался остановленным задолго до материка в отвале раннесасанидской керамики III в. н. э. В результате не только не была выявлена общая стратиграфия Гяур-калы в целом, но даже в отношении самого крупного шурфа-раскопа в трудах американской экспедиции не дано сколько-нибудь четкого описания. Встреченные же находки были довольно скромны. Некоторые из них были определены для американских сотрудников русскими учеными. Так, надписи на фрагментах керамики и лопаточных костях животных были обработаны К. З. Залеманом и В. В. Радловым. А. К. Марков определил доставленные из Мерва собранные там монеты в количестве около трех десятков. Среди них не было ни одной, относящейся по времени к чекану до н. э. В числе просмотренных А. К. Марковым нумизматических находок 1904 г. в Мерве оказались: одна монета Санабара I в. н. э., парфянские II в. н. э. (1) и III в. н. э. (1); сасанидские — Арташира I (3), Шапура II (5), III в. н. э. (2), «вероятно сасанидские» (6); византийская Юстина I (1); аббасидские фельсы VIII в. (2); саманидский фельс (1); караханидская монета (1); афганская XVIII в. (1).

Немного дал и шурф-раскоп в Эрк-кале. На центральном же бугре был встречен «склад» шаров из обожженной глины.

Экспедиция Р. Пампелли не выявила почти никаких новых данных по истории Мерва, ограничившись сообщением, что город был основан на пустынной поверхности надувных песков и лессовых отложений. Слова в отчете Хентингтона, что Гяур-кала, возможно, возникла во времена древнейших культур курганов Анау, из данных раскопок и шурфов американцев на городище не вытекают, поскольку нигде не дается описания близких к анауским объектам находок. В высказанном заключении, будто III в. н. э. нужно рассматривать как дату самой ранней керамики, встречающейся на Гяур-кале, допущена ошибка примерно в тысячу лет. В подкрепление же неправильного возраста этого городища привлечен такой чуждый признак, как степень потертости полученных из одного шурфа монет. Тем не менее сами члены экспедиции Г. Пампелли преувеличению расценивали результаты своих разведочных раскопок, считая, что ими заложена основа для будущих археологических и исторических исследований Мерва. По поводу отчет-

ной статьи Г. Шмидта об археологических изысканиях в Мерве в 1904 г. с резким отзывом в свое время выступил В. В. Бартольд⁵⁰.

Больше за досоветский период на территории Старого Мерва никаких археологических работ не производилось. Но в Петербурге В. В. Бартольд продолжал изучение прошлого этого города по письменным восточным первоисточникам. В 1910 г. вышла его очень содержательная статья «К истории Мерва», в которой он подверг новому рассмотрению некоторые вопросы по его исторической топографии, не вполне правильно, как ему казалось, разрешенные В. А. Жуковским. В. В. Бартольд убедительно доказал, что многие известия средневековых арабских авторов относятся к западному пригороду (будущей Султан-кале), а не к внутреннему городу-шахристану (Гяур-кале), как считал В. А. Жуковский. В частности, что касается известных Якута, Джуейни, Хафизи Абру и Тартуси о мервских городских воротах. В. В. Бартольд внес ясность в понимание ряда таких применявшихся в отношении Старого Мерва терминов, как «белед» (шахристан и пригород), «рустак» (группа селений), «руб» (не «четверть», а «квартал людей», «поселение»), кухендиз (кала), рабад (стена и пригород) и т. п. В их истолковании В. А. Жуковский был не вполне последователен, что в ряде случаев приводило самого автора к путанице. Помимо того, В. В. Бартольд ввел в научный обиход ряд новых сведений о Мерве, не приведенных В. А. Жуковским, в том числе из романа Тартуси об Абу Муслиме, а также высказал свои суждения о былом опошении и водоснабжении Мервского оазиса. Вместе с тем, поскольку В. В. Бартольд отнюдь не был исследователем-полевиком и к тому же никогда не бывал на мервских городищах, им были допущены в статье «К истории Мерва» и некоторые ошибки частного порядка⁵¹.

Сказанным ограничивается по существу изучение Мерва до 1917 г. Мало было сделано по охране и поддержанию немногих уцелевших на поверхности его городищ архитектурных памятников. Первенство в этом принадлежало местным туркменам. Так, по инициативе известной мервской ханши Гюль Джамаль-ханум и ее сына полковника Юсуф-хана, сына Нур Берды-хана, в 1906 г. была изготовлена мраморная плита с высеченной эпитафией Султана Санджара и положена на могилу внутри его мавзолея. Как установлено нами, с именем обоих упомянутых лиц связаны также работы на территории Южного обвода Султан-калы по благоустройству в 1908 г. сооружений у могил арабов-асхабов, Бурейды и Гифари, и в ту же пору по реставрации находящейся близ них купольной цистерны для воды.

Одновременно представители лучшей части русской интеллигенции продолжали открыто выступать в печати в защиту Старого Мерва с нападками на научные организации и администрацию, включая Мургабское государево имение. Отмечалось недопустимо равнодушное отношение к мервским древностям, граничащее с попустительством в части расхищения старинных жженных кирпичей с городищ, а в последние годы перед революцией 1917 г. и разрушения верхнего культурного слоя на Султан-кале ради добычи селитры. Примером горячего заступничества за мервские памятники старины могут служить изобличительные слова Э. Барца, помещенные в его книге о Мургабском государевом имении, вышедшей еще в 1910 г. в Петербурге. В доказательство археологической ценности Старого Мерва он приводит, между прочим, случай, когда во время земляных работ на городище в его присутствии были найдены золотые украшения и древние монеты, включая греческие, а также, видимо, парфянские, которые он ошибочно именует «ассирийскими». Автор, «принимая близко к сердцу все, это касается развития археологии в России», с искренним сожалением констатирует, что «археоло-

логические общества, очевидно, совершенно позабыли об этом интересном и богатом в историческом отношении крае». Они «не только не нашли средств для предприятия научных экспедиций и раскопок в этих местах, но даже ничего не делают для того, чтобы спасти от разрушения такой грандиозный и изящный памятник искусства, как гробницу Султана Санджара»⁵².

Наконец, администрация Мургабского государева имения вынуждена была в 1914 г. осуществить кое-какие мероприятия по поддержанию указанного первоклассного памятника восточного средневекового зодчества. В печати, даже в советское время, они незаслуженно иногда характеризовались как якобы произведенные «по собственной инициативе» дворцового ведомства⁵³. Капитальный ремонт коснулся прежде всего южного фаса здания, где была тогда же наглухо закреплена прочная железная лестница для подъема на верхнюю галерею. Кроме того, частично отремонтирована последняя, кое-где починен внутренний купол, произведена подкладка нижних частей тропов и разгрузочных арок и укреплен восточный проем с противоположной входу стороны. Весь ремонт был произведен под руководством инженера В. Р. Трипольского. Попутно осуществлен обмер памятника, составлены его планы по трем разным ярусам и разрезы; проведены фотофиксация, зарисовки на кальке в натуральную величину части орнаментов⁵⁴. С точки зрения требований, предъявляемых к реставрации старинных архитектурных памятников, работы 1914 г. на мавзолее Санджара были выполнены далеко не безукоризненно, в частности по восстановлению купола. Вопиющей же безграмотностью было употребление в ряде случаев продолговатого европейского типа жженого кирпича, хотя в то время на городище Султан-кала можно было собрать и употребить в дело нужное количество квадратных, более плоских средневековых кирпичей всех трех размеров, которые были применены при возведении здания в XII в.

Когда в связи с начавшейся в 1914 г. первой мировой войной во главе Закаспийской области был поставлен генерал-майор Н. К. Калмыков, он тотчас распорядился по всем уездам представить в Областное правление сведения о находящихся там различных памятниках старины. Составить сводный список их по всей области было поручено секретарю Закаспийского областного статистического комитета Э. Э. Тейле. В опубликованном в 1915 г. этом списке по Старому Мерву оказались включенными только «мечеть султана Санджара» и «могилы двух братьев» (как ошибочно называли усыпальницы Бурейды и Гифари, отнюдь не бывших родственниками) и не упомянуто ни одно из мервских городищ⁵⁵.

В первые годы после Октябрьской революции было не до проявления забот о Старом Мерве. Их началу предшествовали конец английской интервенции в Закаспийской области, полный разгром на ее территории белогвардейского мятежа и, наконец, ликвидация бухарского эмира и Хивинского ханства. Зато после восстановления прочного вхождения Закаспия в состав Туркестанской республики старомервское городище стало объектом серьезного внимания не на словах, а на деле в большой мере, чем это было при старом режиме царской России. Вскоре же оно было внесено в список объектов, бравшихся на государственственный учет и охрану по линии Туркомстариса, подтвержденный постановлением ЦИК и СНК Туркеспублики от 27 марта 1923 г.

В следующем году в Ташкент прибыл приглашенный в РСФСР валютным управлением в Москве без ведома центральных и туркестанских научных организаций доктор стилей Эрнст Кон Винер. Как потом выяснилось, многими он ошибочно принимался за своего однофамильца

профессора искусства, известного своими серьезными исследованиями. По рекомендации СНК Туркесреспублики Туркомстарис оказывал ему всяческое содействие в разрешении им вопросов о влиянии иностранных стилей на туркестанские памятники и в частности «в каком отношении стоит эта западнотуркестанская область к Персии». Когда он, после осмотра самаркандских памятников, выразил желание ознакомиться со Старым Мервом, к нему прикомандировали в качестве сопровождающего заведующего художественной секцией Самкомстариса художника Д. К. Степанова. Представленные Э. Кон-Винером в Туркомстарис все отчеты о его поездках в разные пункты республики, включая Мерв, отразили весьма недостаточную компетенцию их автора по ряду общенсторических вопросов, а также незнание русской научной литературы по данным памятникам. Например, городище Гяур-калу он признал только «Мервом несториан и арабов». Содержание всех его научных отчетов вызвало резкий отзыв В. В. Бартольда в специальной статье⁵⁶. После того как Д. К. Степанов сделал перевод на немецкий язык ряда страниц из монографии В. А. Жуковского о Старом Мерве и выслал их Э. Кон-Винеру (раньше не подозревавшего о существовании этого труда), тот выпустил в 1925 г. более удовлетворительную статью о своем посещении мервских развалин⁵⁷. В ней больше всего места автор отвел мавзолею Санджара, в основном рассмотрению его орнаментов в сопоставлении с таковыми же на других среднеазиатских и хорасанских памятниках, а также с материалами, полученными при раскопках в Самарре. Э. Кон-Винер отметил, что поскольку Мерв расположен в непосредственной близости от персидской границы, можно было ожидать, что его архитектурные памятники всецело несут на себе персидское влияние. «Однако выяснилось, что здесь господствует тот же стиль, что и в Самарканде», который от Мерва отстоит сравнительно далеко. Откликнувшийся в 1926 г. на данную работу подробным критическим разбором в печати В. В. Бартольд писал в заключении, что стилистические анализы придется признать в статье Кон-Винера более ценными, чем исторические выводы автора о мервских развалинах⁵⁸. Сам рецензент попутно сообщил новые данные по исторической топографии Мерва, почерпнутые из восточных исторических первоисточников⁵⁹.

В 1925 г. при Туркменском государственном краеведческом музее возник археологический кружок, ничего не сделавший за время своего существования по Старому Мерву. Зато кое-что в этом отношении было осуществлено Средазкомстарисом, к которому после национального размежевания Средней Азии перешли функции бывшего Туркомстариса. На наступившем новом этапе в истории изучения мервских памятников, в соответствии с рекомендацией В. В. Бартольда, чисто раскопочных археологических работ в Мерве (как и в других среднеазиатских республиках), не производилось. Основной упор делался на исследование и поддержание его архитектурных объектов. С этой целью, по поручению Средазкомстариса, осенью 1926 г. для осмотра лучшего из них, каковым является мавзолей Санджара, из Ташкента была направлена группа специалистов в составе востоковедов А. Э. Шмидта, А. А. Семенова и ленинградского архитектора А. Б. Удаленкова. Ими в середине сентября были составлены акт общего технического состояния памятника и смета на его первоочередной ремонт. Кроме того, А. Э. Шмидт прочитал на парусе арки против входа фрагмент арабского текста: «...Подлинно мы создали человека из земли.» (отрывок 2-го стиха из 72-й суры Корана); слева в арке остатки куфической надписи, видимо 256-го «престольного» стиха из 112-й суры и на боковых пилонах галереи несколько раз повторяемое слово «Мухаммад». А. А. Семенов,

помимо высказывания по вопросу о внешнем декоре мавзолея, дал полный перевод эпитафии, высеченной на мраморном надгробии Санджара, установленном в 1906 г. В конце представленного отчета о поездке высказывалась желательность подробного обследования вообще всех развалин Мерва и производства аэросъемки его городищ⁶⁰.

Осенью следующего года Средазкомстарис командировал в Старый Мерв В. Л. Вяткина и Б. Н. Засыпкина. Результатами их поездки явились составленные детальные акты технического состояния мавзолея Санджара и так называемой тогда «мечети Мухаммеда Ханания». Кроме того, Б. Н. Засыпкин дал подробное архитектурное описание обоих этих памятников, и В. Л. Вяткин разобрал на восточной внутренней стороне нижней части купола мавзолея Санджара начало надписи с именем мастера строителя: «Из созданий Мухаммеда, сына Атсыза»⁶¹. К ремонту на мавзолее Санджара практически приступили летом 1928 г.

Насколько в это время в широких кругах Туркменской ССР плохо еще знали прошлое Мерва, можно отчасти судить по выпущенной в Ашхабаде в 1928 г. популярной работе Н. И. Романова «Кто и как жил в древности на территории Туркмении», в которой, между прочим, говорится, будто крепость в Байрам-Али построили туркмены в 1840 г.⁶²

Новый этап в исследовании Старого Мерва наступил после ликвидации в 1929 г. Средазкомстариса, разнообразные функции которого во всех Среднеазиатских республиках и в Казахстане лишь постепенно стали выполняться различными местными научными организациями. Летом же указанного года в Байрам-Али свыше месяца провел направленный из Ленинграда В. В. Бартольд историк-востоковед А. Ю. Якубовский. Он произвел детальную фотофиксацию различных памятников Старого Мерва, но ничего нового в части его исторической топографии не установил.

В том же году в Ашхабаде при Институте туркменской культуры («Туркменкульт») была организована археологическая секция, которая через два года осуществила разведочную маршрутную экспедицию от Теджена до Тахта-Базара. При проезде через Старый Мерв она где-то открыла двухэтажный замок XII—XIII вв. из сырца с четырьмя башнями на углах⁶³. В 1934 г. сотрудники этого института С. А. Ершов вместе с С. А. Судаковым, побывав на развалинах Старого Мерва, отметили к западу от Султан-калы остатки бывшего квартала средневековых керамистов, занимающие, будто бы, площадь радиусом в 1,5 км с якобы 72 обжигательными печами. Остатки двух из них были подвергнуты тогда же только частичной расчистке, а не полному вскрытию. По собранным археологическим материалам С. А. Ершов, опираясь на принятые в ту пору в Ашхабаде датировки древней глазурованной керамики, отнес существование квартала к XII в.⁶⁴

Первыми же в связи с ликвидацией Средазкомстариса ремонтные работы на мавзолее Санджара некоторое время спустя были возобновлены, но проходили на протяжении нескольких лет уже по линии Туркменского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. К деятельности последнего в части изучения и последующей реставрации памятников зодчества были привлечены архитекторы из центра Н. М. Бачинский и отчасти В. И. Пилявский. Первый из них много занимался исследованием мавзолея Санджара. При расчистке вокруг него было найдено немало изразцовых кирпичей голубой поливы, форма которых ясно указывала, что они служили для облицовки давно рухнувшего наружного купола. Этим документально подтвердилось соответствующее свидетельство Якута, что виденный им в начале XIII в. этот мавзолей был увенчен тогда еще целым голубым куполом. Произ-

веденные в 1937 г. снаружи и внутри здания земляные вскрытия позволили впервые выяснить его подлинные первоначальные пропорции. С восточной же стороны мавзолея были обнаружены примыкавшие к нему вплотную остатки стен (цоколей) из жженных кирпичей, видимо, от расположенной здесь мечети⁶⁵.

Одновременно после предварительного изучения другого мервского памятника в западной части бывшего пригорода-рабада и фигурировавшего тогда в литературе со времен В. А. Жуковского под названием «мечеть Ханая», а среди туркмен более известного как мазар «имама Джафара б. Мухаммед ас Садык» или «имама Мухаммеда ибн ал-Ханафия, сына халифа Али»⁶⁶, на нем в июле-августе были осуществлены ремонтно-консервационные работы. Последние в отношении мавзолея Санджара продолжались под руководством Н. М. Бачинского и позднее в течение нескольких лет⁶⁷.

В 1937 г. Кабинет археологии при Туркменском государственном институте истории осуществил запланированные, как официально за протоколировано, «раскопки на Гяур-кале» Мерва, возглавлявшиеся ашхабадским археологом А. А. Марущенко. Для участия в них из Ленинграда был приглашен сотрудник Государственного Эрмитажа Б. Б. Пиотровский. Фактически работы обоеми велись только на Эрк-кале. В печати они в свое время нашли кое-где лишь попутное отражение в виде нескольких фраз без указания мест раскопочных площадок, каких-либо подробностей, а иногда даже с неверным указанием 1936 г., когда они будто бы были осуществлены. В сводке об археологических работах в Туркмении за 20 лет указывалось лишь, что якобы произведенные в 1937 г. «раскопки на Гяур-кале (sic!), показали, что вся ее толща культурных слоев, достигающая от 10 до 13,5 м, представляет напластования семи культурных слоев, охватывающих время с VI в. до н. э. до начала VIII в.»⁶⁸. В действительности культурных слоев больше и самая мощность их, в частности в Эрк-кале, значительно превышает указанные цифры.

ЮТАКЭ постепенно удалось установить, что указанные разведочные земляные работы Кабинета археологии в 1937 г. велись в двух пунктах. Б. Б. Пиотровский осуществил стратиграфический раскоп на площади в 35 м при глубине 5 м в северо-западной части Эрк-калы непосредственно у заложенных в 1890 г. В. А. Жуковским под прямым углом двух траншей. А. А. Марущенко разбил значительно большую по размерам раскопочную площадку на центральном бугре в середине Эрк-калы рядом с раскопом 1904 г. Г. Шмидта.

Сведения о результатах работ Б. Б. Пиотровского были им самим охотно представлены ЮТАКЭ в 1947 г. и через два года опубликованы в «Материалах» этой экспедиции⁶⁹. Его сплошной раскоп до глубины 1,7 м прорезал платформу из сырцовых квадратных кирпичей 42×42×10—12 см. Под ней оказался культурный слой с археологическими материалами, которые производитель работ датировал первыми веками н. э. Ниже располагался нивелировочный слой засыпки. С пяти метров глубины начали опускаться шурфом площадью 2×3 м и прорезали до уровня 10 м паховую платформу, сооруженную из плотном песчаном слое с углем и костями и включавшую в себя фрагменты керамики 2-й четверти I н. до н. э., близкую к культуре Анау IV.

А. А. Марущенко считал, что он вскрывал на центральном бугре Эрк-калы позднесасанидское здание, лишь частично перекрытое развалинами постройки, конец существования которой он относил к середине VII в. на основании найденных и определенных ему медных арабских монет. Между тем из трех этих монет, виденных мной в 1939 г. в экспозиции Ашхабадского краеведческого музея, два аббасидских фельса при-

належали последней четверти VIII в.: один чеканен в Нишапуре при Мансуре, а другой в Бухаре при Махди⁷⁰. Дошедший до нас схематический план раскопа А. А. Марущенко на бутре Эрк-калы при сравнении на месте с натурой убеждает, что контуры ряда вскрытых им помещений не соответствуют действительности. В одних случаях, они произвольно и надуманно нанесены по симметрии с противолежащими, а в других фиксируют «зарезанные» в процессе земляных работ и не опознанные остатки стен. При раскопе, как выяснилось позднее, были встречены в разных помещениях керамические черепки с надписями, показанные А. А. Марущенко специалистам в 50-х гг. На одном крупном фрагменте с частью венчика от хула оказалось несколько строк среднеперсидской надписи. На другом от стенки глиняного сосуда сохранилась согдийская надпись. На семи (из которых четыре складываются в один) имеются надписи, сделанные знаками, не поддававшимися определению. На двух черепках текст стерт до неузнаваемости. Наконец, на четырех черепках оказались арабские надписи и еще на одном сохранилась часть трех строк процарапанных почерком куфи до обжига. Особый интерес представляют два черепка, у которых на внешней стороне черной краской нанесены знаки арабской азбуки. По мнению занимавшегося рассмотрением всех перечисленных эпиграфических объектов С. П. Певзнера, один фрагмент, судя по «приземистости» букв «даль», «заль» и «каф», можно определенно отнести к концу I в. х. Второй по некоторой неуверенности почерка как будто следует признать одним из первых ученических упражнений, а начертания буквы «даль» позволяет датировать его 20-ми годами II в. х.⁷¹

Больше никаких археологических раскопок на городищах Старого Мерва до ЮТАКЭ не производилось. К моменту же ее организации, то есть к концу рассматриваемого периода в истории изучения Старого Мерва, уровень господствовавших к этому времени ряда основных научных представлений о прошлом этого города отражает обзорная статья А. Ю. Якубовского по его истории, вышедшая в «Энциклопедии ислама» в 1937 г.⁷², хотя в ней не учтены некоторые установленные уже до того факты. Так, основание города относится к III в. до н. э. Не сообщается никаких данных о нем для поры существования Парфянского государства. Городище Гяур-кала рассматривается как соответствующее городу «эпохи Сасанидов» и первых веков ислама. Автор разделяет мнение большинства крупных ученых, что после разрушения его монголами в первой четверти XIII в. (причем упомянут лишь один 1221 г., хотя последний разгром его был в 1222 г.) и до начала XV столетия Мерва якобы не существовало. Обводы Султан-калы, Шаим-калы и Байрам-Али-хан-калы совершенно не упоминаются. Концом Мерва считается захват его на исходе XVIII в. бухарским эмиром Шах-Мурадом, тогда как он продолжал существовать еще в начале XIX столетия до разрушения его эмиром Хайдаром⁷³.

В 1939 г. появилась статья А. А. Фреймана, посвященная предварительной расшифровке им обрывков согдийской надписи, помещенной на двух сторонах неправильной формы керамического фрагмента от сосуда, внутренняя поверхность которого была покрыта глазурью. Объект был добыт в Старом Мерве во время раскопок, видимо, 1937 г. Размеры его: 6,5 см—14 см длины, 1 см—6 см ширины при толщине черепка в 3 см. Текст на внутренней поверхности, судя по громким эпитетам, адресован некоему знатному, может быть владетельному лицу, имени которого не дошло. В отрывках шести строк на внешней поверхности заключен перечень каких-то предметов с указанием их числа⁷⁴.

В том же году вышел в свет вып. I «Архитектурные памятники

Туркменин» параллельно на туркменском и русском языках с *большим* количеством иллюстраций⁷⁵. В нем имеются разделы, посвященные мавзолею Санджара и так называвшейся усыпальнице Мухаммада Хананья. Оба содержат краткие описания объектов, сопровождаемые чертежами, фотографиями и рисунками. Что касается текста, относящегося к прошлому Мерва, то не все данные можно признать удовлетворительными. Это следует между прочим отнести к определению мероприятий Шахруха, осуществлявшихся со второго десятилетия XV в. по восстановлению Мерва, как не имевших большого успеха. Неверно и утверждение, будто в XVI столетии делалась новая неудачная попытка построить город Мерв и якобы от этого именно периода дошло до нас городище, именуемое теперь как Абдулла-хан-кала⁷⁶.

Трудные годы Великой Отечественной войны не благоприятствовали развороту работы по изучению прошлого Старого Мерва. Тем не менее, когда почувствовался перелом в борьбе со вторгшимся в СССР фашистским врагом, в 1943 г. в Президиум Академии наук СССР был представлен разработанный академиком В. В. Струве и М. Е. Массоном план историко-археологических исследований на территории Южного Туркменистана, посвященных парфянской проблеме. В этом плане нашло отражение в частности изучение как самого Мерва поры существования Парфянского государства, так и районной стены оазиса Маргианы, отстроенной по распоряжению севека Антиса I. Программа этой многоотрядной экспедиции была утверждена Академией наук СССР. Её же практическое осуществление не состоялось только в связи с тем, что еще за несколько месяцев до завершения Великой Отечественной войны, в феврале 1945 г. на происходившем в Москве I Всесоюзном археологическом совещании планом дальнейшего разворота археологических работ в масштабе всего СССР было предусмотрено создание крупной Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. В программу ее деятельности вошли все пункты из плана Парфянской археологической экспедиции⁷⁷.

Подводя итоги результатам изучения Старого Мерва до того, как в это с 1946 г. включилась ЮТАКЭ, нельзя не заметить, что на месте за работу по его исторической топографии за все эпохи существования города после В. А. Жуковского, первым положившим начало такого рода исследованиям, по существу не брался никто. Отдельные археологи осуществляли кое-где лишь небольшие частного разведочного порядка вскрытия, но полевые исследования останавливались после первого же года полевых работ. Гигантское городище, раскинувшееся на десятках квадратных километров, «пугало» и своим таинственным, сглаженным, в основном глиняным археологическим микрорельефом и многометровыми толщами культурных наслоений, требовавшими для своего полного раскрытия работ в небывалых масштабах. Известным тормозом служил и невысокий уровень научных знаний по истории развития городов Востока в целом даже за феодальный период, о котором имеются хоть разрозненные сведения в письменных первоисточниках, не говоря уже о предшествующей поре.

ЮТАКЭ в этом отношении оказалась по сравнению со своими предшественниками в более благоприятном положении. К моменту ее сложения у научного руководителя имелся уже личный практический опыт, накопленный в процессе деятельности организованной по его инициативе многоотрядной Термезской археологической комплексной экспедиции 1936—1939 гг., которая в основном выясняла периодизацию развития города Термеза за все этапы его существования с охватом в их пределах археологических памятников всех категорий. Кроме того, в Ташкенте, на кафедре археологии Средней Азии исторического

факультета САГУ им же с 1939 г. на протяжении многих лет уже читались специальные курсы по исторической топографии Самарканда, Бухары, Ташкента, Ходжента, Термеза, Тараза (=Джамбул), разработанные главным образом на основе собственных изысканий на месте с учетом фактов, установленных предшествующими исследованиями преимущественно по литературным и опросным данным.

В процессе полевой деятельности ЮТАКЭ вскоре же главное внимание по проблеме истории развития древних городов было перенесено на Старый Мерв, где стал работать самый крупный по своему составу XVIII отряд экспедиции, возглавлявшийся ее научным руководителем. Вызвано это было рядом причин. Во-первых, Мерв как город просуществовал около двух с половиной тысяч лет. Во-вторых, его разновременные городища являются особенно многообещающими. В-третьих, в связи с интенсивным освоением земель древнего орошения следовало во имя спасения для науки археологических остатков на подвергающихся опасности уничтожения территорий спешить с заблаговременным изучением обширных площадей бывшей городской округи и средневекового пригорода-рабада, частично занятых соседним колхозом под хлопковые поля, а крупным плодовоовощным совхозом под различного рода посадки.

Жизнь вполне оправдала принятую ЮТАКЭ установку, что стало совершенно очевидным после успешного завершения строительства Большого Каракумского канала. Эффективность же деятельности в этом направлении XVIII Старомервского отряда ЮТАКЭ наглядно отражается в печатной продукции экспедиции. Так, к началу 1976 г. опубликовано свыше 100 работ, целиком посвященных вопросам, связанным с изучением Старого Мерва. Новые данные об его городищах и памятниках сверх того вошли в более чем 80 работ по тематике ЮТАКЭ, написанных участниками полевой и камеральной деятельности экспедиции. Материалам по археологии Старого Мерва полностью посвящено содержание XI, XII, XIV, XV и XVI томов серии «Труды ЮТАКЭ». Готовятся к печати «Культурно-исторические таблицы Мерва» всех эпох с текстом к каждой из них. Подобного рода труда нет ни по одному из древнейших городов СССР. У Академии наук Туркменской ССР есть все основания констатировать, что Старый Мерв в историко-топографическом и археологическом отношении изучен на сегодня в целом лучше других столь же древних городов Советской Средней Азии и сопредельных стран Востока. Это положение вместе с тем обязывает не только довести до конца начатые раскопки отдельных объектов, но уделять в дальнейшем больше внимания расширению исследований и углубленному изучению этого города, учитывая к тому же его бывшее место в историко-культурной жизни Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бетгер Е. К. Самаркандский купец Данила Рукавкин и его караван в Хиву в 1753 г. — ИАН ТССР, 1952, № 2.

² Ефремов Ф. Российского унтер-офицера, который ныне прапорщиком, десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим в Санкт Петербурге 1784 г. Отд. от. из журнала «Русская старина», т. LXXIX, 1803, с. 132.

³ Странствование Губайдуллы Амирова по Азии. — «Сибирский вестник» за 1825 г., январская книга, с. 27—31.

⁴ Массон М. Е. Новые картографические данные о прошлом Туркменистана XVIII в. — ИАН ТССР, 1958, № 1, с. 48.

⁵ Fraser J. B. Narrative of a journey into Khorasan in the years 1821 and 1822. London, 1825.

⁶ Борнс А. Путешествие в Бухару. ч. 3 М., 1842, с. 34.

⁹ Там же, с. 356 и 358.

⁸ Там же, с. 53.

⁹ Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. — МАР, № 16, СПб., 1894, с. 96.

¹⁰ Abbott J. Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg. Third edition, London, 1884, I; Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва, с. 97.

¹¹ The country between Bamian and Khiva. «Calcutta Review», XV, 1854, p. 1—36, где приведены «Letters and journals of Captain Arthur Conolly, Bengal Cavalry on a special mission to Kokand in 1840—1841; Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва, с. 97—98.

¹² Dr. Wolff's Sendung nach Bokhara. Aus dem engl. von Dr. Ed. Anthor. Bd I und II. Leipzig, 1846; J. Wolff. Narrative of a mission to Bokhara. London, 1856; Жуковский В. А., с. 98.

¹³ Notice sur une carte routiere de Mesched à Bokhara et de Bokhara à Balkh suivie d'un plan de Bokhara et de ses environs, par un ingénieur persan, d'après la traduction de M. Garein de Tassy. Par M. Sedillot. «Bulletin de la société de Géographie». Quatrième série, IV, 221—235.

¹⁴ Иллюстрация приведена на табл. 3 в упомянутом труде В. А. Жуковского (с. 99).

¹⁵ Четырнадцатимесячный плен у туркмен. Из записок г. Гулибефа де Блок-виля. «Всемирный путешественник», в. 31—33. — «Туркестанский сборник», 1869, т. I. СПб.

¹⁶ O'Donovan E. The Merv oasis. Travels and adventures East of the Caspian during the years 1879—1881, v. 11, London, 1882, p. 239—253; Он же. Merv and its surroundings. — «Proceedings of the Royal Geographical Society», v. II. London, 1882, p. 348—349; Лессар П. М. О Донован — хан мервский. — «Новое время», 1883, № 2765; выборки из работ О'Донована; см. также: Жуковский В. А., с. 102—108.

¹⁷ Алиханов М. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883, с. 1 и 4. Почти одновременно с М. Алихановым из Мешхеда через Муздеранский перевал в Мерв (Каушут-хан-калу), а оттуда к селению Дехинау на Амударье проехал поручик 1-го Туркестанского стрелкового батальона Назиров, подробно описавший пройденный в путь 238 верст с точки зрения его «проходимости», но ничего не сообщивший о Старо-Мервском городище, именно через него пролегала тогда дорога, по которой он ехал. Гродеков Н. И. Война в Туркмении, т. I. СПб., 1883, с. 18.

¹⁸ Лессар П. М. Поездка в Мерв (в 1882 г.). — «Известия Русского географического общества». — Туркестанский сборник, т. 348.

¹⁹ Bèois Méchin. Voyage à travers le Turkestan. «Bull. Soc. Geogr. Paris, 1885, I trimestre; Бенуа Мэизэн. Записка о мервских туркменах. «Сборник материалов по Азии», вып. 6, СПб., 1884, с. 131.

²⁰ Moser U. A travers l'Asie Centrale. Paris, (1885), p. 340—341.

²¹ Алиханов А. М. Закаспийские воспоминания 1881—1885 гг. — «Вестник Европы», 1904, № 7, 10.

²² Синицын Л. Поездка в Мерв. Из записной книжки. — «Туркестанские ведомости», 1885, № 9, 11 и 13.

²³ Петров. Рекогносцировка бухарских владений. — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», в. XXI, СПб., 1886, с. 64.

²⁴ Е. К. Поездка главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя А. М. Дондукова-Корсакова в Мерв в 1884 г. — «Кавказский календарь» на 1887 г., с. 259 и сл. (Извлечение из статьи в газете «Кавказ», 1884, № 116, 117 и 118 с приложением «Краткого исторического очерка Мервского оазиса и нескольких рисунков, снятых в Мерве во время поездки туда князя главноначальствующего»).

²⁵ Мерв. — «Туркестанские ведомости», 1886, № 3 (Перепечатка из газеты «Новое время»); W. S. Закаспийская область в археологическом отношении. (Из доклада А. В. Комарова 25 февраля 1888 г. на заседании Восточного отделения императорского археологического общества). — «Новости и биржевая газета», 1888, 20 марта; см. также перепечатку в газете «Туркестанские ведомости», 1888, 28 мая. Постоянным поисковиком и главным поставщиком монет и разных старинных объектов при А. В. Комарове состоял туркмен-теке, которому его соплеменники дали прозвище «кызыл-топкан» («золотопоходник»).

²⁶ Мерв по английским источникам. — «Туркестанские ведомости», 1885, № 40.

²⁷ Полторанов Н. Заметки о Закаспийской железной дороге 1880—1889. Самарканд, 1890, с. 40.

²⁸ Voyage à Merv par M. Edgar Boulanger 1887. Texte et dessins inédits. — «Le Tour du Monde», t. LIII, p. 177.

²⁹ Циммерман Э. Р. В глубь Азии. Поездка в Самарканд. М., 1893, с. 25 и сл.

³⁰ Дмитриев-Кавказский Л. Е. По Средней Азии. Записки художника. СПб., 1894, с. 113—114. Кстати, современник Л. Е. Дмитриева Кавказского Кюрзон в своей вышедшей в 1889 г. книге, сказав пару фраз о развалинах Мерва, сопровождал их двумя рисунками: мавзолей Санджара и байрачалийского «караван-сарая», за который ошибочно приняты развалины мечети. Surzon. Russie in Central Asia in 1889, с. 135—137; Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва, с. 110 (примечание 2).

³¹ Ухтомыский Э. От Калмыцкой степи до Бухары. СПб., 1891, с. 99—154.

³² Особенно грубая ошибка допущена В. А. Жуковским при указании расстояния от Султан-калы до «мечети Ханапья», которое в одном случае определяется равным трем верстам, в другом месте трем с лишним верстам, а на приложенной к труду карте показано почти в четыре версты. См.: Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва, с. 151, 157 и таб. 5. На самом деле это расстояние немногим превышает 1,5 км.

³³ См.: Жуковский В. А. Схематический план Старого Мерва по данным арабских географов, с. 117.

³⁴ См. там же, с. 179.

³⁵ Бартольд В. В. Памяти В. А. Жуковского. — ЗВОРАО, т. 25. Л., 1921, с. 405—406.

³⁶ Уварова П. С. Поездка в Ташкент и Самарканд. — «Русская мысль», 1891, кн. 12, с. 16—22.

³⁷ Марков Е. Л. В Туркмени. — «Русское обозрение», 1892; Россия в Средней Азии. Очерки путешествия, т. 1. СПб., 1901, с. 301—302, 306—322.

³⁸ Одним из наиболее наглядных примеров такого рода публикаций может служить книжка Е. А. Бодэ «Путеводитель по Центральной Азии» (М., 1888). См. рецензию на нее В. Ф. Ошанина [«Туркестанские ведомости», 1889, № 8].

³⁹ Эварницкий Д. И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении. Ташкент, 1893, с. 26—48. По поводу раздела «Путеводителя» о Мерве В. А. Жуковский писал: «Относительно Мерва в нем нет почти никаких следов ни истории, ни археологии: повторение местных народных легенд и объяснений и пересказов главным образом беллетристической статьи Е. Маркова... От приезжего археолога можно было ожидать большей разборчивости в пользовании источниками и гораздо большей самостоятельности»... Жуковский В. А. Указ. соч., с. 110 (примечание 2).

⁴⁰ Туманский А. (Г). (Рецензия на книгу В. А. Жуковского «Развалины Старого Мерва»). — ЗВОРАО, т. 9. СПб., 1896, с. 300—303.

⁴¹ Тизенгаузен В. Г. (Отзыв о сочинении профессора В. А. Жуковского «Развалины Старого Мерва»). — ЗВОРАО, т. 11. СПб., 1899, с. 327—333.

⁴² Chaffanjon M. J. Rapport sur une mission scientifique dans l'Asie Centrale et la Sibirie (1894—1895). — «Nouvelles archives des Missions scientifiques.» serie 4, Paris, 1899, p. 56 et p. 58.

⁴³ Олеуфьев А. А., Панаев В. П. По Закаспийской военной железной дороге. Путевые впечатления. СПб., 1899, с. 104 и сл.

⁴⁴ См.: Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901, с. 100—101; Он же. Весь русский Туркестан. Ташкент, 1909, с. 184—185. (Там же, издание второе, дополненное за смертью автора А. Л. Кирснером. Ташкент, 1909, с. 178—179). Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге. СПб., 1903, с. 263—273 (Последнее издание вышло в Петрограде в 1915 г.); Туркестанский календарь на 1904 г. (Под редакцией В. В. Стратонова). Ташкент, 1904, с. 12—13; Иллюстрированный путеводитель по Среднеазиатской железной дороге. Асхабад, 1912, с. 68—78; Гартевельд В. Н. Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана (1913). М., 1914, с. 89—91.

⁴⁵ Федоров К. М. Закаспийская область. Асхабад, 1901, с. 171—175.

⁴⁶ Мисальский И. В. Туркестанский край. — «Россия», 1913, т. 19. СПб., с. 641—647.

⁴⁷ Бартольд В. В. — Сочинения, т. 4. М., 1966, с. 172. Сам же В. В. Бартольд уже до того критически использовал ряд данных В. А. Жуковского (полемизируя с последним по отдельным вопросам) в своем курсе лекции по исторической географии Ирана, читанном им в 1901/1902 академическому году на факультете восточных языков Петербургского университета. См. его «Историко-географический обзор Ирана». СПб., 1903, с. 29—32.

⁴⁸ Le Strange J. The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1905 (1930), p. 402; вообще о Мерве—р. 398—403.

⁴⁹ Жуковский В. А. Указ. соч., с. 34 (примечание).

⁵⁰ Schmidt U. Expedition Pumpelly in Turkestan im Jahre 1904, im Auftrage der Carnegie Institution Washington. «Bulletin de l'Association Internationale pour l'exploration historique, linguistique et ethnographique de l'Asie Centrale et de l'Extreme Orient, publié par le Comité Russe», N 5, St. Pet., 1905, p. 19—23; Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Washington, 1905, pp. 55—56; Pumpelly R. Exploration in Turkestan, v. 1. Washington, 1908, p. 187; v. 2, Washington 1905; Бартольд В. В. К статье г-на д-ра Шмидта. — Сочинения, т. 4. М., 1966, с. 135.

⁵¹ Бартольд В. В. К истории Мерва. — ЗВОРАО, 1910, т. 19. СПб., с. 115—138.

⁵² Барц Э. Мургабское государство. СПб., 1910, с. 157—158.

⁵³ Семенов А. А. По Закаспийским развалинам. (Из археологической поездки А. Э. Шмидта, А. П. Удаленкова и А. А. Семенова в сентябре 1926 г.). — «Известия Средазкомстариса», 1928, вып. 3. Ташкент, с. 81. Дату ремонта автор ошибочно указывает 1915 г.

⁵⁴ Умиев И. И. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование, ремонт, реставрация. 1920—1928 гг. Ташкент, 1929, с. 34; Засылкин Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии. (Проблемы исследования и реставрации). — «Вопросы реставра-

ции», 1928, вып. 2. М., с. 46. В последней публикации ремонтные работы на мавзолее Санджара неверно отнесены к 1911 г.

⁶⁵ Тейле Э. Э. Список развалин, пещер, курганов и других памятников, находящихся в Закаспийской области. — «Протоколы заседаний и собрания членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока», 1915, вып. 1. Ашхабад, с. 47.

⁵⁶ Бартольд В. В. Археологические работы в Самарканде летом 1924 г. — ИРАИМК, 1925, т. 4. — Сочинения, 1966, т. 4. М., с. 279 и др.

⁵⁷ Cohn-Wiener E. Die Ruinen der Seldschukinstadt von Merv und das Mausoleum Sultan-Samwlschahs. — «Jahrbuch der asiatischen Kunst», 1925, S. 114—122.

⁵⁸ Бартольд В. В. По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. — «Сообщение ГАНМК», вып. I. Л., 1926, с. 207—216. Иную оценку работ Э. Кои-Винера в смысле значительного поднятия у общественности Туркмении интереса к археологическим памятникам см.: Еришов С. А. Археология в ТССР за 20 лет. — «Известия ТФАН СССР», Ашхабад, 1944, № 2—3, с. 28.

⁵⁹ Умиев И. И., с. 33—34.

⁶⁰ Семенов А. А., с. 79—84.

⁶¹ Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии, с. 28—51.

⁶² Романов Н. И. Кто и как жил в древности на территории Туркмении. Ашхабад, 1928, с. 13.

⁶³ Еришов С. А. Археология в ТССР за 20 лет. — «Известия ТФАН СССР», Ашхабад, 1944, № 2—3, с. 30.

⁶⁴ Еришов С. А. Археология в ТССР за 20 лет. 28.X—1944. [Рукопись]. Он же. Перспективы развития керамической промышленности ТССР. [Рукопись].

⁶⁵ Бачинский Н. М. Архитектурные памятники Туркмении. М. — Ашхабад, 1939, с. 16—19.

⁶⁶ В вышедшей в 1973 г. статье В. И. Пилявского автор, упоминая ремонтные работы 1937 г., упорно с большим анахронизмом говорит об этом памятнике то как о «мавзолее Мухаммеда-ибн-Зейда», то как о «могиле Мухаммеда Сейида-ибн-Зейда». См.: Пилявский В. И. Реставрация древнего мавзолея в Мерве. — «Памятники Туркменистана». Ашхабад, 1973, № 2 (16), с. 16. Между тем не только дату на этом мавзолее, но также точное имя погребенного в ней Сейид Мухаммеда с его родословной до шестого поколения включительно, как и другие подробности, впервые были прочитаны полностью в 1950 г. См.: Массон М. Е. Куфическая надпись на мавзолее Мухаммеда, сына Зейда в Старом Мерве. — «Труды ЮТАКЭ», 1969, т. 14. Ашхабад, с. 194—205. Неверно названа В. И. Пилявским и организация, осуществлявшая консервационно-ремонтные работы на данном объекте.

⁶⁷ Еришов С. А. Археология в ТССР за 20 лет, с. 21 и 35.

⁶⁸ Еришов С. А. Археология в ТССР за 20 лет, с. 33.

⁶⁹ Пиотровский Б. Б. Разведочные работы на Гяур-кале в Старом Мерве. — «Материалы ЮТАКЭ», 1949, вып. 1. Ашхабад, с. 35—41.

⁷⁰ Массон М. Е. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1964 г. — «Материалы ЮТАКЭ», 1949, вып. 1. Ашхабад, с. 139—140.

⁷¹ Левзнер С. Б. О двух арабских азбуках из раскопок в Мерве. — ЭВ, вып. 9. М.—Л., 1954, с. 24—37.

⁷² Jakoubovsky A. Merv al-Chahidjan. — «Encyclopædie des Islam», t. 3, 1937, p. 159 и сл.

⁷³ Массон М. Е. К изучению прошлого Старого Мерва. — «Труды ЮТАКЭ», 1963, т. 12. Ашхабад, с. 11.

⁷⁴ Фрейман А. А. Согдийская надпись из Старого Мерва. — ЗИВ АН СССР, 1939, т. 7, с. 296—302.

⁷⁵ Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1. (Составил Н. М. Бачинский). М.—Л., 1939.

⁷⁶ Бачинский Н. М. Историческая справка «Архитектурные памятники Туркменистана», с. 115.

⁷⁷ Массон М. Е. Положение о Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). — «Материалы ЮТАКЭ», 1949, вып. 1. Ашхабад, с. 201—203.

В. Н. ПИЛИПКО

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВАРРЫК-ДЕПЕ В ОКРЕСТНОСТЯХ СТАРОГО МЕРВА

Варрык-депе¹ находится в ближайших окрестностях Старого Мерва в 300 м западнее пригородного мервского некрополя и в 4,5 км юго-западнее мавзолея султана Санджара. Свое название памятник получил по имени одного местного жителя, который 20—30 лет назад занимал окрестности холма под бахчу. Некоторые местные жители сообщают также второе название — Джинли-депе. Он представляет овальный в плане холм, вытянутый с северо-запада на юго-восток (рис. 1). Длина его 140, ширина 106 м. Верх его почти плоский с неглубоким плавным прогибом в середине. Наибольшую высоту имеет северо-восточная часть холма—3,5 м. К юго-востоку высота его постепенно уменьшается. Поверхность холма засадена. Подъемный материал представлен малочисленными невыразительными фрагментами неполивной керамики.

Впервые холм был осмотрен С. А. Ершовым в 1954 г. при проведении раскопок на загородном мервском некрополе². Первые разведывательные раскопки осуществлены в 1955 г. сотрудником XVIII отряда ЮТАКЭ О. В. Обельченко³. При этих раскопках от центра холма к его северо-западному краю проложена разведывательная борозда шириной 2, длиной около 60 м. Глубина вскрытия на разных участках колеблется от 1 до 3,5 м. В северо-западной части раскопа обнаружены остатки трех одновременных стен, расположенных параллельно друг другу.

Внешняя стена имеет толщину от 1,6 м внизу до 0,6 м вверху. Возведена она из пахсы на высоте около 2,2 м, имеет горизонтальную прослойку из сырцового кирпича 43×43×11 см. Вторая стена расположена на расстоянии 4 м от первой. Она также пахсовая и достигает толщины 3,5 м. Третья стена, расположенная в 10 м от второй, сложена из сырцового кирпича 41—42×41—42×10—12 см. Толщина ее 3,2 м. Заполнение между стенами рыхлое с включениями кусков пахсы и сырцового кирпича. Юго-восточнее первой стены имеется крупная зольная линза

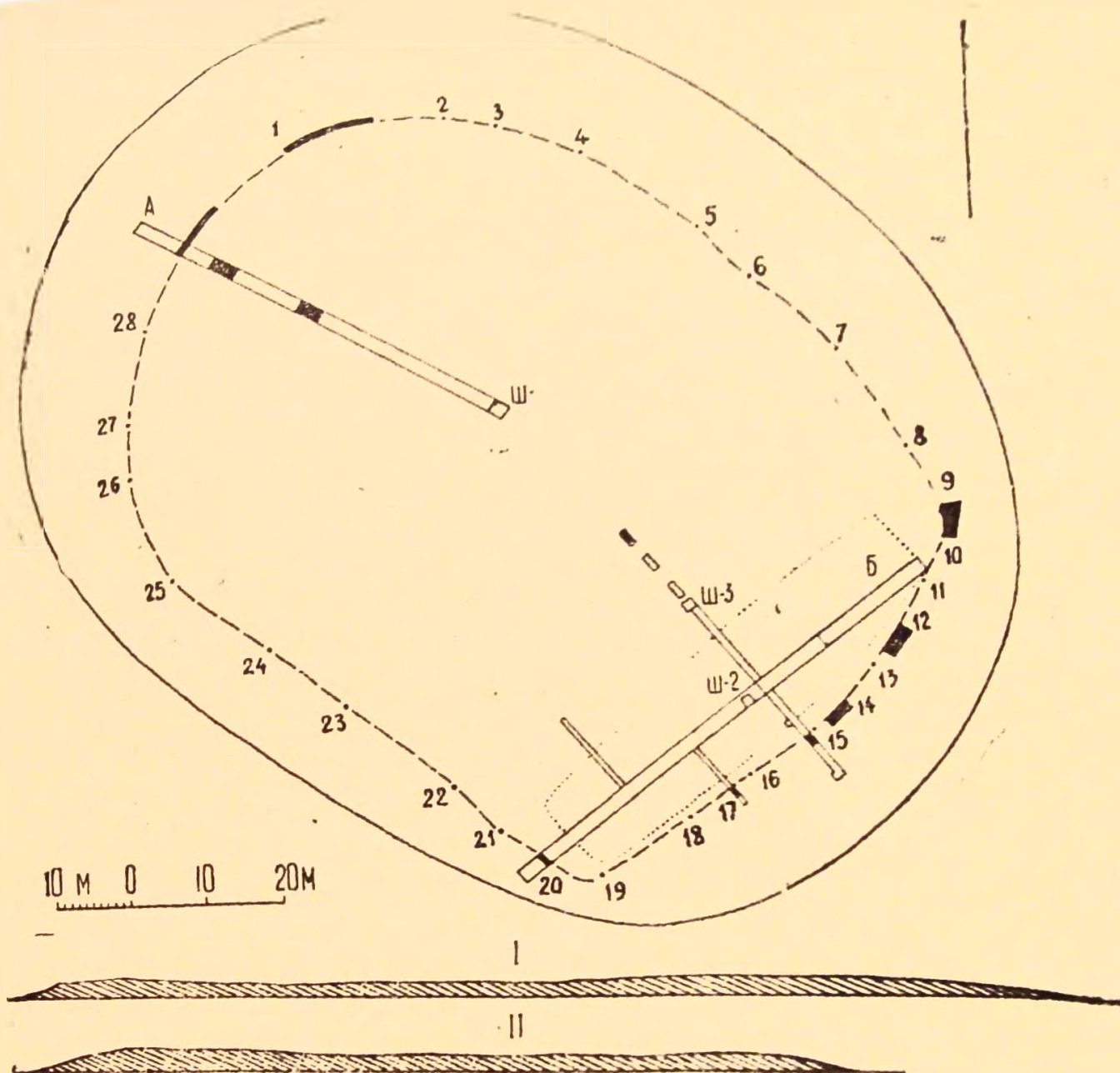

Рис. 1. Схема расположения раскопов. (Сплошной линией показаны контуры холма и границы раскопов; штриховой — внутренняя грань обводной стены; точками — разрезы внешней стены; сплошной заливкой — раскопанные участки стен): А — раскоп 1965 г.; Б — раскоп 1967 г.; Ш — шурф; I — профиль холма с северо-запада на юго-восток; II — профиль холма с юго-запада на северо-восток

(рис. 2,6). В раскопе найдено несколько жженных клинчатых кирпичей (ширина оснований 13, 17, высота 20 см), красноангобированный кувшинчик и три медные монеты. Две из них относятся к позднепарфянским эмиссиям⁴, а одна к чекану сасанидского правителя Арташира I (224—242). В юго-восточной оконечности борозды заложен шурф размерами 2×2 м, установивший, что мощность культурных напластований в центре холма — 3 м. Заполнение шурфа почти однородное — рыхлые натечно-надувные слои с включениями обломков керамики, разрушенного сырца и пахсы. Можно лишь отметить две горизонтальные гумусные прослойки: на глубине 0,6—0,75 м и 2,94—3,0 (рис. 3). С

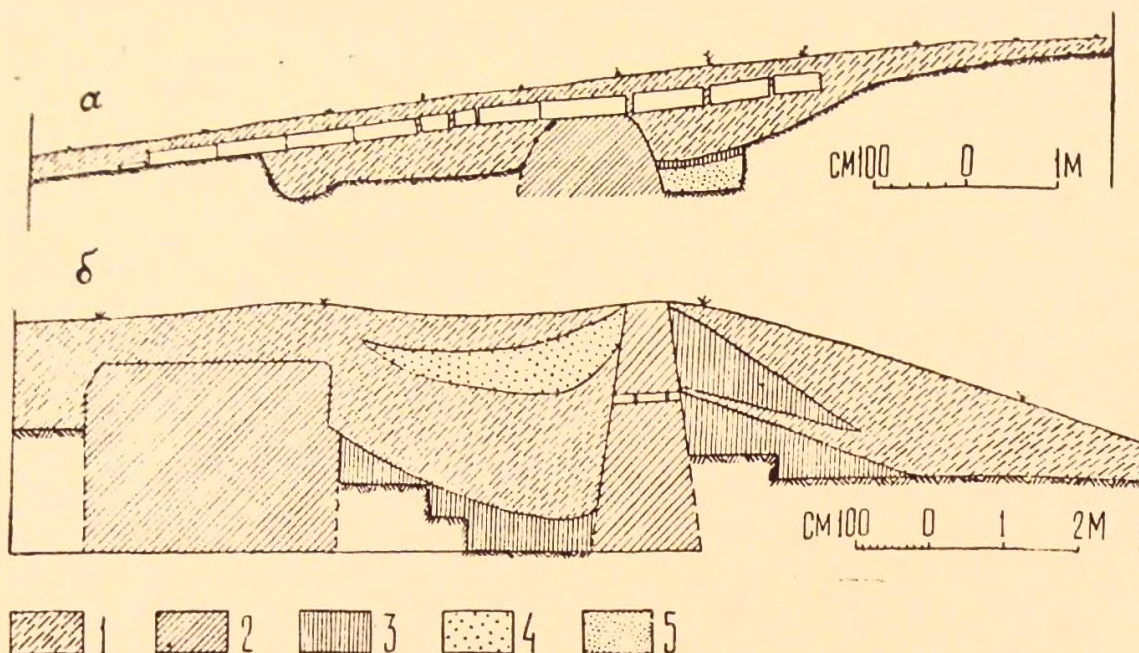

Рис. 2. А—юго-восточная часть разреза 15; Б—северо-западная часть раскопа О. В. Обельченко (абрис); 1—рыхлые натечно-надувные слои; 2—пахса; 3—опливы разрушенных стен; 4—слой угля и золы; 5—плотный песок.

нижним культурным слоем связаны находки керамики древнемаргианского облика. Верхние слои относятся к позднепарфянскому—раннесасанидскому времени, что подтверждается находками двух медных монет в V ярусе. Одна из них позднемаргианской эмиссии, вторая — Шапура I (242—272)⁵.

На основании результатов этих разведывательных раскопок О. В. Обельченко датировал памятник парфянским и раннесасанидским временем и высказал предположение о его возможной связи с некрополем⁶.

В 1966—1967 гг. разведывательное изучение Варрык-депе продолжила специальная группа XVIII отряда ЮТАКЭ. В 1966 г. работы проводились под руководством автора настоящего сообщения. Основная задача работ этого сезона заключалась в выявлении контуров внешней обводной стены. С этой целью по периметру холма было сделано 27 поперечных разрезов этой стены (таблица). В слоях запустения внутри стены довольно часто встречались обломки керамики и куски керамического шлака.

Проведенные работы позволили выявить, что внешняя стена образовывала замкнутое кольцо. Она построена из пахсы и в сечении имела трапециевидную форму. Последним обстоятельством отчасти объясняется разная ее толщина в осуществленных разрезах (вскрытие на разных уровнях дало разную толщину). Ширина ее основания в среднем была около 1,6 м; на некоторых участках она имела большую толщину, что, вероятно, является результатом ремонтных работ.

Кроме работ по изучению остатков внешней стены, в 1966 г. была осуществлена расчистка трубопровода в юго-восточной оконечности холма (рис. 2, а) и заложен шурф № 2, позволивший обнаружить остатки сводчатого помещения, тщательно заложеного сырцовым кирпичом (рис. 3).

Изучение древнего здания, обнаруженного в юго-восточной части

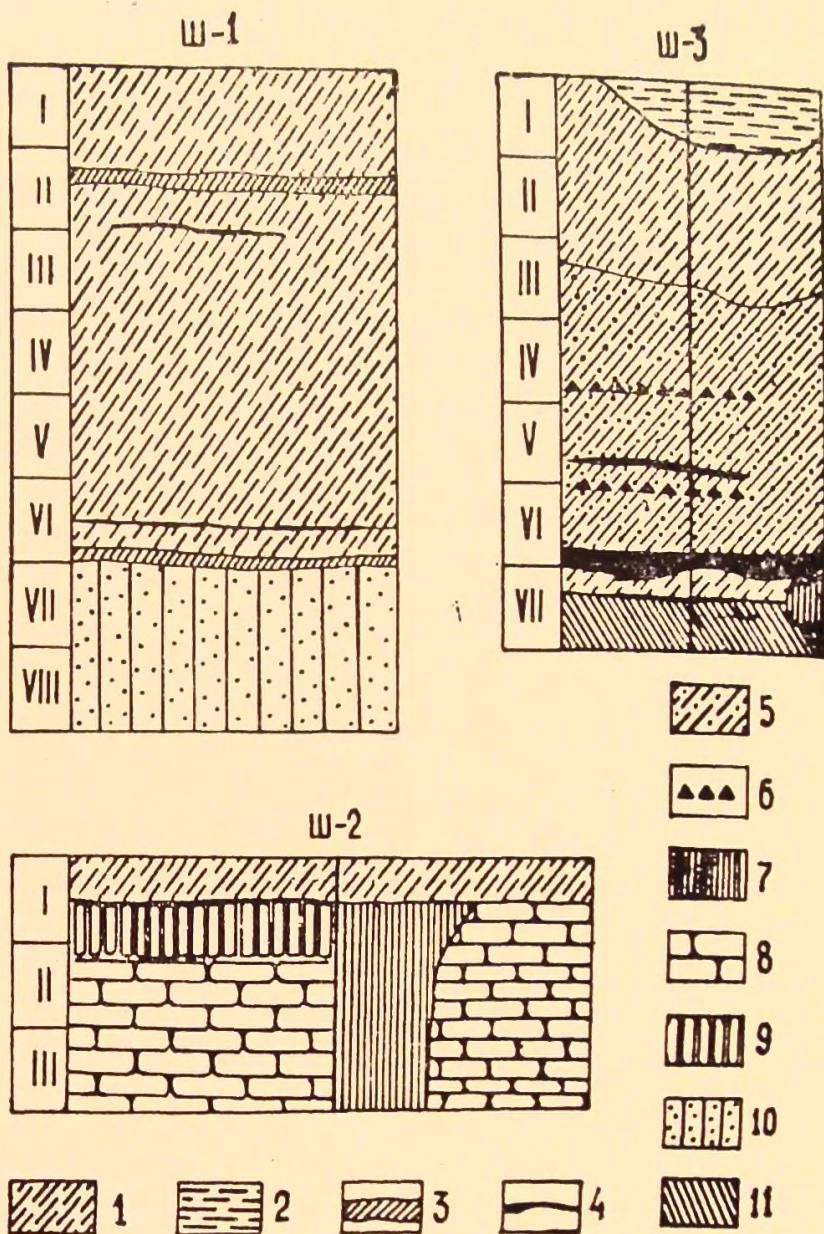

Рис. 3. Шурфы:

1 —рыхлые слои; 2—натек; 3 —гумус; 4 — зола; 5 — глина с обломками сырца; 6—прослойки керамики; 7—8—сырцовые кладки; 9—остатки свода; 10—плотный натечно-надувной слой; 11—плотная глина.

холма, было продолжено в 1967 г. А. Кудрявцевым. Для выяснения его границ в направлении северо-восток—юго-запад холм прорезали большой разведывательной бороздой. Ширина ее 2, длина 65 м, глубина вскрытия от 0,3 до 1,2 м. К юго-западу от шурфа № 2 на участке, протяженностью 27,5 м, обнаружена сплошная кирпичная кладка. Кирпич в ней разный. В юго-восточной стенке раскопа хорошо прослеживается кладка из сырца размерами 45—47×45—47×11—12 см. Тесто кирпичей без примесей самана и имеет коричневый оттенок. Эта кладка является остатками стены древнего здания, обнаруженного в шурфе № 2. На прилегающем к шурфу участке в 14 м расчищен ряд стоящих на ребре

Таблица

Размеры сечений внешней стены, м

Номер сечения	Длина	Ширина	Глубина вскрытия	Толщина внешней стены
1	2,5	0,6	1,0	0,94
2	2,7	1,9	0,55	1,25
3	5,1	0,7	0,5	0,95
4	2,8	0,8	0,57	1,2
5	5,0	0,5	0,5	0,75
6	6,2	0,5	0,5	х*
7	6,7	0,6	0,55	0,85
8	7,65	0,5	0,4	1,0
9	5,1	0,5	1,0	2,8
10	4,4	0,5	1,0	2,0
11	6,8	0,6	0,5	1,5
12	3,5	0,5	0,4	1,1
13	5,0	0,5	1,2	1,45
14	5,5	0,5	0,5	1,25
15	29,0	0,6	1,4	1,6
16	4,5	0,5	1,0	1,5
17	10,0	0,5	0,4	0,9
18	8,5	0,5	0,4	1,25
19	5,0	0,5	0,5	1,2
20	6,65	0,5	0,3	1,2
21	4,65	0,5	0,5	1,3
22	4,5	0,6	1,2	1,7
23	6,0	0,65	0,5	0,85
24	3,3	0,5	0,6	0,9
25	4,6	0,6	0,6	0,8
26	5,3	0,55	0,5	1,25
27	2,8	0,5	0,6	1,0
28	2,2	0,5	0,3	0,85

* Ширина стены точно не установлена.

кирпичей такой же фактуры. Это остатки сводчатого перекрытия упомянутого помещения. Остальная часть этого участка раскопа занята кладкой из более светлого сырца несколько меньших размеров 41—43×41—43×11—12 см. Она также выполнена вперевязку. Толщина швов 2—10 см. Наряду с целыми кирпичами для обеспечения перевязки использованы доли квадратных кирпичей шириной от 10 до 31 см. Изредка встречаются кирпичи со стороной 45—47 см. Вероятно, это вторично использованные кирпичи из руин более древнего здания. В процессе раскопок остался невыясненным вопрос о наличии клейм на кирпичах. Эта кладка, видимо, является нивелировочной платформой, поглотившей руины более древнего здания. К северо-востоку от шурфа кирпичная структура, соответствующая нивелировочной платформе, продолжается на участке в 26 м. Таким образом, общая длина платформы в юго-восточной части холма составляет около 55 м.

Для выяснения ширины платформы заложены три поперечные борозды, которые позволили выяснить, что кирпичная структура имеет ширину 13—15 м. При расчистке забутовочной платформы найдено небольшое количество фрагментов керамики, три медные монеты, ядро из обожженной глины и хум, врытый в платформу по самый венчик.

За пределами платформы на продолжении разреза № 15 был заложен шурф № 3 размерами 0,85×0,85 м. Он пройден до глубины 3,5 м (см. рис. 3). А. Кудрявцев выделил в нем четыре слоя. Нижний слой плотной глины, занимающий почти весь XII ярус, вероятно, является материковым, хотя в начале его найдены два незначительных фрагмента керамики. Начало VII и весь VI ярус занимает слой, датированный

на основании керамики парфянским временем. Здесь обнаружены остатки кладки из коричневатого сырца без самана и плотный глинобитный пол. На полу находится слой мусора, включающий обломки керамики и куски известковой или алебастровой штукатурки. Выше расположена мощная прослойка золы и угля.

С V яруса до середины III залегает слой плотной глины с кусками сырца. В нем отмечены горизонтальные прослойки золы и битой керамики, вероятно, соответствующие каким-то древним уровням. А. Кудрявцев считает этот слой синхронным с нивелировочной платформой.

С последним периодом обживания памятника связан верхний натечно-надувной рыхлый слой, достигающий местами толщины 1,2 м. Наиболее частые находки керамики здесь обнаружены в I и III ярусах.

В 1971 г. без предварительного согласования с археологами памятник оказался начисто снесенным. При его разрушении окрестными колхозниками при выравнивании территории под посевы был найден клад медных монет, которые первоначально разошлись по рукам. В дальнейшем большая часть монет этого клада была собрана проживающим в колхозе «Красный Октябрь» художником Хошгельды Шахбердыевым и передана им ашхабадскому сотруднику ЮТАКЭ Т. Ходжаниязову, который представил их для обработки автору. В кладе, вероятно, было не менее 500 позднепарфянских монет, преимущественно маргианской эмиссии⁷. Проведенные на Варрык-депе работы носили разведывательный характер и были далеки от своего завершения. Неожиданное разрушение памятника сделало невозможным дальнейшее его изучение и оставило без ответа многие вопросы, связанные с историей этого интересного археологического объекта. Имеющиеся сведения об этом памятнике можно суммировать следующим образом. Впервые эта местность была обжита в середине I тысячелетия до н. э. Об этом свидетельствуют находки керамики древнемаргианского облика в нижнем культурном слое шурфа О. В. Обельченко⁸ (шурф № 1). Следующий период обживания относится к первым векам н. э., когда большая часть холма была занята крупным зданием [или группой зданий], построенным из сырцового кирпича размерами 41—43×41—43×10—12 и 45—47×45—47×11—12 см. Остатки этого сооружения в северо-западной части холма представлены 2-й и 3-й стенами, обнаруженными в раскопе 1955 г. В юго-восточной части холма при работах 1966—1967 гг. частично расширены остатки помещения, перекрытого сводом. Остатки нижней части свода «отрезками» сохранились на участке длиной 14 м. Общая длина этого помещения не менее 25 м. Ширина осталась невыявленной, но, судя по характеру перекрытия, она была не более 3—4 м. О размере и планировке этого здания (зданий) ничего нельзя сказать определенного. Можно лишь отметить, что в центральной части холма в это время оставалось незастроенное пространство (двор?). На это указывает заметная в микрорельефе котловина, занимавшая середину холма. Заложенный здесь шурф не выявил архитектурных остатков, а найденная на глубине свыше полутора метров монета Шапура I указывает на то, что в древности эта котловина была еще более глубокой. Основанием для датировки этого сооружения позднепарфянским временем служат керамические находки из слоев, связанных с его обживанием. Найденная здесь керамика отличается хорошей отмучкой и обжигом. Черепок в изломе розовый, красный или кремевой, внешняя поверхность розовая или светло-серая. Из форм преобладают чаши (рис. 4, 15, 17, 19, 30). Определенное значение для датировки сооружения имеет обнаруженная в кладке его стен бронзовая монета, по определению М. Е. Массона относящаяся к чекану старших Аршакидов⁹.

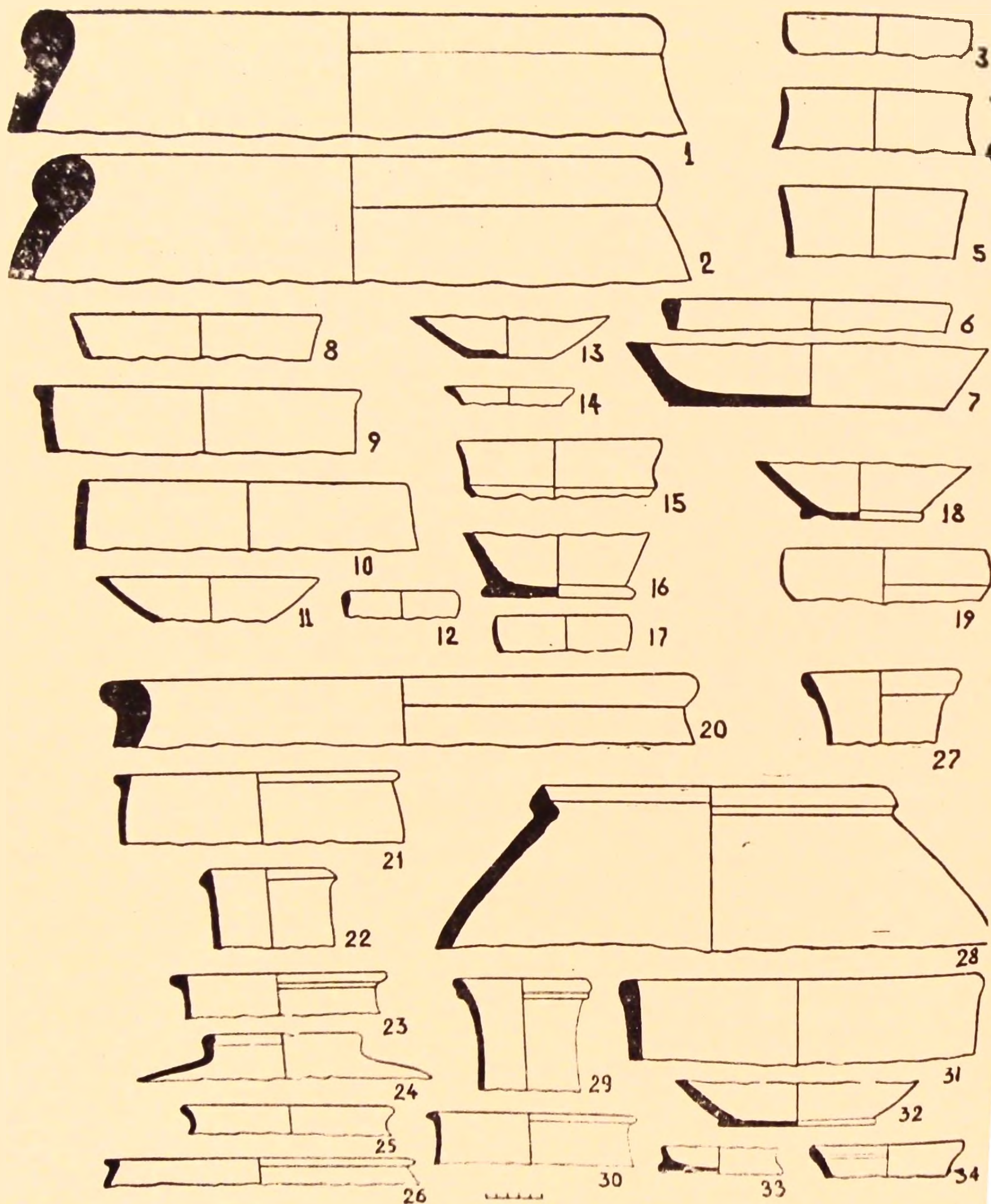

Рис. 4. Керамика:
15, 17, 19, 30 — из раскопок А. Кудрявцева; 16 — из раскопок водовода; 20—28 —
подъемная, остальные — из раскопок внешней стены.

Уже в этот период здание (здания) было ограждено стеной, образующей в плане фигуру, отдаленно напоминающую овал. Сложена она из пахсы и в сечении имеет форму трапеции. Ширина ее основания 1,5—1,7 м, максимальная сохранившаяся высота — 3,5 м. Стена ограждает территорию площадью около 7100 м².

В следующий период обживания еще довольно хорошо сохранившиеся остатки построек в юго-восточной части холма тщательно закладываются сырцовыми кирпичами размерами 41—43×41—43×10—12 см. Образованная таким образом платформа заняла почти всю юго-восточную часть памятника. Сведений о ее назначении недостаточно, но наиболее вероятно, что она является основанием для крупной постройки, верхняя часть которой к настоящему времени оказалась полностью разрушена процессами дефляции. На жилое назначение некогда существовавшего здесь здания как будто указывают обнаруженные в ряде мест на глубине не более 30 см пятна расслонившейся керамики, а также хум, врытый в платформу почти по самый венчик. С полной определенностью установлено, что в этот период продолжала существовать внешняя обводная стена сооружения. Первоначальное значение для датировки этого периода имеют монетные находки. В кладке платформы найдены три бронзовые монеты. Все они, по определению М. Е. Массона, относятся к местным маргианским эмиссиям позднепарфянского времени. На основании этого возведения платформы нельзя относить ко времени ранее конца II—начала III в. н. э. Ко времени функционирования этой постройки относятся монеты Арташира и Шапура I, найденные при работах О. В. Обельченко. Датировку по монетным данным подкрепляют и керамические находки—III и не позднее IV вв.

Особое значение имеет стратиграфическое наблюдение в юго-восточной территории, огражденной овальной стеной. В 1966 г. тут был осуществлен большой разрез 15 примерно в 16—20 м северо-западнее внутреннего края этой стены. На глубине от 20 до 40 см от современного уровня земли здесь находилась верхняя поверхность упомянутой выше платформы античного времени. Остатками некогда бывших на ней строений, разрушившихся под влиянием времени, являлся небольшой уцелевший смешанный культурный слой. Мощностью всего в 15—20 см он дал основную массу археологических находок периода сооружения и использования «платформы» с находившимися на ней сооружениями по монетным данным III—отчасти IV в. н. э. В этом же слое профессор М. Е. Массон обратил внимание на тянувшиеся на протяжении свыше 5 м остатки огромной колонии мелких черненьких земляных жучков, давно погибших, которые попадались в большом числе. Появиться здесь они могли только в пору полного запустения объекта, а для сложения столь огромной колонии потребовался большой промежуток времени во много десятков лет. Это наглядно фиксирует наличие длительного периода запустения. Выше же лежащий сильно разрушенный культурный слой, выходящий на современную поверхность, дает находки керамики V—VI вв., которыми и датируется наступление четвертого периода средневекового обживания Варрык-депе.

Архитектурные остатки, связанные с этим последним периодом обживания, полностью разрушены. Частично сохранился лишь трубопровод, расположенный на юго-восточной окраине холма. Уцелевшая его часть имеет длину 7,7 м. Перепад высоты на этом участке равен 0,9 м. Трубопровод состоит в общей сложности из 10 звеньев. Наряду с целыми трубами-кабурами употреблены куски. Диаметр кабуров колеблется от 28 до 33 см. Длина целиком сохранившихся труб 74—86 см. Трубопровод перекрывает оплывшие остатки платформы третье-

го периода обживания, сильно разрушенную внешнюю стену сооружения и выводит к подошве холма; у окончания последней трубы лежал жженный кирпич размерами 30×30×9 см (см. рис. 2). Данных для датировки трубопровода и соответственно всего четвертого периода обживания очень немного. Достоверной находкой, связанной с трубопроводом, является единственное донце сосуда, подложенное под стык двух кабуров. Донце диаметром 13 см и принадлежит сосуду закрытого типа. Оно слегка вогнутое с выступающей закраиной ложного поддона. Черепок в изломе зеленоватый. Сосуды подобной фактуры и формы бытовали в Старом Мерве на протяжении всего сасанидского периода. Учитывая отсутствие на памятнике достоверных материалов VII—VIII вв., этот последний период обживания, видимо, следует датировать V—VI вв.

Функциональное назначение памятника, в силу небольшого объема проведенных здесь археологических раскопок, осталось невыясненным. Но ответ на этот вопрос в некоторой степени подсказывает его топографическое расположение. Варрык-депе находится всего в 300 м от синхронного ему загородного Мервского некрополя¹⁰, что делает почти обязательным наличие какой-то функциональной связи между этими двумя объектами. Раскопки на Варрык-депе показали, что он не является остатками погребального сооружения или дахмы, поскольку здесь совершенно отсутствуют человеческие кости. Судя по довольно многочисленным находкам керамики и кусков керамического шлака, маловероятно, что это было сооружение культового характера. Остается предположить, что здесь жили люди, в какой-то мере связанные с обслуживанием некрополя. Это в некоторой степени объясняет изолированное положение памятника и ограждение его глухой глинобитной стеной. Не исключено, что встреченные на Варрык-депе керамические шлаки, указывают на одну из сторон их производственной деятельности. В связи с этим необходимо вспомнить, что в некрополе имеются захоронения в кобурах¹¹, которые близки к кобурам, встреченным в верхнем слое Варрык-депе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При написании настоящей работы использованы следующие источники: Обельченко О. В. Некрополь древнего Мерва. Материалы раскопок 1955 г.—ТЮТАКЭ, 1969, т. 14, с. 86, 97—98, а также неопубликованные материалы XVIII отряда ЮТАКЭ. Кроме того, использованы полевой дневник А. Кудрявцева за 1967 г., его дипломная работа «Сооружение, овальное в плане в северо-западной части рабада Старого Мерва», полевые дневники начальника ЮТАКЭ М. Е. Массона за 1955, 1966—1967 гг., а также его соответствующие годовые отчеты ЮТАКЭ.

² Ершов С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуариями захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954—1956 гг.).—«Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР», 1959, т. 5, с. 162.

³ Обельченко О. В. Некрополь древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.). — ТЮТАКЭ, 1969, т. 14, с. 86, 97—98.

⁴ Все определения монет выполнены М. Е. Массоном.

⁵ Массон М. Е. Отчет о работах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) за 1955 г. Архив ЮТАКЭ, с. 30—31.

⁶ Обельченко О. В., с. 96.

⁷ Предварительное сообщение о кладе см.: Пилипко В. П. Новые клады парфянских монет. — «Памятники Туркменистана», 1974, № 1.

⁸ Обельченко О. В., с. 98.

⁹ Кудрявцев А. А., с. 36.

¹⁰ О раскопках некрополя см.: Ершов С. А., с. 162; Обельченко О. В., с. 97—98; Сусенкова Р. С. Домусульманский некрополь Старого Мерва (по данным раскопок 1956 г.) — ТЮТАКЭ, 1969, т. 14; Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966, с. 88—89; Кошеленко Г. А., Десятчиков Ю. М. Раскопки некрополя древнего Мерва.— Археологические открытия 1965 года. М., 1966.

¹¹ Ершов С. А., с. 166, 171, 191.

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПЕЧЬ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ

За два последних десятилетия в археологическом изучении памятников Южной Туркмении сделаны значительные успехи и в первую очередь следует отметить заслуги Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции [ЮТАКЭ], возглавляемой академиком АН СССР проф. М. Е. Массоном.

Античный Мерв (городище Гяур-кала) с 1950 г. стал объектом специального изучения XVIII отряда ЮТАКЭ в связи с проблемой истории и культуры Парфянского государства, существовавшего на территории Южной Туркмении с III в. до н. э. — III в. н. э. Особое внимание уделялось изучению различных ремесел и в частности керамического производства Мерва¹.

Уже в 1950 г. в южной части городища Гяур-кала В. И. Сариниди были вскрыты две печи позднеасанидского времени². Однако необходимо было изучить античное керамическое производство Мерва, продукция которого (керамика, терракотовые фигурки и др.) отличалась высоким качеством и разнообразием форм, датировалась медными монетами парфянского чекана. Такая необходимость была обусловлена прежде всего слабой в то время изученностью вообще керамического производства Средней Азии рабовладельческой формации.

Первые античные печи кушанской поры были обнаружены М. Е. Массоном в 1937 г. на городище древнего Термеза, в 1943 г. на Мунчак-тепе В. Ф. Гайдуковичем обнаружена и изучена керамическая печь I—II вв. н. э., от которой сохранилась только топочная камера³.

В 1945 г. на Афрасиабе А. И. Тереножкиным расчищено несколько печей, топка одной из них была заполнена отходами гончарного производства и, кроме того, игрушками и терракотовыми фигурками. Сохранилась топка с обрушившимся сводом, разделенная внутри толстой перегородкой на две половины⁴. С. К. Кабанов в 1948 г. на городище Ер-Курган раскопал печь III—IV вв., а в феврале 1953 г. на совещании археологов Средней Азии С. П. Толстов сообщил об обнаружении Хорезмской археологической экспедицией керамической печи кушанского времени⁵.

Учитывая слабую изученность керамического производства Сред-

ней Азии в целом и то, что при отсутствии письменных источников только исследование ремесленного производства даст возможность раскрыть некоторые социально-экономические вопросы рабовладельческой формации. в 1953 г. на городище Гяур-кала в ремесленном квартале была вскрыта керамическая печь античного времени⁶.

Публикация ее необходима, поскольку она остается определенным звеном в эволюционном развитии керамического производства Маргяны, начиная с третьей четверти I тысячелетия до н. э. вплоть до периода раннего средневековья⁷.

Печь была обнаружена Г. А. Пугаченковой в 1952 г. на холме в северо-восточной части городища Гяур-кала, к востоку от дома медника парфянского времени (раскоп 2). Поверхность холма была усыпана фрагментами керамики, шлаков, обожженного сырца и глины. На восточном склоне холма прослеживались контуры круглой печи, вокруг которой было собрано 57 ошлакованных кирпичей и более 70 фрагментов керамического производства, поднята женская терракотовая фигурка. Керамический материал, монетные находки и терракотовая фигурка относились к античному времени. Это побудило начальника экспедиции М. Е. Массона начать здесь раскопки по вскрытию керамической печи и одновременно для получения стратиграфии культурных слоев. Наблюдения за раскопочной площадкой (раскоп 5) вел И. Ахбаров.

После сбора подъемного материала вокруг печи была расчищена площадка 20×20 м, разбитая на квадраты, в центре которой находилась печь. У подножия холма с восточной стороны находился полевой музей. Раскопки велись с 17 октября по 10 ноября 1953 г., общий объем осуществленных работ — 200 м³ (затрачено 25 рабочих дней). Помимо основной раскопочной площадки по указанию М. Е. Массона на этом же холме ставились и другие разведочные раскопы (раскоп 5а и 5б).

Холм, на восточном склоне которого располагалась печь, вытянут в северном направлении (50×60 м), располагается изолированно от соседних всхолмлений, что способствовало интенсивному разрушению и выветриванию верхнего культурного слоя, в результате чего образовались на склонах мощные оплывы. Для увязки с другими раскопами на Гяур-кале нивелировка холма была проведена от раскопа 3, расположенного восточнее. Поэтому дневная поверхность на нашем холме начинается с VII яруса.

После снятия 10-сантиметрового рыхлого слоя земли сразу же четко выделился план печи округлой формы, несколько вытянутой с юга на север, диаметр по длинной оси равен 2,10 м, по короткой—2 м. Стены печи имели двойную кладку, расстояние между которыми 12—15 см, сырцовые кирпичи размером 40×40×10 и 42×42×12 см включают больше самана, чем это отмечено в обычном строительном материале. В результате высокой температуры печи кирпичи оказались сильно обожженными и имеют красновато-бурый цвет. Печь своим топочным устьем [30×40 см] обращена на юг, от которого сохранился только пол, смазанный глиной, со слоем золы в 1 см. За внешним кругом печи встречены сырцовые кирпичи, упавшие из разрушенной части стен печи. С одной стороны кирпичи смазаны глиной 2—4 см толщиной, которая под действием высокой температуры становилась поздрепатой и каплеобразно стекала вниз по кирпичам. Цвет ее темно-зеленый и пенельный, поверхность гладкая, местами пузырчатая.

Стены печи сложены из битого сырца; чем ниже кладка, тем размеры кирпича увеличивались, на глубине 75—80 см от поверхности земли использовались уже целые кирпичи. На этом уровне кончается двойная кладка стен печи, ниже идет выкладка в полтора кирпича

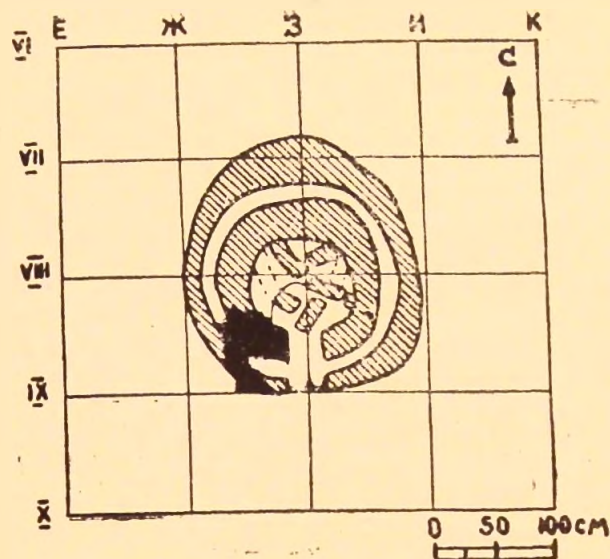

Рис. 1. Нарфинская керамическая печь Мериа III в. н. э. План в уровне дневной поверхности. (Обмер И. Ахрарова).

равная толщине двойных стен, каждый ряд которой имеет небольшой выступ внутрь, тем самым к основанию камера несколько сужается (рис. 1). Высота вскрытой камеры 1,5 м, примерно с середины кладки стены печи внутренний круг стены выложен напуском внутрь каждого последующего ряда кирпичей, чем достигалось уменьшение диаметра круга, а затем и его глухое перекрытие. Благодаря такому приему горизонтальных concentрических кладок рядов кирпичей, средняя часть вскрытой камеры имела наибольший диаметр, как бы расширяясь, ибо здесь кладка в три ряда кирпича осуществлялась без напуска. Внешняя сторона этого внутреннего круга покрыта горелой сыпучей глиной, а внутренняя — тонким слоем [5—7 мм] глины темно-зеленого, почти черного цвета. Пространство между внешним и внутренним кругами стен печи было заполнено обгоревшим лессом красного цвета, в котором на разных уровнях встречались «лепешки» из необожженной глины серого цвета с примесью дресвы. Их найдено 19 штук; лепешки в форме четверти, трети, а иногда и половины круга, толщиной до 5 см, по краю — 0,5—1 см.

Внутри камеры печи шла рыхлая земля с кусками сырцового полуобожженного кирпича, на глубине 70 см от поверхности раскопа обнаружена кладка из вертикально поставленных кирпичей, образующая как бы клетку с пятью большими отверстиями. При тщательной разборке кладки установлено, что она не имеет связи со стеной внутреннего круга и представляет собой часть рухнувшего свода с отверстиями-продухами, выполнявшего функцию пода печи. Ниже этой кладки шел слой довольно плотной земли с керамикой. Со стороны топочного устья внутри камеры обнаружена керамическая посуда, которая позволила датировать печь.

На уровне IX яруса встречено скопление костей животных, ниже которого шел слой земли с золой, чередовавшийся с рыхлыми и плотными зольными прослойками. На глубине 1,60 м (X ярус) от поверхности раскопа началась сырцовая кирпичная кладка в три ряда, ниже которой шла плотная утрамбованная земля. На этом дальнейшее вскрытие печи было приостановлено.

Для увязки печи с культурным слоем был осуществлен стратиграфический разрез через квадраты К-8, И-8, З-8 (рис. 2). Первые 40—45 см от поверхности раскопа представляли собой рыхлый слой земли,

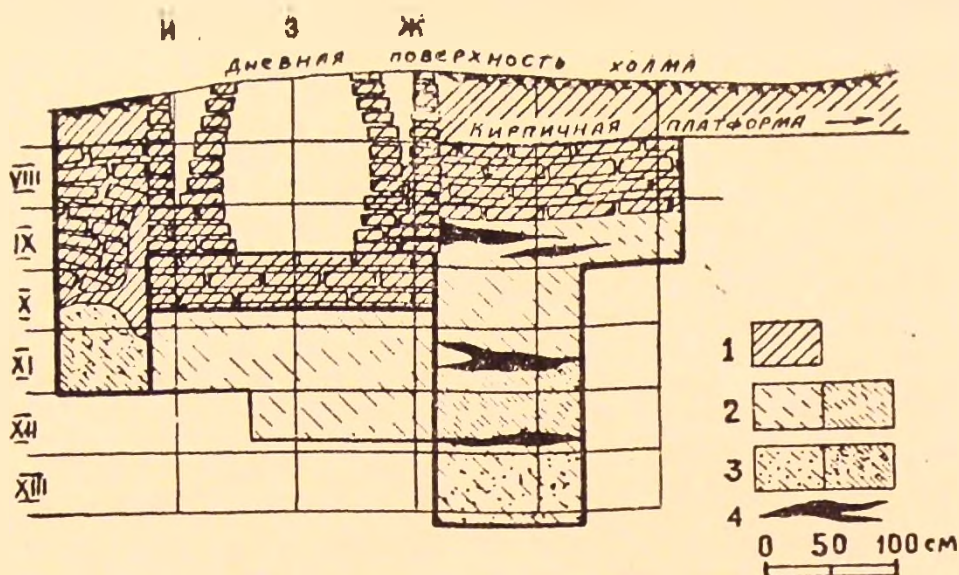

Рис. 2. Разрез парфянской керамической печи Мерва III в. н. э.
1—сырцовый кирпич /разрушенный и в кладках/; 2—глина с зольными отвалами и фрагментами керамики и костей; 3—глино-песчаный слой с фрагментами керамики;
4—зольно-угольные слои.

под которым началась кирпичная сырцовая кладка толщиной 60 см плохой сохранности. Через две недели, когда кладка просохла, стали проступать кирпичи размером $45 \times 45 \times 13-14$ см, причем швы были гораздо тверже самих кирпичей, кладка оказалась сплошной платформой. Под ней в квадратах 3-8 пошел плотный слой земли с включением зольников, встречались фрагменты керамики и кости животных. В середине XI яруса слой становится еще плотнее, зола шла вместе с угольками вперемишку с землей и только в конце XII яруса встречен слой плотной золы, а ниже пошел средней плотности слой земли с включением песка и фрагментов керамики. В начале XIV яруса разрез был приостановлен. Следует отметить, что в квадрате И-8 упомянутая выше платформа была нарушена ямой диаметром около метра; кроме того, здесь прослежена кирпичная кладка в три ряда, которая была отмечена нами в основании печи.

В квадрате 3-8 в XII ярусе была встречена керамика, отличающаяся от керамики из печи и верхнего культурного слоя. Материал в основном фрагментированный, однако формы дает. Фрагменты венчиков от бокалов и пиалобразных чаш, черепок красного цвета, тесто тонкой отмучки, ангоб цвета теста и светлый. Больше всего найдено плоских донцов от кувшинов и горшков; черепок красный; ангоб с внешней стороны цвета теста, слегка розовый. По облику керамика аналогична посуде из шурфа раскопа 2 [дом медника], которая датируется временем II в. до н. э. — I в. н. э. Таким образом, было установлено, что холм обжигался еще до сооружения здесь печи.

Керамика из самой печи немногочисленна, но вся сделана на гончарном круге, хорошего качества; черепок красного, розового, желтого и серого цветов; обжиг ровный; ангоб цвета теста, розовый и светлый. Выделяются следующие типы посуды:

1. Чаши. Удалось выделить несколько разновидностей форм:

а) чаши с отлого отходящими стенками, заканчивающиеся венчиком с отогнутым бортиком в сторону, диаметр 10—19 см, высота 6—12 см;

б) чаши на плоском дне с плавно отходящими стенками, закругляющимися у краины внутрь, диаметр 13—20 см;

в) глубокие круглые чаши с округлым туловом и прямо поставленным венчиком, утолщенным наружу, подтреугольной формы с желобком на закраине. Подобные чаши в Мерве появляются во II—III вв. н. э. и характерны для раннесредневекового времени⁸. Первые две формы чаш были самыми распространенными для Мерва и встречаются почти на всех раскопах Гяур-калы, где они, согласно монетным данным и стратиграфии культурных слоев, датируются I в. до н. э.—III в. н. э.⁹

II. Вторую группу составляют кувшины разных размеров и форм в основном с одной ручкой:

а) на плоском дне с выпуклым туловом и горловиной, слегка расширяющейся кверху с утолщенным и плоским венчиком, иногда имевшим с внешней стороны едва выступающий желобок. По горловине некоторых кувшинов шел линейный орнамент в три полосы. Высота 19—41 см, диаметр венчика 8—24 см, черепок розового, серого и зеленовато-серого цвета со светлым ангобом;

б) венчики широкогорлых кувшинов с высоким вертикальным бортиком с внешней стороны и желобком с внутренней стороны для держания крышки. Встречено было много плоских донеч и овальных в сечении плоских ручек с вдавленными полосами по всей длине.

В 1953 г. было трудно датировать материал, так как не была еще разработана керамическая шкала для Мерва, но в настоящее время мы располагаем достаточным сравнительным материалом. Упомянутые формы кувшинов из печи характерны для мервских керамических комплексов I—III вв. н. э.¹⁰ Примерно такой же материал был собран на поверхности холма. Все это указывает на то, что функционировала печь где-то в III, возможно, начале IV вв. н. э., материала более позднего на холме не встречено. Такая же картина была отмечена при раскопках дома медника в квартале ремесленников Гяур-калы¹¹.

С разведочной целью на этом же холме в 25 м западнее печи был заложен раскоп 5а. Сразу же под дерновым рыхлым слоем земли была обнаружена сырцовая платформа, при расчистке которой найдена терракотовая фигурка маргианской богини, культ которой был распространен в I—II вв. н. э. на территории Маргианы¹². Рядом с платформой встречены хумы с округлым дном, которые подпирались с трех сторон клинчатыми кирпичами подобно тому, как это практиковалось и в квартале мукомолов у северных ворот Гяур-калы¹³. Аналогичные хумы с овальным дном характерны для дома медника парфянского времени, где они датируются II—III вв. н. э.¹⁴ Рядом с хумами найдено два маленьких глиняных ядра. В юго-западной части этой площадки на глубине 50 см расчищена неглубокая ямка, сделанная прямо в кирпиче, в которой был обнаружен небольшой кладок медных монет плохой сохранности. После очистки некоторых из них М. Е. Массоном было определено, что клад медных монет принадлежит раннесасанидскому чекану начала IV в. н. э. По всей вероятности, кладок был спрятан в беспокойные годы, что связывается с кризисом рабовладельческого общества.

Среди керамического материала преобладали разнообразные формы кувшинов; черепок хорошего качества, обжиг ровный, ангоб светлый. Комплекс керамики с изучаемого объекта был использован при составлении керамической шкалы по Мерву, поэтому часть материала была опубликована в сводных таблицах¹⁵. Вместе с керамикой был найден также маленький целый стеклянный флакон голубовато-зеленого цвета с выпуклым туловом, стенки которого украшены гофрами. Близкий ему по форме стеклянный сосудик был найден в квартале мукомолов; внутри флакона сохранились остатки какой-то маслянистой массы. Датируется стеклянный флакон, согласно пумизматическим данным, I—

III вв. н. э.¹⁶ Собранный комплекс находок с раскопной площадки 5а в целом датируется временем II—начало IV в. н. э.

Разведочный раскоп 5б заложен был в юго-западной части этого же холма, где обнаружена небольшая партия керамических изделий, среди которых были фрагменты красивых и изящных форм небольших кувшинов, чаш, бокалообразных сосудов с высоким качеством черепка зеленовато-серого цвета и светлым ангобом. Очень своеобразен, и в комплексе единственный, высокий цилиндрический бокал-кубок, слаборасширенный в верхней части, где проходит по кругу рельефная линия, с одной маленькой петлевидной ручкой. Дно плоское, диаметр 6 см, высота 16 см, диаметр венчика 10 см. Бокал опубликован и включен в сводную таблицу керамики Мерва II—III вв. н. э.¹⁷ Кувшины вытянутых пропорций с грушевидным и округлым туловом с невысокой узкой горловиной; типичные для керамики Мерва II—III вв. н. э.¹⁸

Обе раскопные площадки связаны с керамической печью. И. Ахбаров склонен считать, что упомянутая выше сырцовая платформа служила керамисту для сушки керамических изделий под легким навесом. К платформе примыкали, судя по микрорельефу, помещения с узкими коридорами. Комплекс целых сосудов с раскопа 5б явно был подготовлен керамистом к реализации. Согласно раскопным данным, исследуемый холм обжигался ремесленниками-керамистами на протяжении ряда веков, но до нас дошла только печь последнего этапа жизни на данном объекте.

Особенностью изучаемой печи является то, что топочная камера не просто вырыта в земле, а сложена из хорошего сырцового кирпича на специально возведенной для нее платформе толщиной в три кирпича. Топочная камера сохранилась почти на всю свою высоту, рухнул только под печи. Выяснилось, что сначала стенки топочной камеры имели толщину в полтора кирпича, а на высоте 70 см началась двойная кладка стен, причем внутренняя стена выкладывалась с большим напуском внутрь топки, а внешняя оставалась прямой и на уровне 1,5 м только в ней были отмечены остатки шести отдушин-дымоходов, вытяжные каналы шириной 12—15 см. Этот факт позволил в свое время И. Ахбарову обосновать технологию мервской печи и дать предположительную ее реконструкцию¹⁹. Для этого им были привлечены все известные тогда конструкции античных и средневековых печей и получена консультация у современных специалистов керамического производства: инженеров, техников и мастеров гончарного дела, в частности, большую помощь оказал инженер-керамист М. К. Рахимов. Было высказано два предположения о возможном устройстве верхней части печи, то есть обжигательной камеры. Согласно первому предположению печь была однокупольной. Внешняя кладка топочной камеры представляла как бы основание купола, а внутренний обвод заканчивался подом. Дымоходы располагались ниже уровня пода во внешнем обводе кладки стены топочной камеры.

Обжигательный процесс протекал следующим образом. После загрузки обжигательной камеры продукцией загрузочный лаз наглухо закладывался кирпичом и замазывался. Через топочное устье с южной стороны загружался горючий материал. Осуществленный в лаборатории химфака САГУ лаборантом С. Хамидовым анализ золы из печи показал, что топливом служила верблюжья колючка (янтак), при сгорании которой выделяется большое количество тепла и газов. Благодаря бочкообразной форме топочной камеры, пламя устремлялось вверх через продухи пода, охватывая размещенную на ней керамическую продукцию. На своем пути пламя, с образовавшимися при горении газами, ударялось о верхнюю часть купола и поворачивало вниз, идя вдоль

стенки купола, стремясь выйти через отверстия, которые располагались в основании купола. В пространстве между внутренней и внешней кладками топочной камеры находились лепешкообразные диски из глины для теплоизоляции боковых частей обжигательной камеры. Все это давало возможность медленной, длительной, равномерной обжигательной процедуры, которая обеспечивала прочность изделия и редко допускала переобжиг или недообжиг. В современных кустарных керамических артелях Узбекистана в печах происходит резкое поддувание огня, и пламя стремительно проходит через обжигаемую продукцию, выходя через большое дымоходное отверстие, которое расположено в центральной части купола. При такой технологии обычно продукция остается недообожженной²⁰.

Второй вариант реконструкции печи с Гаур-калы допускает, что она могла быть двухкупольной по своей конструкции. Если в первом варианте внутренняя кладка стены топочной камеры заканчивалась подом, то во втором случае эта кладка как бы продолжается выше и заканчивается куполом, в котором оставлены продухи для выхода горячего воздуха. Над ним выкладывался внешний купол, наглухо закрывавший обжигательную камеру; он покоился на внешней кладке стены топочной камеры. Между внутренним и внешним куполами располагались лепешкообразные куски глины, которые выполняли не только задачу теплоизоляции, но и служили для опоры и связи двух оболочек купола.

При сгорании колючки пламя с газами устремлялось вверх через под в обжигательную камеру и, ударяясь о внешний купол, медленно двигалось по пространству между двумя куполами вниз к дымоходным отверстиям внешнего купола. Такая конструкция выгоднее в технологическом отношении, так как при этом не создается большой разницы температур в нижней и верхней камерах.

Хотя эта конструкция является сложной, но она более целесообразна. Возможно, мастер как раз шел по пути усложнения конструкции печи, поскольку его прежде всего интересовало качество продукции и запросы рынка. Кроме того, мы указывали при описании, что вокруг печи, начиная с уровня начала кладки двойных стен топочной камеры, была сооружена кирпичная платформа, которая также способствовала сохранению тепла печи. Высокая и равномерная температура в печи давала возможность получать керамику хорошего обжига с крепким звонким черепком желтовато-серого цвета. Такая же керамика была отмечена на раскопе 4 [отвал керамистов], где верхняя хронологическая дата отвала не заходит дальше первой половины II в. н. э., а на остальных объектах [раскоп 2,3, 5а, 5б, 6, шурфе 2] городища Гаур-кала подобная посуда датируется II—III вв. н. э.¹² Л. М. Рутковская на основе анализа керамического материала отмечала, что сосуды в этот период обжигаются при более высокой температуре, в результате чего при том же химическом составе глины цвет черепка становится не красным, а серым. Это хорошо проследжено на ряде сосудов, у которых одна половина была красного цвета, а вторая — наполовину серая, ясно, что светлый цвет черепка является результатом обжига высокой температуры. Особенно это характерно для кувшинов, а они были найдены в топочном устье нашей печи. Не является ли конструкция нашей печи примером поиска керамистами новых путей для улучшения качества продукции и увеличения температуры обжига.

Учитывая размеры топочной камеры нашей печи и соответственно ей размеры обжигательной камеры [по высоте и диаметру], было подсчитано, что в одну загрузку могли обжигать около 14 крупных мисок, 40 чаш среднего размера, 4—5 кувшинов и несколько терракото-

вых фигурок. Был даже сделан план расположения сосудов в печи, как один из возможных вариантов, при этом учитывались реконструкции античных печей и размещение в них керамической посуды²².

В 1956 г. по линии ЮТАКЭ было продолжено изучение античных гончарных печей на сельском поселении Джин-депе, расположенном в 20 км севернее города Мары. Вскрыто пять печей крупных размеров и хорошей сохранности, что позволило получить полное представление об устройстве античных печей Маргианы. Они относятся к типу двухкамерных печей с прямой тягой пламени, идущего снизу вверх. Круглая в плане топочная камера углублена в землю и имеет длинный канал топочного устья, перекрытие осуществлялось по принципу ложного купола. Высота топочных камер от 2,7 до 3,2 м. В верхней части топки располагались жаропроводные каналы, соединявшиеся с подом обжигательной камеры двумя продухами каждый. Почти все печи имеют сохранившуюся на 2 м в высоту обжигательную камеру. Датируются печи Джин-депе II в. до н. э.—I в. н. э.

В 1958 г. изучены были печи Мунон-депе, которые по основным принципам своего устройства сходны с печами Джин-депе. Только печь № 2 несколько иной конструкции, имеет длинную узкую топку и своеобразное расположение жаропроводных каналов, а в целом горны Мунон-депе круглые в плане и датируются по керамическому материалу IV—VII вв.

Печь с Гуяр-калы хронологически занимает промежуточное положение между рассмотренными печами Джин-депе и Мунон-депе и, безусловно, должна быть ближе по своему устройству к античным печам Джин-депе, которые, на наш взгляд, наиболее ярко отражают технический уровень печей рабовладельческого общества, совершенны по своему устройству, а технология производства для той поры, бесспорно, была на высоком уровне.

По своим размерам топочная камера нашей печи намного меньше джиндепинских печей, что можно объяснить городскими условиями, когда керамисты, занимая определенное место в ремесленном квартале, стеснены территориально и поэтому вынуждены были строить печи малых размеров. Обычно печи располагались попарно; наличие второй печи позволяло мастеру вести обжиг непрерывно, используя поочередно то одну, то другую печь²³.

С другой стороны, обжигательная камера в нашей печи не сохранилась, и поэтому мы не можем пока судить о действительных размерах самой печи. Исходя из того, что до нас дошла только топочная камера с рухнувшим подом и, учитывая конструкцию джиндепинских печей, мы склонны к третьему варианту реконструкции нашей печи, близкой к известным античным печам Средней Азии²⁴.

Топочная камера, как упоминалось при описании печи, имела двойную кладку стен, причем внутренняя стена образовывала купол со сквозными отверстиями, через которые жар проходил вверх в центральную часть обжигательной камеры и от которого отходили также горизонтальные жаропроводные каналы, заканчивающиеся продухами вдоль стен обжигательной камеры. Купол одновременно служил опорой для пода, который по размерам был больше топочной камеры и поэтому покоился своими краями на внешней кладке стены топочной камеры. Таким образом, двойная кладка стен топки как бы увеличивала площадь опоры для пода обжигательной камеры.

В имеющейся литературе самые близкие аналогии для нашей печи мы находим в античных горнах Хорезма, где, наряду с прямоугольными печами, имеются круглые, в которых, как правило, обжигательная камера больше топочной²⁵. Сходство прослеживается в выкладке купола

топочной камеры путем напуска каждого вышележащего ряда кирпича, то есть по принципу ложного свода. Верхняя часть купола замыкалась при помощи клинчатых кирпичей. Как и в нашей печи, в позднеантичных горнах Базар-калы имеются кирпичные вымостки типа платформы, но не вокруг печей, а со стороны противоположной топочному устью, для сохранения тепла печи.

Различие усматривается, как нам кажется, в устройстве самого пода и в системе жаропроводящих каналов. В нашей печи в основном прямая тяга пламени в обжигательную камеру через продухи в центральной части пода и дополнительные продухи вдоль стен, в хорезмийских горнах жаропроводные каналы направлены горизонтально и, разветвляясь, выходили в обжигательную камеру двумя продухами каждый²⁶.

По размерам и устройству топочной камеры отдаленно напоминает нашу печь горн из Хилля Андижанской области УзССР, который датируется V—VII вв.²⁷ Остальные известные нам античные печи Средней Азии в плане прямоугольные [Айртам, Мунчак-тепе и др.], а круглые горны имели топочную камеру с опорным столбом в центре [Ер-кур-ган] и прямых аналогий для нашей печи не дают²⁸.

Работы ЮТАКЭ в плане изучения ремесленного производства разных эпох были продолжены после 1958 г. и ведутся в настоящее время, благодаря которым имеем возможность говорить об истории гончарства Южной Туркмении, эволюции керамических печей, масштабах производства, характере выпускаемой продукции и т. д.²⁹

Самые ранние керамические печи Туркмении известны для эпохи энеолита [Геоксюр, Акча-депе, Мунжуклы], представляющие собой одноярусные горны прямоугольные в плане с двумя камерами [топочная и обжигательная], образованными поперечной глиняной перегородкой, с ложно-сводчатым перекрытием. Анализ печей позволил исследователям полагать, что в пору позднего энеолита гончарное ремесло в целом находилось на стадии перехода от домашнего производства к более специализированному³⁰.

Прямым продолжением традиций гончарного производства эпохи энеолита является искусство гончаров эпохи бронзы (Намазга V—VI), создавших три типа печей. Отметим появление здесь круглых в плане горнов. По конструкции круглые и прямоугольные печи двухъярусные с опорным столбом в центре топочной камеры. На городище Алтын-депе изучен целый квартал керамистов³¹.

Особого внимания заслуживают гончарные печи древней Маргианы, из которых ранней является печь с поселения Аучин-депе позднебронзового века. Она относится к типу двухъярусных горнов с горизонтальным подом, разделяющим верхнюю и нижнюю камеры между собой. Керамика из печи относится к периоду Намазга V—VI и указывает на связь с западной группой.

К третьей четверти I тыс. до н. э. относятся печи с древнемаргианских поселений (Тахирбай 2, Чурнок, Уч-депе), давших новый тип горнов, конструкция которых была повторена в античных печах Джин-депе. Топочная камера, как правило, вырывалась в виде глубокой ямы в земле. От ее верхнего края радиально в стороны отходили вырытые в земле каналы, заканчивающиеся сквозными отверстиями-продухами. Секторы между каналами заполнялись рыхлым слоем земли и образовывалась горизонтальная площадка, обмазанная глиняным раствором. Горячий воздух из топки через каналы попадал в обжигательную камеру. Дополнительные продухи и жаропроводные каналы, глиняные лепешки и кольца указывают на то, что гончары уже использовали в своей практике прямую зависимость температуры внутри обжигатель-

ной камеры от количества каналов. Конструктивные отличия объясняются, видимо, специальным назначением самих горнов.

Устройство и размеры печей позволяют считать, что продукция керамических горнов середины I тыс. до н. э. была уже связана с товарным производством, ограниченным рамками внутриплеменного обмена³².

Дальнейшее развитие древнемаргианских печей шло, по всей вероятности, по пути постепенного усовершенствования отдельных деталей для максимального сохранения и использования горячего воздуха. Судить об этом мы можем только по высококачественной керамической продукции Мерва (Эрк-калы I), а сами печи для этого времени пока что не известны³³. Однако, учитывая, что джиндепинские печи II в. до н. э. — I в. н. э. продолжают традиции керамического производства древнемаргианских поселений начала I тыс. до н. э., мы можем с уверенностью сказать, что керамические печи середины и конца I тыс. до н. э. мало отличались по конструкции от печей предшествующего времени.

Из истории гончарства Южной Туркмении видно, что круглые печи здесь известны с эпохи бронзы, когда также появляются впервые двухъярусные печи. Именно в Маргиане в начале I тыс. до н. э. появляются самые ранние круглые печи, в которых перекрытие топочной камеры осуществлялось уже без центрального опорного столба. В античных печах Джин-депе эта конструкция была только усовершенствована и производство получило широкий размах. Огромное количество выпускаемой продукции шло прежде всего на продажу, товарный характер производства присущ ремеслу крупных античных городов и сельских поселений.

Позднеантичная печь с Гяур-калы продолжает традиции керамического производства Джин-депе и является пока единственной для античного Мерва, это, естественно, повышает значимость полученных нами представлений об устройстве античных горнов Мерва II—III вв. н. э., характере выпускаемой продукции.

Вскрытая нами печь не только определяет место керамического производства в общем развитии античного ремесленного производства Мерва, но и иллюстрирует определенный этап в жизни ремесленного квартала Гяур-калы на общем фоне исторической топографии античного Мерва. Было установлено, что холм, на котором находилась печь, принадлежал целиком керамистам, которые, видимо, обосновались здесь с I в. до н. э. и из поколения в поколение оставались на одном и том же месте, передавая свое мастерство по наследству. До нас дошла в плохой сохранности самая поздняя печь, причем, своеобразной конструкции. По керамическому материалу и кладу медных моет начала IV в. н. э. жизнь на холме прекратилась где-то в пору кризиса рабовладельческого общества и больше не возобновлялась. Такая участь постигла также дом медника и мастеров по изготовлению сложных луков и костяных изделий. В целом в эту пору был заброшен весь ремесленный квартал, расположенный вдоль улицы, ведущей от северных ворот к центру Гяур-калы.

В пору развития новых феодальных отношений квартал керамистов складывается близ южных ворот Гяур-калы, где были открыты горны V—VI вв. и VII—VIII вв. Новый феодальный уклад жизни способствовал подъему производительных сил Мерва, о чем и свидетельствуют керамические печи, которые, сохраняя основные принципы устройства античных печей, отличаются конструктивными особенностями, ставшими затем характерными для керамических горнов Мерва IX—XI вв., исследованных в центральной и восточной (близ ворот) частях Гяур-калы³⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Массон М. Е. От редакции. — Труды ЮТАКЭ, 1962, т. 11. Ашхабад, с. 7—10; Он же. К изучению прошлого Старого Мерва. — Труды ЮТАКЭ, 1963, т. 12, с. 12—14.

² Сарияниди В. И. Керамические печи городища древнего Мерва. Сборник студенческих работ Среднеазиатского государственного университета, 1953, вып. 5. Ташкент, САГУ, с. 51—59.

³ Массон М. Е. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937—1938 гг. — Труды АН УзССР, 1945, т. 2. Ташкент, с. 5; Гайдукевич В. Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. — КСИИМК, 1947, вып. 14. М., с. 92—97; Он же. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе. — КСИИМК, 1949, вып. 28. М., с. 80—85.

⁴ Тереножкин А. И. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г. — КСИИМК, 1946, вып. 17, с. 116—121; Он же. Раскопки на городище Афрасиабе. — КСИИМК, 1951, вып. 36, с. 137.

⁵ Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. — Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, 1950, т. 2. Ташкент, с. 113—115; Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — Труды ХАЭЭ, 1959, т. 14, с. 199.

⁶ Ахраров И. Керамическая печь парфянского Мерва. Ташкент, 1954, архив ЮТАКЭ за 1953 год. (Машинопись).

⁷ Сарияниди В. И. Керамическое производство древнемаргианских поселений. — Труды ЮТАКЭ, 1958, т. 8, с. 313—340; Заурова Е. З. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва. — Труды ЮТАКЭ, 1962, т. 11, с. 174—214.

⁸ Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала. — Труды ЮТАКЭ, 1963, т. 12, Ашхабад, с. 168—188; Кацурис К., Буряков Ю. Ф. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы. — Там же, с. 140—145, рис. 13—17.

⁹ Рутковская Л. М. Античная керамика древнего Мерва. — Труды ЮТАКЭ, 1962, т. 11, Ашхабад, с. 59—99; Усманова З. И. Эрк-кала. — Труды ЮТАКЭ, 1963, т. 12, Ашхабад, с. 57—60, рис. 30—31.

¹⁰ Усманова З. И. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы. — Труды ЮТАКЭ, 1969, т. 14. Ашхабад, с. 23—33, рис. 8—15; Рутковская Л. М., с. 67—89, рис. 9—12.

¹¹ Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника..., с. 193—197.

¹² Пушаченкова Г. А. Корoplastика древнего Мерва. — Труды ЮТАКЭ, 1962, т. 11. Ашхабад, с. 132—135, рис. 11—18.

¹³ Кацурис К., Буряков Ю. Ф., с. 141, рис. 12; Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника..., с. 167, рис. 3, 14.

¹⁴ Там же, с. 170.

¹⁵ Рутковская Л. М., с. 74, рис. 10—12.

¹⁶ Кацурис К., Буряков Ю. Ф., с. 155, рис. 25.

¹⁷ Рутковская Л. М., с. 77, рис. 11.

¹⁸ Там же, с. 78, рис. 11—12; Усманова З. И. Раскопки мастерской..., с. 169, рис. 5—6; Кацурис К., Буряков Ю. Ф., с. 145, рис. 16.

¹⁹ Ахраров И., с. 20 (см. иллюстрации реконструкции).

²⁰ Там же, с. 34 и сл.

²¹ Рутковская Л. М., с. 67—70.

²² Ахраров И., с. 24; Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе, с. 116; Гайдукевич В. Ф. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе, с. 77—79.

²³ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода, с. 212.

²⁴ Там же, с. 199—214; Мережин Л. Н. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе. — Труды ЮТАКЭ, 1962, т. 11. Ашхабад, с. 12—38;

²⁵ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода, с. 201.

²⁶ Там же, с. 205—206.

²⁷ Козенкова В. И. Гончарная печь из Хилля. — Советская археология, 1958, № 3, с. 219—221.

²⁸ Ахраров И. Керамическая печь..., Воробьева М. Г., с. 212.

²⁹ Масимов И. С. Керамическое производство Южного Туркменистана эпохи бронзы (Автореферат). Л., 1973; Сарияниди В. И. Керамические горны восточноазиатских поселений. — КСИИМК, 1963, вып. 93; Он же. К истории древнего гончарства на территории Южного Туркменистана. — Изв. АН СССР, 1957, № 6.

³⁰ Сарияниди В. И. Керамические горны восточноазиатских поселений, с. 80—85, рис. 30.

³¹ Сарияниди В. И. Керамическое производство древнемаргианских поселений. — Труды ЮТАКЭ, 1958, т. 8. Ашхабад, с. 336, рис. 12—14; Масимов И. С. Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-тепе. — В кн.: Каракумские древности, 1970, вып. 3. Ашхабад, с. 51—62; Ганялин В. Ф. Раскопки в 1959—1961 гг.

на Алтын-депе. — СА, 1967, № 4; Щетенко А. Я. Раскопки Алтын-депе в Южной Туркмении. — КСИА, 1968, вып. 114.

³² Сарианиди В. И. Керамическое производство древнемаргианских поселений, с. 313—333; Он же. Керамические печи древней Маргианы. — КСИИМК, 1957, вып. 69, с. 72—77, рис. 25—27; Мережин Л. Н. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе, с. 13—22.

³³ Усманова З. И. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы, с. 15—20, рис. 2—4.

³⁴ Галочкина Н. Г. К стратиграфии верхних культурных слоев городища Гяур-кала в Старом Мерве. Ташкент, 1964. Архив ЮТАКЭ за 1963 год. Работы велись под непосредственным руководством археолога М. И. Филацovich. (Машинопись).

ИЗУЧЕНИЕ ЖИЛЫХ ДОМОВ МЕРВА X—НАЧАЛА XIII в.

Жилые дома поры развитого средневековья все еще изучены недостаточно. Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель отмечали (для периода XI—начала XIII в.), что жилищная архитектура изучена менее всего, особенно в городах, и что лишь археологические исследования позволяют заглянуть в ее прошлое¹.

Для средневекового Мерва описаны лишь руины жилых домов, сохранившиеся на поверхности земли и не подвергавшиеся археологическому вскрытию². На протяжении последних лет в Мерве ведутся целенаправленные работы по археологическому изучению жилой архитектуры.

В настоящей статье отражены результаты вскрытий остатков жилой архитектуры X—начала XIII в. на городище Султан-кала и в его обводах, проведенных в 1961—1969 гг. автором, участвовавшим в работах ЮТАКЭ.

На первых этапах археологического изучения городища Султан-кала основные раскопочные работы решено было сосредоточить в северо-западной его четверти. Здесь вскрыты отдельные объекты, сохранившие на поверхности черты былой планировки.

В 1967 г. начаты раскопки объекта, где по микрорельефу чувствовалось наличие группы помещений, сконцентрированных по периметру большого квадратного двора. Объект находился к юго-востоку от возвышающихся поныне развалин средневекового гофрированного кешка. Двор имеет размеры приблизительно 40×40 м, строение в целом занимает площадь около 3600 м² (рис. 1).

Работы 1967—1969 гг. проводились на западном и южном фасах комплекса; небольшие разведочные работы были проведены на северном фасах.

На западном фасах помещения располагались в один ряд, но имели разную конфигурацию, размеры и оформление. В этом фасах выделялось своими размерами и пышным декором помещение № 1 (рис. 2). Оно имело размеры 8×5 м (вытянуто с севера на юг), а с севера к нему примыкала небольшая комната-отсек на ширину основного помещения

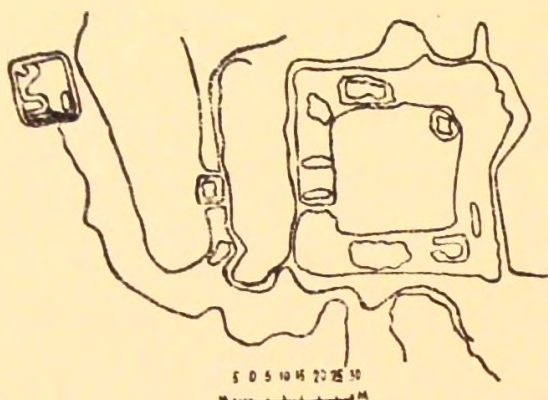

Рис. 1. Глазомерная съемка участка до производства раскопок. (Слева остатки гофрированного кешка).

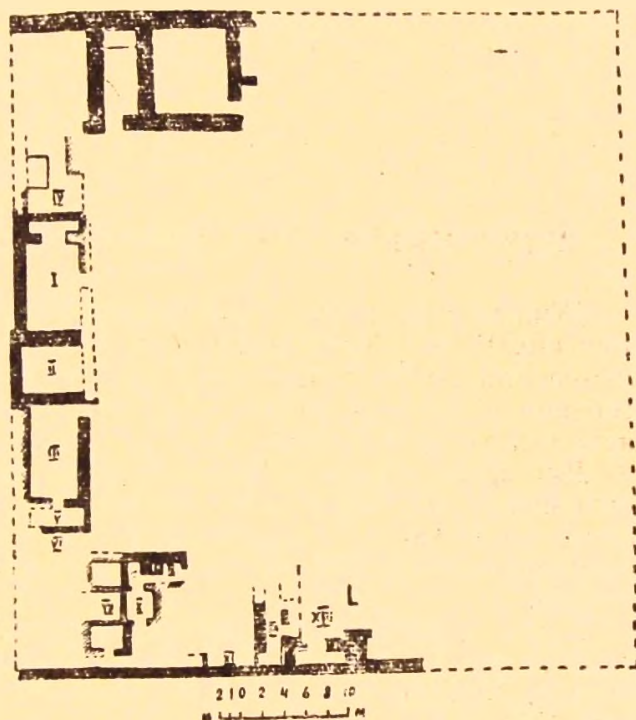

Рис. 2. План раскопа жилого дома.

длиной всего 1 м, соединявшаяся с залом широким проходом в 2,4 м. Располагавшийся в проходе порожек повышал уровень пола в отсеке на 20 см. С восточной стороны зал имел выход во двор. Сохранилась лишь северная щека прохода, но ширина его (1,2 м) косвенно может быть установлена на основании размеров расположенного напротив входа панно резного ганча.

Восточная стена зала сохранилась в длину всего на 2,5 м; остальная ее часть рухнула. Отсутствует восточная стена и у помещений № 2, 4, 6. Эти стены выходили непосредственно во двор и разрушались в первую очередь. На их месте сохранились мощные кирпичные завалы. Последнее обстоятельство, а также сохранившийся участок восточной стены очень важны, ибо в случае отсутствия таковых могли бы появиться предположения об иной конструкции помещений. Так, в свое время Б. Веймарн объяснял отсутствие западной стены в главном зале термезского дворца тем, что он свободно открывался в большой двор³. Предположение, что зал для торжественных приемов являл собой род откры-

того айвана, сливающегося с пространством двора, представляется нам маловероятным.

Помещение № 1 — одно из наиболее парадных в комплексе. Все стены его украшены в нижней части панелями резного ганча. Средняя высота их 1 м, а верхние части стен покрыты цветными росписями. Южную стену покрывало геометрической формы панно со сложными арабесками. На западной и восточной стенах в мелкие геометрические фигуры вписаны отдельные растительные элементы; на северной же стене, по сторонам от прохода, находятся наиболее эффектные панно: в квадрате крупные (90 см) круги, заполненные двухплановой резьбой; на шестиугольную звезду как бы наложена тонкая вязь стилизованного растительного узора. Наконец, в комнате-отсеке панели имеют иной характер, явно имитируя в резьбе по ганчу столь излюбленные в этот период фигурные кирпичные кладки с применением резных кирпичиков (рис. 3—4).

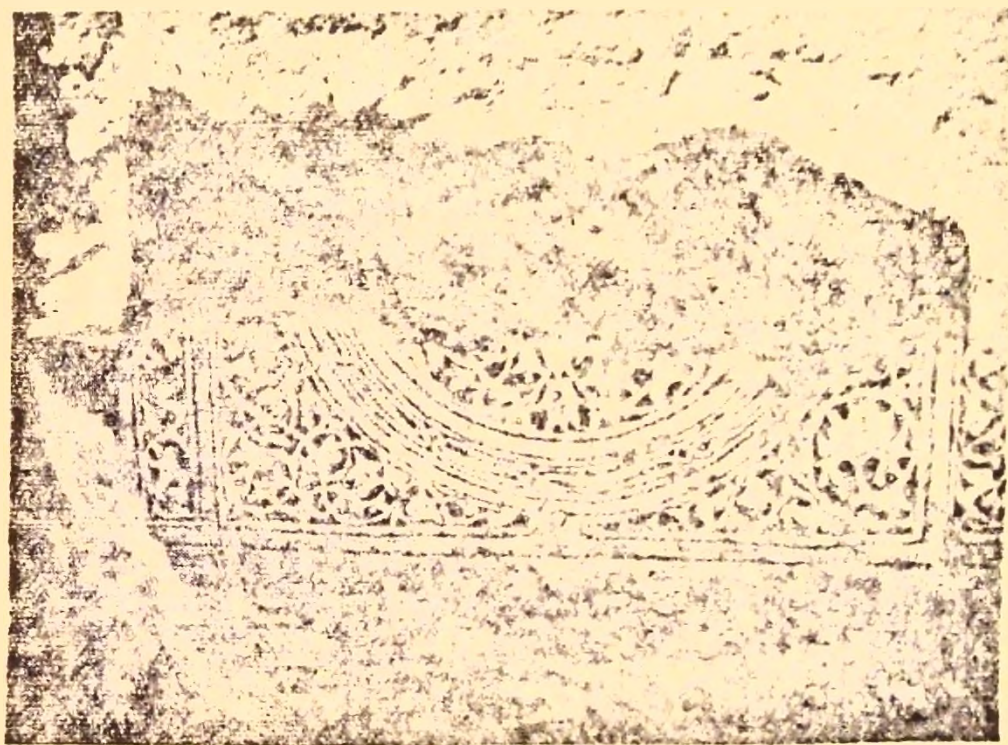

Рис. 3. Панно резного ганча с кругами.

Трудно сказать, чем вызвана к жизни своеобразная планировка зала с комнатой-отсеком. Следует, однако, отметить, что подобная планировка не оригинальна здесь. Т-образные залы имелись и в некоторых домах Самары⁴. Залы эти располагались на узкой стороне больших прямоугольных дворов. Благодаря их форме по углам образовывались две камеры. Очевидно, боковые ответвления залов имели какое-то функциональное назначение, определить которое пока трудно. Сложены ли были здесь какие-то предметы, или обитали слуги, готовые явиться по первому зову, вряд ли можно ответить на эти вопросы определенно. Интереснее другое: сложившаяся на Востоке еще в IX в. планировка залов, претерпев некоторые изменения, продолжает встречаться и в XII в.

Южнее было расположено помещение № 2 почти строго квадратное в плане (5,1×5,2 м). Толщина разделявшей их стены—1,4 м, южной—

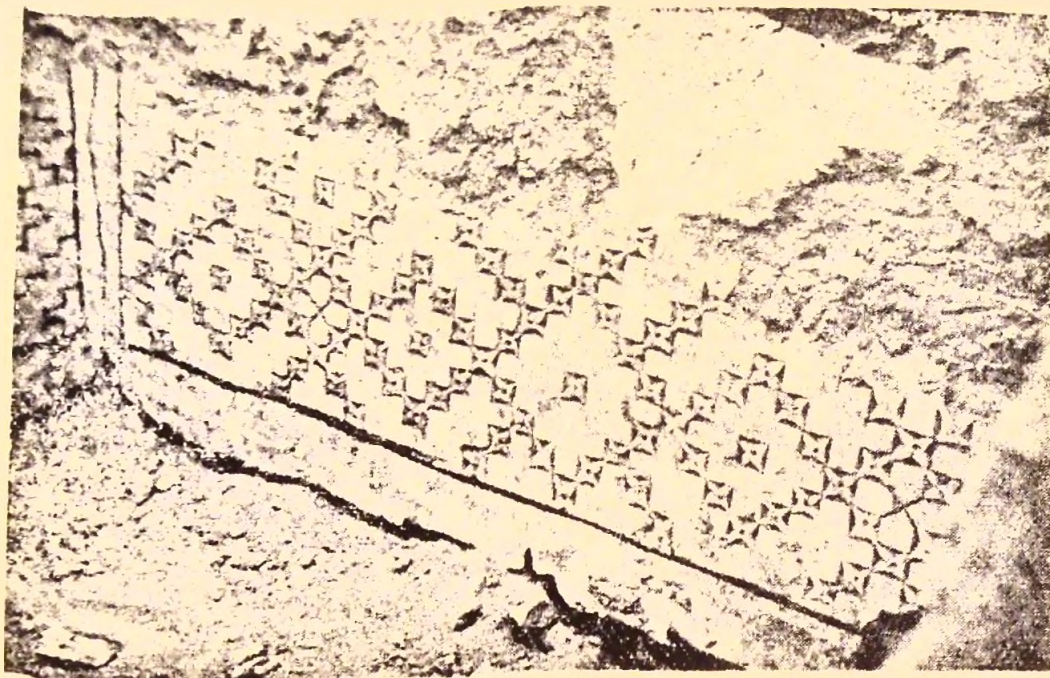

Рис. 4. Имитация в резном ганче фигурных кирпичных кладок.

1,2, западной — 1,1 м. Восточная стена, как указано выше, не сохранилась, но именно здесь мог располагаться проход, связывавший комнату со двором. С другими помещениями комната не сообщалась. В ней очень четко прослеживались два уровня полов. Один относится к периоду возведения здания и первоначального функционирования; второй был настелен после определенного периода запустения, когда на первом полу успел накопиться слой мусора с керамикой второй половины XII—начала XIII в. Именно ко второму полу с вымосткой из жженных кирпичей давали выкружку панели резного ганча, сохранившиеся здесь гораздо хуже, чем в помещении № 1, однако прослеживался орнамент, построенный на сложной геометрической сетке. Тут же, в завале над вторым полом, расчищены аналогичные найденным в первой комнате остатки росписей черной, синей, желтой, красной и светло-зеленой краской по белой алебастровой штукатурке (рис. 5).

Далее к югу вытянулось прямоугольное помещение № 3 весьма внушительных размеров (8,75×5,1 м), но совершенно лишенное декора (стены были лишь обмазаны гладкой белой алебастровой штукатуркой). В северо-восточном углу находился проход во двор шириной 1,2 м; второй же проход (стены здесь плохо сохранились), очевидно, вел в расположенное южнее помещение № 5, имевшее размеры 5×1,9 м. Последнее сообщалось только с названным помещением и самостоятельного выхода во двор не имело. Пол комнаты № 3 и прохода, ведущего во двор, был аккуратно вымощен жжеными кирпичами разного формата, в котором преобладали размеры 19×19×4 см, 21×21×4 см и 24×24×4 см. Вымостка кончается по уровню внешней грани стены (ширина 1,2 м). В проходе образуется небольшая ступенька (22 см), а далее прослеживается уровень двора с обмазкой поверхности глиной с небольшой примесью самана.

Наконец, в северной части западного фасада расчищены остатки помещения № 4, южная стена которого имела толщину 66 см, западная

Рис. 5. Куски росписей из завалов помещений.

и восточная стены сохранились лишь частично, на север же рельеф вообще резко понижается к углу здания. Пол комнаты был вымощен жжеными кирпичами. Преобладал формат $24 \times 24 \times 5$ см. В помещении встречены остатки своеобразного отопительного устройства, принцип действия которого не совсем ясен. Это вытянутое в длину (1,8 м) сооружение в виде обложенного жжеными кирпичами узкого канала, перекрытого сводиком из поставленных плашмя наклонно и соединяющихся ребрами кирпичей и огороженного по краям перегородкой. Внутри канал был сплошь забит золой. В западной части сооружение разрушено. Очевидно, накалившиеся на большой площади кирпичи давали хорошую температуру. Севернее располагалась суфа размерами $2 \times 2,8$ м. Возможно, это было помещение типа спальни, где особенно требовалось тепло.

Помещения, располагавшиеся в северо-западном углу здания, почти не сохранились. Та же картина наблюдалась и в юго-западном его углу, но в западной половине южного фаса удалось вскрыть ряд довольно хорошо сохранившихся помещений. Крайней на западе здесь находится вытянутая с севера на юг большая комната явно парадного назначения и своеобразного плана. Размеры ее $8,1 \times 2,6$ м. Хорошо сохранились восточная и южная ее стены, остальные же участки стен прослеживались с большим трудом лишь по нижней полосе панели резного ганча, сохранившейся иногда на высоту всего в 5—10 см. Своеобразие помещения заключалось в следующем: во-первых, оно открывалось на запад и на восток широкими (2,6 м) проходами, а также имело проход на юг шириной 1,1 м и широкую нишу в северной стене. Таким образом, оно не только не было замкнутым, но максимально открывалось в окружающие помещения и коридор; во-вторых, от восточного прохода в помещение можно было попасть, спустившись на одну ступеньку, край которой был оформлен из поставленных на ребро кирпичей; такие же ступеньки ограничивали пространство в центральной части помещения с северной и южной стороны. Это пониженное на 22 см пространство имело размеры $2,6 \times 2,6$ м. Таким образом, к северу и к югу от него как бы образовывались занимавшие остальные части помещения невы-

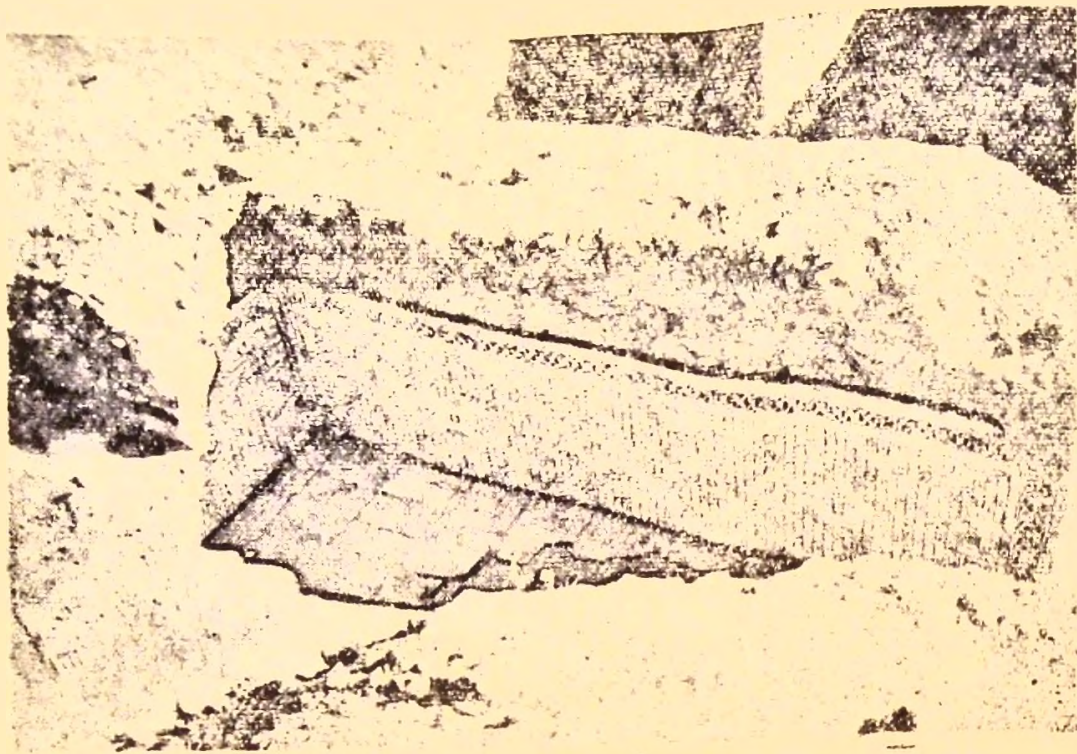

Рис. 6. Панель резного ганча.

сокие суфы. В центре же вымостки пола поставленными на ребро кирпичами была ограничена небольшая площадка, заполненная землей. Напрашивается мысль: не был ли этот участок своеобразной клумбой, где были высажены какие-либо растения. Наконец, стены этого помещения были покрыты замечательными панелями резного ганча, выше которых находились цветные росписи по белой алебастровой штукатурке, а потолок, судя по всему, был покрыт росписями по глиняной штукатурке. Следовательно, в комплексе здания помещение также имело какое-то особое назначение.

На его полу и на суфах сохранились остатки рухнувшего перекрытия (к нему мы вернемся ниже). Размеры жженных кирпичей, примененных здесь в вымостке пола, суфы и выкладке ступенек, — $24-25 \times 24-25 \times 4-5$ см.

Высота панелей в этой комнате достигает 80 см. В верхней их части идет горизонтально лента с как бы движущимся орнаментом, основу которого составляет свастика и переплетенные круги. Лента окрашена в два оттенка красного цвета — темно-красный по поверхности резьбы и светло-красный в круглых углублениях, подчеркивающих узлы переплетений. В северо-восточном и юго-восточном углу помещения эта лента сбегает вертикально вниз; в самих же углах вертикальные гладкие полосы идут дважды переплетаясь и как бы соединяя воедино панели всех стен (рис. 6). Углубленная полоса в углу и точки переплетения окрашены в ярко-красный цвет. Очевидно, также оформлялись и остальные два угла комнаты, но панель здесь почти совсем не сохранилась. Такие же полосы окаймляют нишу в северной стене. Ниже горизонтальной ленты в ганчевой резьбе панели передается имитация кладки из жженных кирпичиков, которую по диагонали перебивают полосы с четырехлепестковыми геометризанными цветочками и стилизованными растительными элементами. В центры композиций вписаны кресты из пяти таких же четырехлепестковых цветочков (рис. 7).

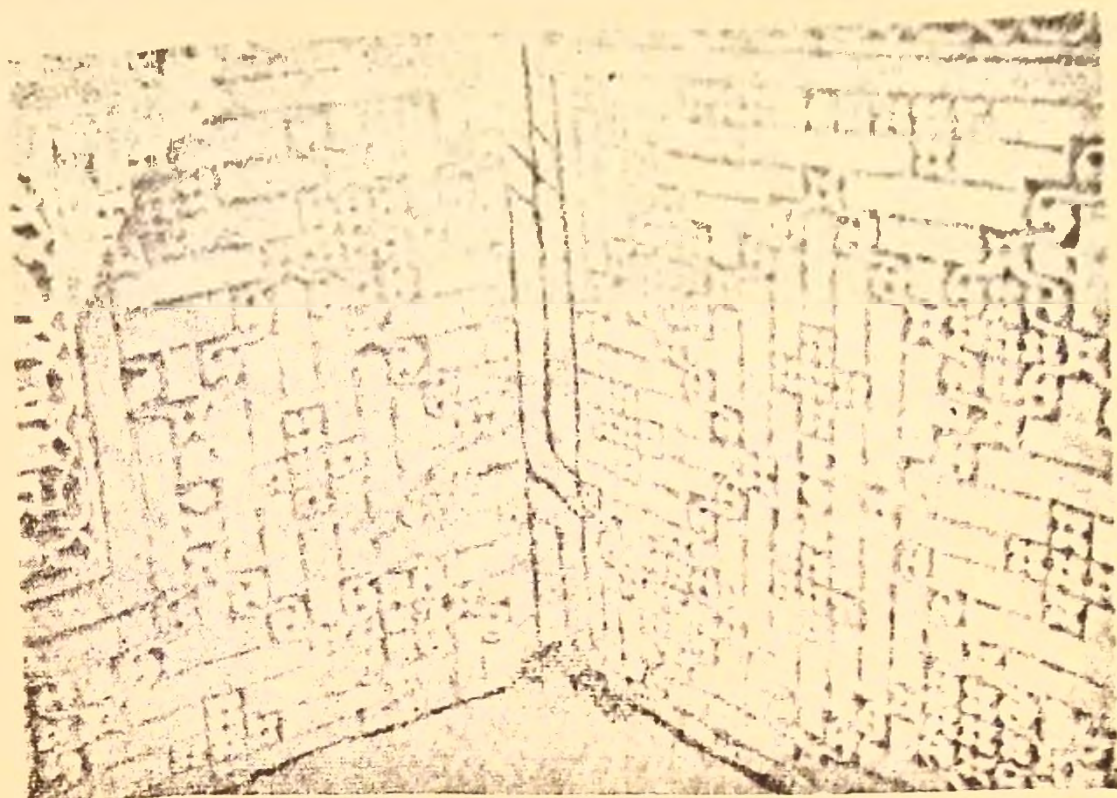

Рис. 7. Панели резного ганча. (Северо-восточный угол помещения № 7).

Восточная стена почти не сохранила цветной окраски основной части панели, зато в панели на южной стене при расчистке удалось установить следы чистых тонов желтой, зеленой и красной краски. Упомянутые крестики из четырехлепестковых цветочков окрашены следующим образом: в центре всех крестообразных фигур цветочки алого цвета, а окраска цветков, расположенных вокруг, меняется в горизонтальных рядах: желтые чередуются с зелеными.

В ленте, которая ограничивает панель сверху, глубина резьбы 2—2,8 см, ширина ленточек, образующих рисунок, 3—5 мм; резьба здесь отличается особой тонкостью и изяществом. Ее направление идет перпендикулярно к стене без скоса или с чуть заметным скосом граней. Полоса с четким рисунком, окрашенным в красный цвет, как бы давала границу панели, четко оконтуривая ее.

В самой панели глубина резьбы 1—1,5 см, но здесь она уже почти везде проведена со скосом граней резьбы. Так, например, прямоугольнички, образующиеся между «кирпичиками» (в имитации кирпичной кладки), имеют ширину 1 см, а затем в глубину грани исчезают. Хорошо видна разметка линий диагонального построения стилизованно растительного орнамента. Линии процарапаны по оси построения рисунка и пересекаются в цветочках, от которых начинаются диагональные ленты. Этот рисунок в резьбе по ганчу полностью аналогичен имеющемуся в галерее мавзолея султана Санджара⁶.

Общая толщина слоя ганча 3 см. Он приложен к глиняной штукатурке толщиной 1 см. Выше панели на стене идет сначала глиняная штукатурка толщиной 0,8—1,0 см, а по ней очень тонкий слой в 2—3 мм очень гладкой и ровной глиняной штукатурки сероватого оттенка с небольшой примесью золы. В восточном проходе (ширина стен в проходе 75 см) панели вверх, вертикально спускаясь ко входу в комнату, ограничивала лента из плетенки, где сочетаются геометрический и растительный

орнаменты и где красной краской окрашены лишь треугольные углубления в растительных элементах. Ниже резьба также передает имитацию кирпичной кладки, но несколько иного плана, образуемую ступенчатой углубленной резьбой. Глубина резьбы в верхней полосе 1,5—1,8 см почти перпендикулярна к плоскости стены, иногда лишь с небольшим наклоном. Там же, где прорезается ступенчатый орнамент, имитирующий кирпичную кладку, резьба проведена с наклоном (см. рис. 8).

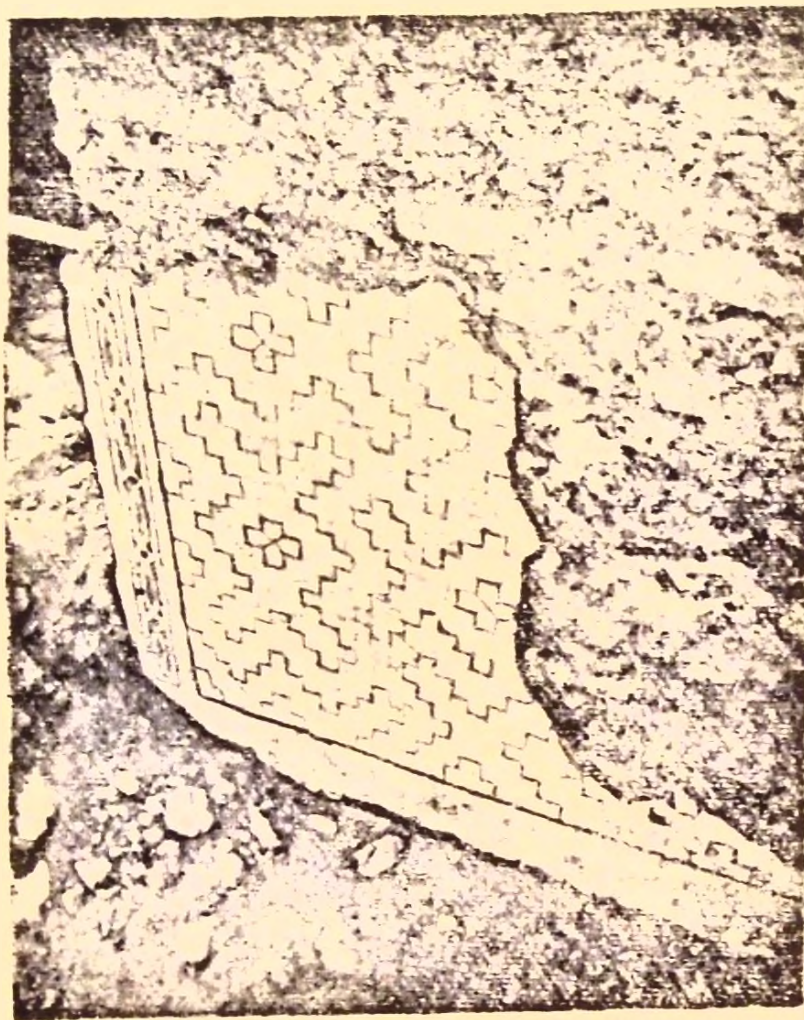

Рис. 8. Резной ганч в проходе помещения № 7.

За восточным проходом размещалась небольшая (2,6×2,6 м) комнатка, как бы являвшаяся распределительным вестибюлем. Проходы из нее вели в описанное помещение, расположенное западнее, на север и на юг. Пол вымощен жженым кирпичом, стены сохранились плохо, но на них также имеются остатки резных ганчевых панелей. Севернее находилась маленькая комнатка размерами 1,7×1,05 м, пол которой был вымощен жженым кирпичом, но стены даже не были оштукатурены. Здесь на полу обнаружены лежавшие кучкой глазки для перстней и заготовки для них из бирюзы, хрусталя и опала и тонкой работы перстень из хрусталя. Видимо, в этой маленькой комнатке работал мастер-ювелир, приглашенный хозяином или состоявший у него в услужении. Из комнатки на восток вел небольшой коридор длиной 1,8 м и шириной 80 см, вливавшийся в комнату № 9, в западной части которой находилась небольшая лестница в семь ступенек (ширина их 12—25 см), сохранив-

шаяся высота ее — 1,35 м. С юга ее ограничивала тонкая перегородка. За помещением находился проход во двор; описанные же комнаты № 7, 8, 10 непосредственной связи со двором не имели.

В центральной части западной половины южного фаса находился еще один вымощенный кирпичом распределительный вестибюль шириной 4,2 м. На запад из него вел проход, в котором располагался порожек из поставленных на ребро кирпичей. Такой же проход с порожком из поставленных на ребро кирпичей вел и на восток. Следует заметить, что вестибюль и упомянутые проходы примыкали непосредственно к южной стене комплекса, имевшей толщину 1 м и прослеженной уже на 33 м. От упомянутого восточного прохода на север шла стена шириной 85 см, отграничивающая вытянутый с севера на юг коридор (шириной 1,4 м), от которого на восток вели два прохода в еще не вскрытые помещения (зачистки показали, что стены их были также покрыты ганчевыми резными панелями). У поворота коридора на север, напротив прохода, к стене была примкнута маленькая суфа (шириной 30 см и высотой 40 см). Само месторасположение и размеры ее подсказывают, что здесь могла сидеть стража, охранявшая вход в покои. По стенам коридора идут гладкие ганчевые панели высотой до 1 м, переходящие выше в гладкую белую штукатурку. Но щеки проходов в комнаты были покрыты интересными однотонными росписями в виде геометрического плетеного орнамента (рис. 9), а в завалах в проходе

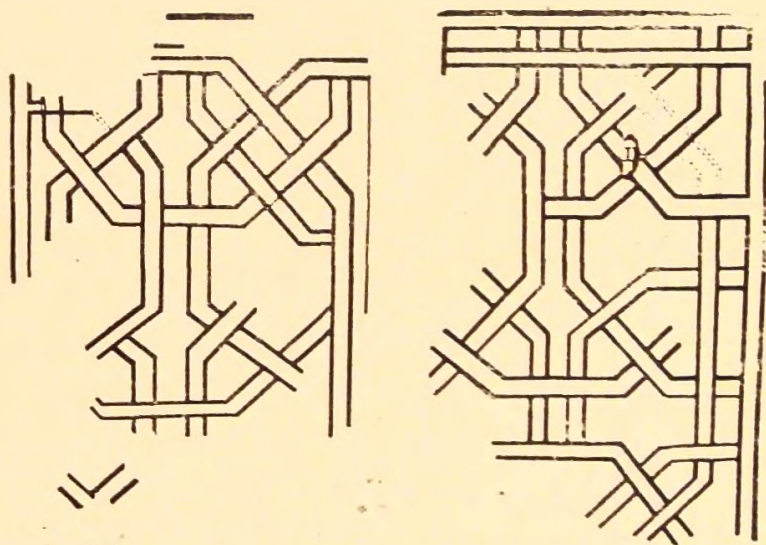

Рис. 9. Росписи в проходе помещения №13.

найлены многочисленные фрагменты цветных росписей по белой штукатурке, явно уже принадлежащих идущим далее пышно оформленным помещениям. Росписи в проходах начинаются на высоте 80 см от пола. В настоящее время цвет росписей — светло-сиреневый. Искусствовед И. Ф. Бородин, осмотревшая росписи, считает, что такие следы могла оставить разложившаяся зеленая краска («медянка»).

На северном фасаде помещения явно шли в два ряда. Разведочный раскоп здесь показал наличие помещения шириной 4,5 м; второе было расположено к югу от него. Вымостка в помещении сохранилась лишь участками у стены, цоколь из жженных кирпичей идет над ней в шесть рядов, выше же — сыровая кладка, однако кирпичную кладку скрывала

гладкая ганчевая панель высотой от пола 1,5 м с желтоватой окраской и тонкая белая штукатурка выше нее.

Толщина северной стены помещения, являющейся одновременно северной стеной всего комплекса, 1 м. К северу от здания по рельефу как будто чувствуется небольшая площадь, и у стены дома здесь скопились мощные завалы золы до 50 см.

Как сказано выше, в раскопе встречались куски росписей по алебастровой белой штукатурке, которые были сосредоточены в помещениях № 1, 2, 7 (здесь роспись цветными красками явно шла в верхних частях стен выше панелей) и в восточных проходах помещения № 12, принадлежа, очевидно, расположенным восточнее комнатам или располагаясь на своде проходов (рис. 10). В основном это росписи синей,

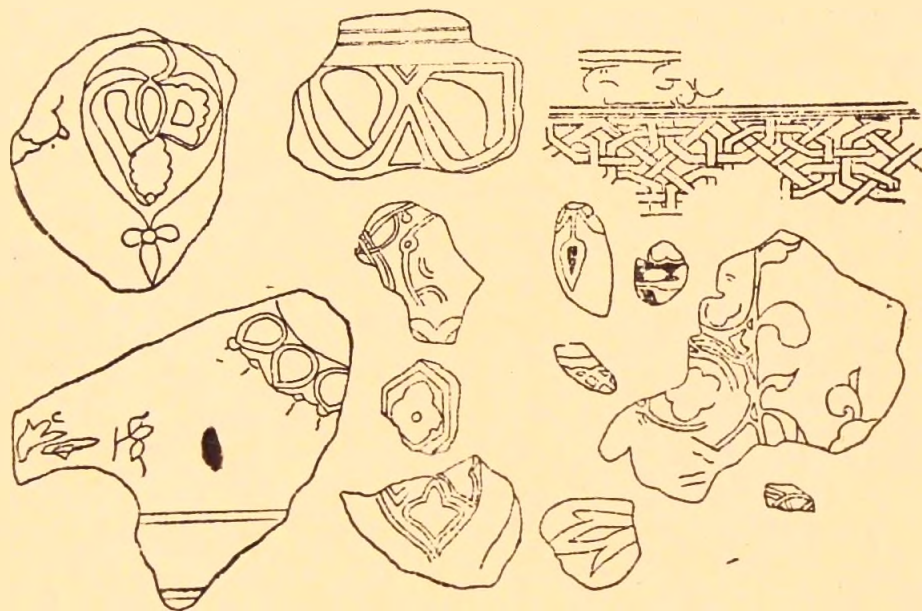

Рис. 10. Прорисовка фрагментов настенных и потолочных росписей из завалов помещений.

голубой, красной, светло-зеленой красками, где контуры мотивов ограничены, как правило, тонкими черными полосками. Сохранность росписей плохая; чаще всего это мелкие фрагменты, не позволяющие восстановить композицию орнамента. Выделяются мотивы маленьких кругов, размещенных вокруг большого, интересна крупная миндалевидная фигура с заполнением внутри, оканчивающаяся внизу как бы крупным бантом. Отдаленно эти фигуры напоминают оформление углов в верхних частях стен мавзолея султана Санджара. Роспись там выполнена синей и красноватой краской по белому фону с окантовкой черным. Имеются плетеные ленты с растительными элементами, напоминающие кисти винограда, отдельные варианты сочетания геометрических и растительных элементов. Судя по всему, роспись была размещена в верхних частях стен ближе к потолку, лишь иногда полосами опускаясь вниз (такая полоса сохранилась на стене у угла в помещении № 1). Так же располагались росписи и в другом здании (раскоп 1), вскрывавшемся на Султан-кале. Подобная «окантовка» стен характерна для росписей в мавзолее Санджара. Очевидно, в эту пору складывалась своеобразная манера настенных росписей.

...стен комплекса выложено из сырцового квадратного кирпича со сторонами от 26 до 28 см при толщине 5—5,5 см и цоколе из разноформатных жженных кирпичей. Целиком из сырцового кирпича была отстроена лишь южная стена комплекса. При разборке нескольких участков стен оказалось, что и в этом огромном доме был применен тот же способ возведения цоколя, что и в других раскопанных в Мерве жилых домах, помещениях гончарных мастерских: цоколь обкладывался по краям половинками и даже фрагментами, реже целыми кирпичами, внутрь же забивался бой сырцовых и жженных кирпичей. Цоколь выкладывался в 8—11 рядов жженных кирпичей и заглублялся под пол обычно на два кирпича. Более того, оказалось, что и сырцовая кладка местами дает лишь обкладку целыми кирпичами по краям и забутовку трухой внутри. Поэтому понятны и контрасты в сохранности стен. Участками они сохранились на высоту 2—2,3 м, в некоторых же местах всего на 10—15 см, а иногда от них остались лишь завалы кирпичей.

При вскрытии западного фасада почти не встречалось следов рухнувшего перекрытия и лишь находки железных гвоздей и небольшие куски глины с отпечатками камыша свидетельствовали о его наличии. Вероятно, основные балки перекрытия после того, как дом был разрушен, растащили; более же мелкие деревянные части его истлели. На южном же фасаде перекрытие сгорело, и благодаря этому при раскопках здесь найдены некоторые детали, позволяющие в той или иной мере судить об устройстве перекрытия.

Слой угольков — следы сгоревшего и рухнувшего перекрытия, хорошо прослеживались в помещениях № 7, 8, 9, 10, 12. Особенно интересны остатки плоского перекрытия, расчищавшегося в помещениях № 7 и 9. В первом на полу шел почти сплошной слой угольков мелких и довольно крупных, сгоревший камыш, куски ганча от обмазки перекрытия, где отпечатались толстые камышины (рис. 11). На одном фрагменте, например, отпечатались 14 параллельно идущих камышин диаметром 0,6—1,2 см. В этом же помещении расчищено и зарисовано не-

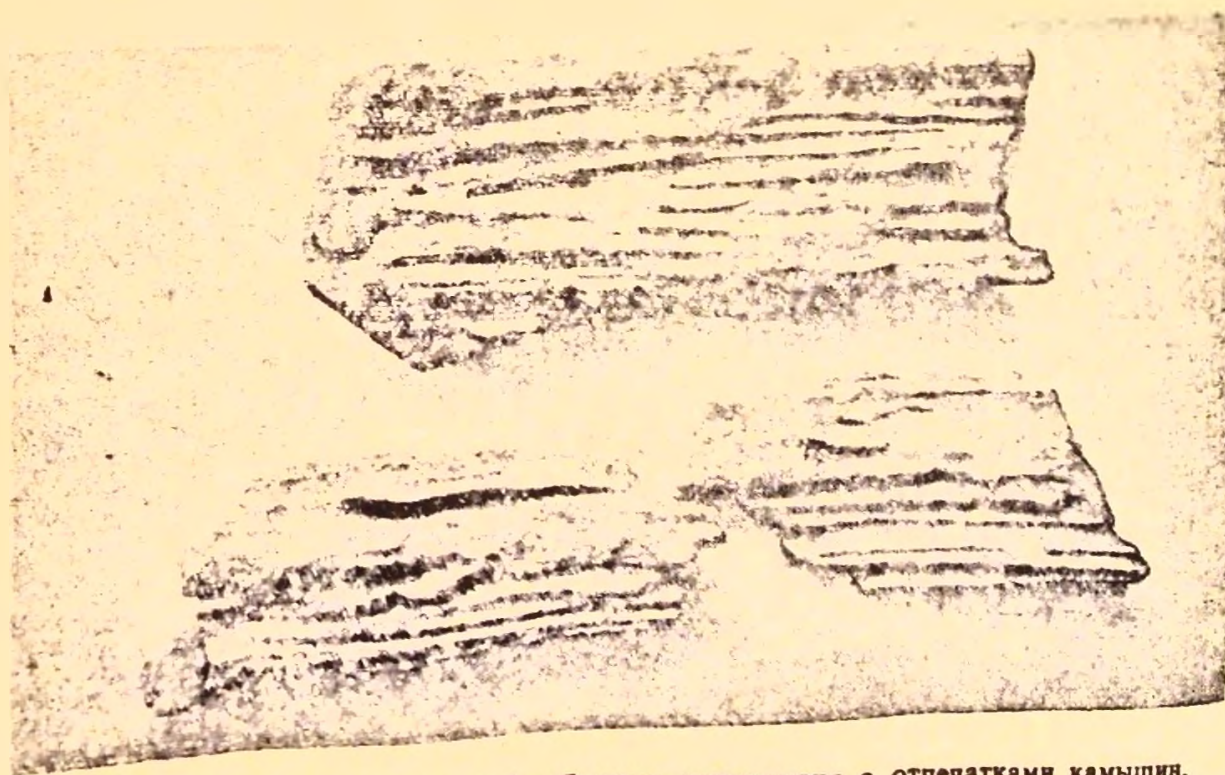

Рис. 11. Фрагменты гипсовой обмазки перекрытия с отпечатками камышин.

сколько довольно крупных кусков росписи по тонко отмученной глиняной штукатурке. При этом последняя нанесена на глиняную обмазку с примесью крупнорубленого самана, а на оборотной стороне обмазки отпечатались крупные камышини. На одном же куске сохранился даже железный гвоздь, то есть эти фрагменты, несомненно, являются кусками потолочной росписи. В двух случаях роспись нанесена черными контурами, внутри же заполнена белой, белой и красной краской. Интересен кусок росписи по глиняной штукатурке: сложный геометрический плетеный узор из белых лент, околоченных черными полосками по краям и с тонкой черной полоской, проходящей посредине. Отдельные элементы окрашены в черный цвет; выше шел плохо сохранившийся рисунок растительного характера.

Интересны два крупных куска ганчевой обмазки перекрытия, где сначала идет сероватый ганч с отпечатками разного диаметра камышини (толщина его 3—4 см), а выше слой совершенно ровный также ганчевый, но с небольшой примесью мелкорубленого самана. Диаметр камышини 0,8—1,3 см.

Слой довольно крупных угольков расчищен и в южном коридоре. Здесь оказалось много железных гвоздей, причем некоторые из них были «утоплены» в углях, то есть явно скрепляли деревянные части перекрытия, и, что особенно интересно, здесь же найдены плоские железные уголки и Т-образные предметы, очевидно, употреблявшиеся для скрепления брусьев перекрытия (рис. 12).

Рис. 12. Железные детали перекрытия.

Восточнее же помещения № 9 прямо на полу лежал слой сгоревшего дерева, достигающий местами 20—25 см толщины. В этом слое удалось расчистить ряд плах (горбылей) шириной 10—13 см, толщиной 3—5 и длиной 20, 25, 40 и 65 см. Среди них есть плоские, есть и гладко отесанные с одной стороны, и округлые — с другой. Интересен плоский деревянный брусочек шириной 6 и толщиной 2 см, в котором сохранились три дырочки диаметром 0,5—1,0 см явно от гвоздей. В этом же слое обнаружен ряд гвоздей разного размера, два из них были утоплены в

дереве концами, а шляпки их торчали на 2—2,5 см. Тут же найдено несколько кусков алебастровой обмазки с отпечатавшимися камышинами. Слой этот шел на полу на протяжении более 5 м, то есть здесь также явно было плоское перекрытие (рис. 13).

В восточной части южной стены комплекса в стене прослеживается углубление диаметром 15—20 см, на котором имеются отпечатки сгнившего дерева, рядом же на полу — масса угольков. Возможно, это след одного из пристенных деревянных столбов, поддерживавших перекрытие.

Рис. 13. Железные гвозди, скреплявшие перекрытие.

В. А. Нильсен считает, что в капитальных помещениях удлиненного плана, где нет внутренних опор, по малому пролету через равные промежутки укладывались отесанные балки прямоугольного сечения. Сверху балок шел слой распиленных вдоль жердей, затем камышовые циновки, слой камыша, земли, а сверху все покрывалось глиной, смешанной с саманом⁶. При этом он подчеркивает, что пожар и обрушения нарушали положение частей и системе перекрытия, и поэтому восстановить точно то или иное перекрытие сейчас невозможно. Отмечается и то обстоятельство, что подобные перекрытия отличались хорошими термозащитными свойствами.

Трудно реконструировать и перекрытие в нашем здании. Опишем, однако, каким представляется оно нам, судя по залеганию его остатков и отдельным его частям. На потолке находилась глиняная штукатурка с росписью, нанесенная на обмазку с примесью крупнорубленого самана. Последняя покрывала, очевидно, слой камыша, «прибитый» снизу к деревянному перекрытию, части которого скреплялись между собой железными гвоздями, уголками, скобками. Поверх дерева был настелен еще слой камыша, видимо, покрытый землей. Однако в помещении № 7, 8 над слоем камыша явно проходила ганчевая обмазка, прекрасно выраженная снаружи. Вряд ли со столь большой старательностью была оформлена крыша здания. Кроме того, ганчевый слой явно не подходит для гидроизоляции кровли. Это наводит на мысль, не располагалась ли над упомянутыми помещениями терраса-балахана, имевшая в таком случае гладко обмазанный алебастровый пол. В случае существования этой конструкции вполне оправдано и наличие лестницы в помещении

№ 9. Балахана могла иметь в свою очередь лишь легкое деревянное перекрытие.

Сходной конструкции плоские перекрытия известны по раскопкам отдельных памятников. Так, первой четвертью XIII в. датируются остатки дворца на крепости Кават-кала в Хорезме. В одном из его помещений были расчищены остатки сгоревшего деревянного перекрытия с глиняной обмазкой по слою камыша (выявлены детали-балки, доски, плахи). В другом—потолок состоял из перекрещивающихся балок, пространство между которыми заполняли дощечки, еще в двух помещениях остатки перекрытия из дерева и камыша покрывал мягкий глинистый слой с кусками глиняной саманной обмазки⁷.

Упавшее перекрытие прослежено в помещениях XIII—XIV вв. на городище Шемаха-кала: под глинистой обмазкой в 5—6 см здесь лежал обгорелый камыш и куски дерева⁸. Плоские перекрытия были употреблены в помещениях золотоордынской эпохи на Ярбекир-кале, где сохранились гнезда от балок, куски глиняной потолочной обмазки с отпечатками камыша⁹.

Раскапываемое здание может быть датировано второй половиной XII—началом XIII в. Здание неоднократно ремонтировалось, изменялись уровни полов. Штукowym декором стены здания были покрыты, возможно, в начале XIII в. Чрезвычайно важны для подтверждения нашей датировки остатки резного штука на руинах второй мечети на городище Месторнаи. Примененный для оформления различных архитектурных деталей резной штук дает здесь, как и у нас, одновременное использование двух приемов резьбы плоскостной, имитирующей фигурную кирпичную кладку, и горельефной с многопланным орнаментом. Мечеть точно датируется сохранившейся на портале надписью, содержащей имя хорезмшаха Мухаммеда¹⁰. На полу одного из помещений дома была найдена люстровая чаша с изображением лани (она заслуживает особого рассмотрения). Точно датированные образцы люстровых сосудов с аналогичной орнаментацией происходят из Ирана. Все они относятся к началу XIII в. Концом XII—началом XIII в. датируются фрагменты глазурованной керамики, найденные в раскопе.

Следы позднего обживания здания зафиксированы по всему раскопу. Так, явно использовался парадный зал № 1, где ко времени последнего обживания уже наполовину обрушились панели. Зал был очищен от их обломков (при вскрытии они за очень редким исключением не встречались) и служил новым хозяевам. Использовались и некоторые другие комнаты (например, № 4, 6), где на полу встречалась керамика XIII—XIV вв. В это же время в южном коридоре появляется ряд перегородок и сооружений. Так, к югу от помещения № 7 в коридоре была сделана вымостка (на 50 см выше уровня пола в комнате) длиной в 2 м и шириной в 1,3—1,6 м, занявшая и южный вход в комнату. С запада и с востока она была ограничена бортиками в четыре ряда жженных кирпичей. В центре вымостки устроен своеобразный водослив-ташнау, выдолбленный в виде круга диаметром 23 см в жженных кирпичах. Ниже идет крупный жженный кирпич, в центре которого сделано воронкообразное углубление, сужающееся от 10 до 2 см; под ним идет подпрямоугольной формы (10×12 см) вертикальная яма, уходящая вниз.

В том же южном коридоре в позднем периоде была отстроена небольшая суфа из сырцовых кирпичей, в которую был вкопан тамдыр. Диаметр венчика его 32, высота 52 см, дно отсутствует, диаметр в нижней части 53 см. Он опирается стенками на подложенные под него фрагменты кирпича; стенки обожжены изнутри. Ширина венчика 4, толщина стенок 2 см, обжиг неровный, тесто с примесью самана. В нижней части сохранился слой золы в 10 см. На уровне поверхности суфы венчик

обложен фрагментами и целыми кирпичами $19 \times 19 \times 3-4$ см. Подобные тамдыры применяются в настоящее время для выечки мелких изделий (например, самсы). Возможно, в это же время была продолжена на запад южная стена комплекса. Датировка всех этих перестроек и позднего обживания, очевидно, падает на послемонгольский период и по немногочисленным фрагментам керамики укладывается в XIII—XIV вв.

В результате раскопочных работ 1967—1969 гг. вскрыта приблизительно $\frac{1}{3}$ часть здания. Это был крупный жилой комплекс, принадлежавший представителю зажиточной верхушки Мерва. До полного вскрытия трудно говорить об общем количестве помещений, но, очевидно, оно могло достигать 50. Размеры, планы и характер помещений были различны, как отличался и характер застройки разных фасов. На западном фасе располагались в ряд помещения, среди которых были крупные и небольшого размера, вытянутые по длинной оси фаса и расположенные перпендикулярно к ней. Следует отметить следующее обстоятельство: большинство помещений здесь не соединялось друг с другом, а имело самостоятельный вход со двора. С наружной стороны (с запада) комплекс был замкнутым, очевидно, на одном из фасов имелся лишь один вход во двор с улицы. Размещенные на западном фасе помещения имели различное назначение — здесь был большой парадный пышно оформленный зал с комнатой-отсеком, почти квадратная комната с ганчевыми панелями, большая комната, возможно, выполнявшая роль хранилища (найденно множество донцов крупных стеклянных сосудов, а также стоявший на полу хум), комната с отопительным сооружением и большой лежанкой-суфой, возможно, является спальней.

В южном фасе помещения и коридоры были расположены во всю ширину его, перпендикулярно к южной стене, но местами комнаты располагались в несколько рядов. Здесь также был большой роскошно оформленный зал своеобразного плана и назначения, комнаты, игравшие роль вестибюлей, маленькая комнатка, где, возможно, работал ювелир, и еще какие-то покои, стены которых были украшены панелями резного ганча и росписями.

Застройка фасов отличалась и по ширине: если на западном она имела 7—8 м, то на южном достигала 11 м, что, однако, не нарушало четкости генерального плана здания, имевшего прямоугольный (или квадратный) внешний контур, квадратный двор, по всем сторонам застроенный по одной линии помещениями.

Тот же принцип строительства наблюдается в дворцовом здании правителей Мерва в Шахрияр-арке (рис. 14). Оно занимает меньшую площадь (45×39 м), чем описанное нами здание, но было двухэтажным¹¹. Главный вход оформлен пештаком и вливается в квадратный (16×16 м) двор, на оси которого расположены сводчатые айваны с проходами к многочисленным комнатам, окружающим двор. Последние были разного размера и плана, квадратные и прямоугольные. Дворец довольно хорошо сохранился, поэтому Г. А. Пугаченковой удалось сделать архитектурный обмер и восстановить план первого этажа. Любопытно, что общее количество помещений в нем было свыше 50, но здание было более монументальным, чем раскапываемое нами. Здесь применены разнообразные сводчатые перекрытия из сырового кирпича, фигурные кирпичные кладки в стенах. Однако до проведения раскопочных работ трудно судить о внутреннем убранстве здания. Некоторые данные для суждения об этом были получены когда в связи со стратиграфическим изучением Шахрияр-арка нами был олушен шурф в одном из небольших помещений дворца. Шурф ($2,5 \times 1,5$ м) был заложен в комнате № 14, в северной части дворцового здания у арочного проема, ведущего в помещение № 16.

В верхнем культурном слое встречались здесь фрагменты керамики XIII—XIV вв. (например, фрагмент котла с голубой поливой и широкими плоскими ручками идентичного таковым же, найденным при раскопе печи этого времени на городище), датируя, очевидно, какое-то обживание дворца в этот период. Обмазанный глиной пол помещения был обнаружен на глубине 1,7 м. До этого уровня шел сплошной завал фрагментов сырцовых и жженных кирпичей (последние, возможно, от обвалившегося перекрытия помещения), ближе к полу найдено несколько фрагментов керамики с зеленой поливой. Высота от пола до замка арки восточного прохода оказалась равной 2,34 м. Промазка пола идет в четыре-пять слоев и дает общую толщину в 6 см. Цоколь стены был выложен из жженого кирпича $21 \times 21 \times 4$ —4,5 см, $22 \times 22 \times 4$ см и $22,5 \times 22,5 \times 4,5$ см. Выше стены сложены из кирпичей сырцовых 26 — 27×26 — 27×5 —6 см.

На высоте 1,1 м от пола на восточной стене помещения протянуты две иногда как бы переплетающиеся полоски белой алебастровой штукатурки толщиной каждая 1,5 см. Расстояние между ними 0,5 см. Ниже снова идет глиняная штукатурка. Полоски эти являлись своеобразным декоративным оформлением помещения, как бы отделяя уровень панели.

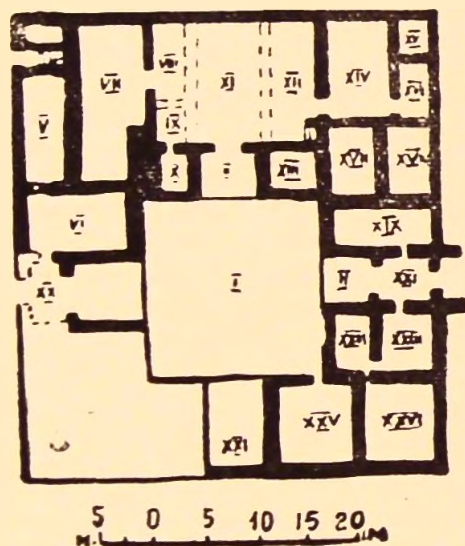

Рис. 14. План дворца правителей Мерва. (По Г. А. Пугаченковой).

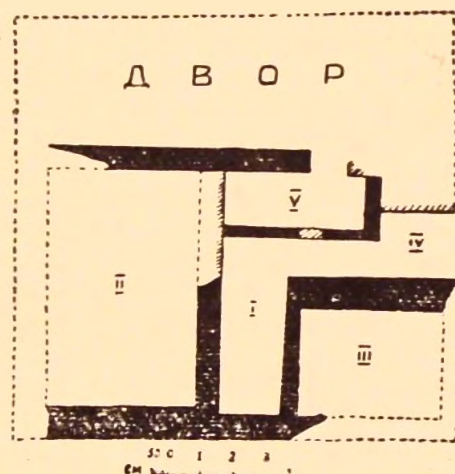

Рис. 15. Раскоп жилого дома. Реконструкция первого этажа застройки.

У прохода под поздней глиняной штукатуркой был обнаружен интересный участок резьбы по глине, которая идет вертикально вниз полосой шириной 15 см, окаймляет проход и сохраняется на высоту в 44 см. Сложный растительный побег с участием стилизованных трехлепестковых цветов окаймлен тонкими алебастровыми полосками. Не считая фрагментов резьбы по черной глине, обнаруженных в доме на раскопе I на городище, это первый случай обнаружения своеобразной резьбы по глине в Мерве. Возможно, прав И. М. Дебиров, считая, что глиняные рельефы как вид декора появились и развивались одновременно и параллельно со штукатурным орнаментом¹².

Такую же центрально-дворовую композицию имело и другое здание в северо-западной четверти Султан-калы, где были проведены разведочные раскопки в связи с предполагавшейся принадлежностью его к

зданиям типа медресе. При раскопке оказалось, однако, что это также крупный жилой дом, занимавший большую площадь. Судя по съемке, сделанной по микрорельефу, внутренний двор его мог иметь размеры 100×60 м, ширина застройки по северному фасу свыше 20 м, по восточному — 10 м. С южной же и западной стороны к дому непосредственно примыкают другие постройки и определить ширину застройки здесь трудно. С северо-восточной стороны этого строения находится площадь, с востока проходит улица шириной, по всей вероятности, 12 м, с севера — улица шириной 14 м, заканчивающаяся тупичком.

Небольшие работы велись на восточном и северном фасах здания. На восточном фаса была вскрыта полностью большая комната размерами $5,4 \times 4$ м, вымощенная жженым кирпичом размерами $31 \times 31 \times 4$ — 5 см. В центре комнаты находилась сливная яма-ташнау диаметром 34 см, закрытая сверху жженым кирпичом и переходящая внизу в водосток диаметром 5 см, прослеженный на глубину 60 см. В восточной части помещения располагалась низкая (15—20 см) суфа шириной 2,1 м, края которой выложены из обломков жженого кирпича, поверхность ее покрыта глиняной обмазкой. Восточная стена комнаты являлась одновременно восточной границей комплекса, ширина ее 85 см. На юг из этого большого помещения ведет проход в комнату шириной 2,6 м.

В большом помещении были найдены узкогорлый кувшин с поливой желтоватого цвета, крупная тагора зеленой поливы, почти целый каменный котел из талькохлорида (диаметр венчика 26, диаметр донца 35 см), бронзовая длинная ручка от предмета хозяйственного назначения, скорее всего большой ложки, глиняная детская свистулька в виде птички, фрагменты глазурованной и неполивной керамики.

Разведочная борозда, которой был прорезан северный фас, показала, что помещения здесь были размещены в два а, возможно, даже и в три ряда. Была встречена стена толщиной в 1,2 м, сложенная из сырцовых кирпичей $30 \times 30 \times 6$ см и покрытая с обеих сторон гладкой белой алебастровой штукатуркой. На расстоянии 10,5 м от нее расчищен завал из сырцовых кирпичей того же формата, явно принадлежавший рухнувшей стене. В борозде часто встречались небольшие фрагменты белой штукатурки с синей росписью и кусочки красной штукатурки — остатки декора здания.

Судя по строительному материалу и фрагментам керамики, здание отстроено в XII в. Дом этот примыкал с юго-запада к небольшой городской площади, в которую вливался с северо-запада своим углом другой богатый жилой дом, полностью раскопанный в 1961—1963 гг.¹² (рис. 15). Последнее здание развивает иной принцип планировки, чем описанные выше. Дом имел пять больших комнат, помещение-вестибюль, сконцентрированные на одном участке, и примыкающий с севера большой вымощенный жженым кирпичом двор. Изучение его несколько затруднялось весьма длительным обживанием и поздними перестройками. Начало строительства дома относится, возможно, к XI в., а интенсивное обживание с добавлением новых частей здания — к XII в. Парадный зал комплекса размерами $5,4 \times 1,8$ м был вымощен жжеными кирпичами (причем, чередование кирпичей крупного и мелкого формата создавало своеобразный узор), а стены были украшены резным штукатуром, росписями и в каких-то своих частях резьбой по черной пластичной глине. Помещение имело с востока самостоятельный вход с улицы, оформленный сначала комнаткой-вестибюлем, а затем коридором. Восточнее и севернее располагались хозяйственного назначения комнаты, при этом северная была соединена проходом со двором. В этих комнатах найдены хумы, фрагменты бытовой керамики, котлы из талькохлорида. Западнее же находилось большое помещение размером $6,5 \times 4$ м, однако

установить его назначение и восстановить оформление не представляется возможным из-за весьма значительных поздних перестроек.

Таким образом, дом дает иную композицию, когда помещения концентрируются на одном участке, а двор примыкает к зданию с одной из сторон. Такая планировка могла быть вызвана либо теснотой городской застройки, либо ограниченными возможностями владельца, скорее же традициями подобного рода планировки, существовавшей параллельно с иными типами.

У изгиба северной стены городища был заложен раскоп 7 (рис. 16). Здесь целиком вскрыто несколько неправильной формы помещение, имеющее в среднем размеры $3,8 \times 2,85$ м. Примечательно, что стены его оказались сложенными из разного строительного материала. Так, западная, восточная и южная стены шириной 45—50 см были сложены из сырцовых кирпичей, а северная стена на большом протяжении имела ширину 1 м и сохранила кладку в семь рядов жженных кирпичей размером $21-22 \times 21-22 \times 4-5$ см (выложена по краям из их фрагментов

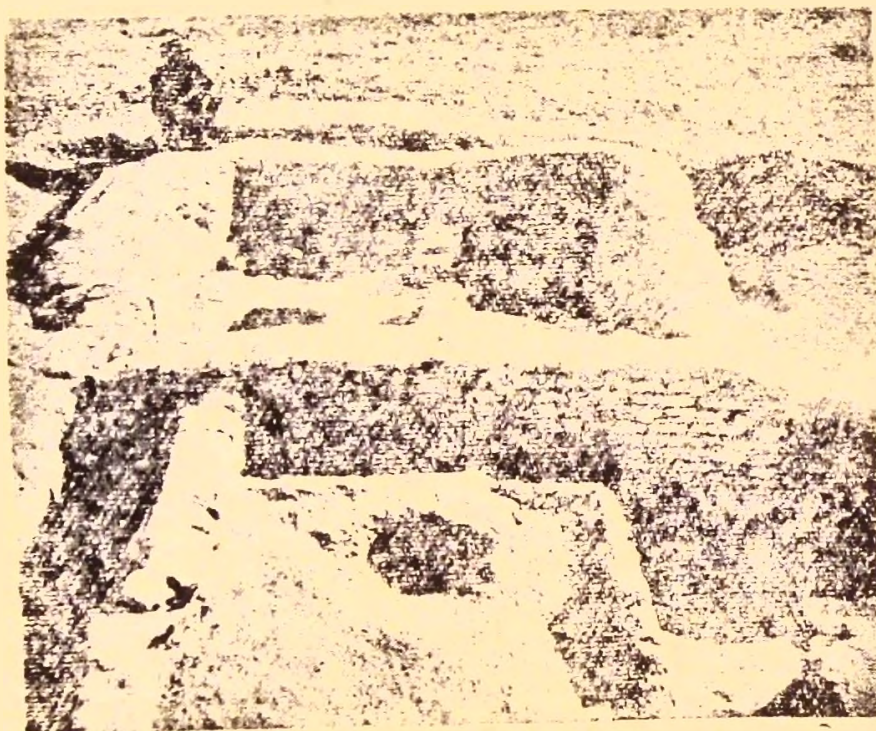

Рис. 16. Общий вид раскопа № 7.

и редко из целых кирпичей), причем однажды в кладку оказался включенным и резной кирпичик. В западной своей части ширина северной стены сокращается до 70 см и сложена она из пахсы. Западнее располагалось помещение, северная стена которого (длиной 3,4 м) была выложена из сырца, западная — из пахсы, от южной же сохранился лишь небольшой изогнутый участок. Значительную часть этой комнаты занимала суфа площадью $2,8 \times 1,6$ м, ближе к восточному краю которой располагалось вкопанное в нее сооружение типа ташинау в виде хумчи без дна, поставленной на сырцовые кирпичи с небольшим квадратным отверстием. Внутри ташинау встречено довольно много косточек винограда и два арбузных семечка. Суфа имела толстую глиняную обмазку с саманом. При обследовании суфы оказалось, что, очевидно, в целях экономии строительного материала она была лишь по краям выложена

из фрагментов сырцовых кирпичей, сверху обмазана, а внутри забита землей, золой, битой керамикой, костями животных.

Севернее указанных помещений, судя по всему, располагались еще два, для одного из которых была прослежена часть западной стены, но даже ее восточная закраина оказалась обрушившейся, остальные стены помещений не сохранились.

На одном из сырцовых кирпичей в кладке стены первого помещения оказалось клеймо в виде отпечатка руки, где рядом с большим пальцем отпечатаны еще кончики пальцев всей руки. Возможно, кирпич этот был положен в кладку с целью предохранить ее от разрушения.

В первом помещении были обнаружены остатки двух стен более раннего этапа шириной 30—40 см, уходящие под стены указанных помещений, которые были сложены из сырца и покрыты тонкой белой алебастровой штукатуркой. В юго-восточном углу комнаты был заложен шурф, который уже на глубине 1,9 м от поверхности холма дал материковый слой. В шурфе встречена только керамика XII в., ниже которой прошел слой с перегнившими растительными остатками без иных включений (отсутствовала и керамика). Возможно, этот участок начали застраивать лишь в XII в.; до этого же здесь могли располагаться сады.

Керамика, полученная при раскопках остатков данного дома, датируется второй половиной XII—началом XIII в. Здесь встречены фрагменты штампованной керамики, но особенно важны для датировки фрагменты довольно тонкостенной сероглиняной керамики с разнообразной процарапанной орнаментацией, которая в Мерве ни раньше, ни позже этого периода не встречается. О том же свидетельствует поливная керамика, например, чаша с расплывчатым коричневатым орнаментом по желтовато-белому фону, фрагменты посуды с орнаментами на желтовато-белом и зеленовато-белом фоне, с гладкой коричневой поливой и пр. В хозяйстве здесь преобладает неполивная бытовая тонкостенная керамика, фрагменты хумов, хумча, тагора, довольно крупные кувшинообразные сосуды с носиком и пр. Найден фрагмент очень крупного сфероконического сосуда.

Дом, явно, принадлежал малосостоятельному горожанину, который использовал для строительства материал, собранный на развалинах зданий, и лишь некоторые стены были выведены, очевидно, из сырцового кирпича, изготовленного вручную. Но даже в стену из сырцовых кирпичей дважды оказались вставленными большие глыбы пахсы, надо думать, тоже изъятых с каких-то близрасположенных развалин, а, возможно, и обвалившихся с проходившей поблизости крепостной стены. План помещений был неправильным; некоторые из них имели трапециевидную форму, кладка выведена небрежно. Декор в помещениях отсутствовал. Кроме того, хозяин вынужден был выбрать для своего дома участок у крепостных стен, который считался неудобным для застройки (вспомним наставление, данное Кей-Кавусом своему сыну: «Когда зайдет дело о покупке, если захочешь купить дом, покупай на такой улице, где живут верные люди, на окраине города не покупай, ни у подножия стен»)¹⁴.

В 1968 г. проводились вскрытия на территории жилого дома, расположенного в северном обводе города и выходящего своим западным фасадом на главную улицу обвода, ведущую от Кушмейханских ворот к воротам По-и-Маджан. Холм, скрывавший остатки дома, расположен в центральной части квартала. При обходе квартала здесь удалось зачистить остатки кладки из жженных кирпичей, выходящей на поверхность. Найдены западная, северная и восточная границы дома, состоявшего из нескольких помещений. Первое помещение имеет западную

стену длиной 3,6 м (на юге она заканчивается небольшим выступом), восточную — длиной 4,3 м. Ширина помещения 2,6 м. На юге оно почти полностью открывается в располагавшееся южнее помещение, от которого сохранилась лишь его западная стена длиной около 3 м. Ширина западной стены дома 1,5 м. Цоколь ее сложен из разноформатных жженных кирпичей (19×19×4 см; 21×21×4 см; 23×23×4 см; 30×30×5 см и др.) и уходит под пол на три ряда кладки; выше же стены сложены из кирпича сырцового, имеющего формат 30—33×30—33×5—6 см. Пол обмазан глиняной штукатуркой с саманом. Восточная стена помещения № 1, являвшаяся одновременно западной стеной помещения № 2, имеет ширину 70 см.

Северная стена помещения № 2 отступает на север от линии стены помещения № 1 и поэтому западная стена здесь несколько длиннее — 4,85 м. Восточная же стена идет сначала на 2,5 м на расстоянии 1,2 м от западной, являясь как бы небольшим коридорчиком, а затем поворачивает на восток, образуя помещение шириной 3,9 м. При этом всю восточную часть помещения занимает выложенная из сырцовых кирпичей суфа высотой 50 см, причем западный край ее идет на одном уровне со стеной коридора. Таким образом, суфа занимает площадь 2,5×2,7 м. Восточная стена выложена небрежно из сырцового кирпича без цоколя, прослеживаются следы ее ремонта. Ширина стены 90 см.

Южнее располагалось помещение № 3 шириной 1,5 м, южная стена которого в своей западной части сохранилась на высоту 1 м, а далее на восток исчезает.

Общую границу дома установить не удалось, но, судя, по всему, он имел всего 5—6 небольших помещений. По рельефу чувствуется, что южнее начинается другой дом. Судя по архитектуре и инвентарю, это было небольшое жилое здание. Основная масса керамики была найдена в помещении № 1, в котором найдено несколько глиняных кувшинов. Два из них отличались вытянутыми пропорциями, не совсем обычными для Мерва, но зато процарапанная орнаментация, размещенная на их плечиках, типична для керамики второй половины XII—начала XIII в. и широко распространена в Мерве. На высокой горловине одного из кувшинов наклеплены выпуклые шишки-розетки. Этим же временем датируются немногочисленные фрагменты поливной керамики. Найдена глубокая чаша с гладкой зеленой поливой внутри, фрагменты с зелено-вато-белой поливой и иногда с орнаментами на ней и др. В северо-западном углу комнаты были найдены четыре большие бронзовые чаши с несложным процарапанным орнаментом, также стоящими на полу. Очевидно, помещение № 1 имело хозяйственное назначение, помещение же № 2 с обширной суфой могло служить для отдыха. Дом, вероятно, принадлежал среднему горожанину, не имевшему средств на декоративное оформление дома, но отстроившему удобное жилище из нескольких взаимосвязанных комнат с толстыми прочными стенами; кладка большинства их выполнена довольно тщательно на цоколе из жженных кирпичей.

Как указано выше, дом выходит своей западной стеной на улицу. Проведенная через последнюю борозда дала нам ширину улицы — 7,8 м (до стены противоположного здания). Выше поверхности улицы шел завал в основном из фрагментов сырцовых и жженных кирпичей, в котором встречались фрагменты керамики XII в. Заложенный здесь шурф дал ниже уровня улицы слой песка, в котором встречались лишь мелкие фрагменты раннесредневековой керамики. Еще ниже шли слои, связанные с культурно-ирригационным наносом.

Частично вскрывалось большое здание в южном обводе города, стоявшее на высокой (4—4,5 м) платформе и имевшее в западной части

вытянутые параллельно друг другу помещения размерами 5,1×2,8 м и 5×2,9 м, перекрытые сводами. Высота помещений достигала 5 м. Замок, явно принадлежавший лицу, занимавшему видное общественное положение, был датирован X—началом XI в.¹⁵

В нескольких километрах к западу от Султан-калы возвышается кешк XI—XII в., дающий еще один вариант средневековой жилой архитектуры. Это квадратное двухэтажное здание с крестовидной купольной михманханой в центре, возвышающейся на высоту двух этажей¹⁶. Вокруг нее в два яруса размещены жилые и подсобно-хозяйственные комнаты. Этот же вариант дома повторяет и другой отдельно стоящий кешк меньших размеров, расположенный к востоку от средневекового города. Сохранение крепостных функций для зданий, расположенных на открытой местности в отдалении от укрепленного города, было вполне оправданным.

Тип домов с внутренними дворами считается выработавшимся у многих народов Ближнего и Среднего Востока и связанным с природно-климатическими условиями этих стран¹⁷. В качестве примера можно привести здания омейядского периода, изученные в Сирии в области Джебел в 100 км от Дамаска. Это прямоугольные в плане частные дома, где помещения располагаются вокруг центрального двора, с выходом на улицу. Такова постройка Д, имеющая размеры 28×29 м, где хорошо выделяются помещения для жилья, для приема и службы, таков большой жилой дом (постройка Е), размерами 30×30 м, где стены сложены из сырцового кирпича, а цоколь из камня и др.¹⁸ Квадратные и прямоугольные комнаты расположены по сторонам.

Уже в пору раннего средневековья идет сложение подобного принципа планировки и в Северном Хорасане. Так, Г. А. Пугаченкова отмечает, что на городище Кара-депе Мервской области по микрорельефу читаются планы домов, где помещения распределяются вокруг внутренних дворов и открываются в последние проемами и, вероятно, айванами¹⁹.

Вокруг больших прямоугольных дворов были сконцентрированы комнаты в жилых домах Самарры. Дома эти очень большие, включали до 50 и более комнат. Э. Херифельд считает, что это были обычные дома населения, а не дома богатейших горожан²⁰, ибо последние действительно выделялись из основной массы построек, имея в стороне до 200 м. Вряд ли, однако, рядовой горожанин мог иметь дом в 50 комнат. Думается, что такого рода постройки, видимо, принадлежали лишь зажиточной части населения. Все дома были одноэтажны. Очевидно, подобную планировку имел и дворец Саманидов в Самарканде, где еще до раскопок бугра постройки были явственно сосредоточены вокруг большого квадратного двора²¹.

Второй половиной X в. датирует Г. А. Пугаченкова раскопанное на Варахше здание, являющееся, вероятно, дворцом местных феодальных владетелей²². Оно представляет комплекс, где квадратные и прямоугольные помещения окружали большой вымощенный жжеными кирпичами двор, в центре которого находился ташнау.

Дворец Газневидов Лашикар-базар, открытый в Южном Афганистане и датирующийся началом XI в., представляет комплекс помещений, сосредоточенных вокруг центрального двора (последний имеет размеры 63×48 м). Длина дворца 104, ширина — 92 м²³. Но в этом большом дворцовом комплексе во двор выходили четыре портала, что напоминало типичный план четырехайванной мечети²⁴. Дворец относится ко времени Махмуда Газневидского.

Типичный образец дома, где расположенные в разном порядке разнообразные помещения окружают пространство квадратного внут-

ренного двора, дает так называемый дом «люстровых сосудов» в Газне (рис. 17). Дом также приблизительно квадратен в плане. Единственный вход во двор ведет с юга через широкий вестибюль²⁵. По ряду признаков дом датируется второй половиной XII—началом XIII в., причем считается, что он был разрушен ордами Чингиз-хана²⁶.

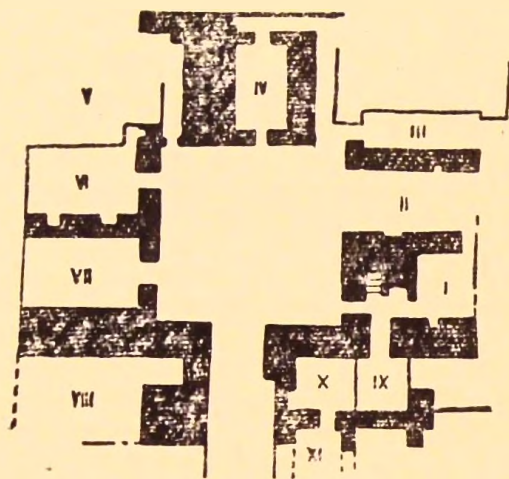

Рис. 17. План «дома люстра» в Газне. (По U. Scerrato).

Тот же принцип планировки применен в домах и усадьбах хорезмшахского периода в Хорезме. Таков феодальный замок Каз-кала размерами 62,5×63 м, где жилая застройка располагалась по внутреннему периметру вокруг двора, несколько домов, изученных на территории междуречья Дарьялыка и Северного Даудана, где вокруг двориков группировались жилые и хозяйственные помещения²⁷. Таковы замки близ крепости Кават-кала, где жилые помещения размещены в виде каре вокруг обширного двора и др.²⁸ Возведение стен из сырцовых кирпичей на основании, выложенном из кирпичей жженных, характерное явление в средневековой архитектуре Мерва. Иногда это цоколь из жженных кирпичей, лишь на один-два ряда кирпича опускавшийся ниже уровня пола, иногда фундамент достигает более 0,5 м. Изучение сохранившихся памятников и проведенные раскопки показали, что именно такой прием был наиболее присущ архитектуре Мерва. Мы далеки от мысли, что целиком из жженого кирпича были построены лишь мавзолей султана Санджара, Мухаммеда Хананья. В Мерве, вероятно, были и другие здания, возведенные из жженого кирпича и представлявшие большой соблазн для любителей использования готового бесплатного строительного материала. Но несомненно и другое: более распространенным был указанный выше прием. Именно таким образом построены административные здания в Шахрияр-арке, мечеть на городище Гяур-кала, все сохранившиеся на территории Султан-калы кешки, мавзолей Кыз-биби и расположенный рядом более поздний мавзолей, жилые дома от X до начала XIII в., стены многочисленных помещений гончарной мастерской Иноятана и расположенных рядом мастерских, стены гончарной мастерской X в. Этот способ строительства широко применялся здесь, начиная с X в.

Применение таких способов кладки зафиксировано на ряде примеров дворцового строительства. Так, из комбинаций жженого и сырцового кирпича построен дворец Лашкари-базар в Афганистане²⁹. Большинство помещений выстроено из сырцовых кирпичей на цоколе из жженных кирпичей. Для фундамента часто использовались лишь фраг-

менты жженных кирпичей, очевидно, собранные со старых построек и выложенные лишь по краям стен; внутри же они были заполнены фрагментами сырцовых и жженных кирпичей, строительным мусором.

В кешках применялись купольные и сводчатые конструкции, в одноэтажных постройках на первый план выдвигались плоские перекрытия.

Отсутствием в городе свободных участков объясняется большое количество периодов существования каждого дома, не только ремонтировавшегося и перестраивавшегося хозяевами на протяжении жизни нескольких поколений, но часто жизнь на данных участках возобновлялась после большого перерыва во времени. Так, выше указывалось, что здание дворцового типа было отстроено в XII в. и функционировало в конце XII—начале XIII в., когда некоторые комнаты получают новое оформление, уровни полов в них повышаются. Последнее обживание дома падает на XIII—XIV вв. В другом здании (раскоп I) строительство дома началось в XI в. (может быть, в начале XI в.), основной строительный период падает на XII в., а в конце XII—начале XIII в. отдельные помещения продолжают использовать, а иные капитально перестраивают.

Иногда трудно провести грань между богатым жилым домом и дворцом. Последние представляют «великолепно организованный городской дом», сохраняющий все лучшие принципы жилищной архитектуры³⁰. Думается, что раскапываемое нами сооружение, состоящее, очевидно, из 50 комнат, не будет ошибкой называть дворцом. Несколько десятков помещений включал дворец в Лашкари-базаре. До пятидесяти доходило число помещений в домах Самарры. Такое же количество помещений имел дворец мервских правителей в Шахрияр-арке.

По выражению Г. А. Пугаченковой, в XI—XII вв. «на смену суровому наследственному замку дишкана приходит комфортабельный дом новых слоев феодального общества»³¹. Однако переход этот не был быстрым. В средневековом Мерве устремленные по вертикали компактные двухэтажные замки-кешки соседствуют с «расплывшимися вширь» одноэтажными значительными по занимаемой ими площади постройками. В архитектуре жилых домов X—XII вв. как бы сталкиваются две эпохи: ранний феодализм с его некоторой сухостью форм, во многом сохранивших черты замкнутой крепостной архитектуры, и восточное средневековые поры его расцвета со свойственным ему стремлением к особому великолепию и пышности, достигаемых не столько за счет внешнего вида построек, сколько за счет их внутренней планировки и главное — декоративного убранства.

Появление в X—XII вв. замков-кешков с их гофрированными почти глухими стенами на площади городов является как будто неоправданным: крепостные стены города должны были обеспечить достаточно надежную защиту его жителям. И то, что их изредка, но все-таки продолжают строить, может быть объяснено двумя обстоятельствами: сохраняющимися пережитками раннесредневековой архитектуры, то есть прочно сложившейся традицией, а также стремлением разместить жилую постройку на ограниченном участке плотно застроенного города (двухэтажность кешка решала при этом задачу размещения большого количества помещений).

Дворцовые постройки могут быть связаны с окружающим пространством, открываясь наружу с четырех сторон арочными проемами, ведущими внутрь на оси айванов (дворец в Шахрияр-арке), и могут носить замкнутый характер, имея лишь один вход с улицы (раскоп здания дворцового типа на городище). В первом случае решение объяснялось наличием вокруг обширных незастроенных пространств, расположением

в дополнительно укрепленной части города; во втором — густой застройкой окружающей территории, стремлением по возможности изолироваться от соседних строений, а также дополнительно обезопасить обитателей дома.

Н. Н. Воронин справедливо подчеркивал, что средневековая архитектура действовала «самыми своими масштабами, невиданным материалом, строгой организованностью форм, непосредственным впечатлением роскоши и богатства своего внутреннего убранства»³², приводя слова К. Маркса, что «наше время не имеет больше того реального чувства величия, которое нас восхищает в средних веках».

Вскрытие жилых домов Мерва показало насколько разнообразен был внутренний декор богатых жилых домов Мерва и какое впечатление он должен был производить на посетителей этих домов³³.

Традиции некоторых видов стенного декора, надо думать, складывались еще в раннесредневековом Мерве. Что касается раннесредневековых жилых зданий и дворцов Средней Азии, то роскошное оформление некоторых из них достаточно хорошо известно (ставшие уже хрестоматийными примеры Варахши, Пенджикента и пр.). Как правило, имели стеной декор частные дома в Самарре. Э. Херцфельд по этому поводу пишет: «Раскопки домов показывают удивительный комфорт, в котором жили широкие слои населения города и усиливает это впечатление богатый декор частных домов»³⁴. Речь идет все же, очевидно, о домах привилегированной части населения, где широко и разнообразно применялась декорация стен, в основном в виде резного ганча.

Макдисс писал о домах Мерва: «Жилища красивые и высокие, по своей красоте дома — точно кайма по обеим сторонам города»³⁵. Слова эти не были преувеличением, особенно для центральной части города, где размещались дома богатых горожан.

Э. Кюнелль отмечал, что в странах Арабского Востока не было единого типа жилых домов, объясняя это тем, что различные климатические условия вызвали к жизни различные виды защиты от непогоды, и каждая страна придерживалась обычно того вида строительства, который уже в прошлом был признан как наиболее целесообразный³⁶.

Изучение северо-западной четверти городища Султан-кала показало, что планировка домов богатых горожан, располагавшихся на этой территории, была различной. Чаше помещения, вытянутые в один ряд (иногда в два и три ряда), опоясывали большой прямоугольный или квадратный двор, распределяясь равномерно по всем четырем его сторонам. В других случаях помещения концентрировались на одном большом участке, причем большинство помещений располагалось параллельно друг другу и были прямоугольными, но к ним примыкали и помещения, расположенные иначе, квадратные и прямоугольные в плане. Однако и здесь большая группа помещений с одной стороны соединялась с обширным мощеным двором.

Наконец, здесь же находился и двухэтажный гофрированный кешк, датирующийся XI—XII вв. В северном обводе раскапывался дом, принадлежавший, очевидно, среднему горожанину из нескольких удобно спланированных небольших помещений, а близ крепостной стены — остаток маленького дома, являющегося собственностью малосостоятельного хозяина. Все эти дома датируются в пределах XI—начала XIII в. и, таким образом, на протяжении этого периода времени сосуществовали различные планировочные принципы в строительстве жилых домов. Объяснялось это и традициями приемов гражданского зодчества предшествующего периода, и различным общественным положением владельцев домов, и новыми требованиями, предъявляемыми к постройкам подоб-

ного рода, и, наконец, личными вкусами хозяев. Выше указывалось, что Г. А. Пугаченковой описывается для окрестностей Мерва еще тип двухэтажной жилой усадьбы с расположенной в центре высокой михманханой.

Раскопочные работы в Мерве, хотя и затронули весьма незначительную часть города, все же позволили получить общее представление о средневековой жилой архитектуре этого большого города, в основном для периода XI—начала XIII в. Важно при этом, что раскапывались дома разного масштаба и принадлежащие разным социальным категориям городского населения, начиная от роскошных домов-дворцов и кончая жалкими постройками близ крепостной стены. Полученные результаты позволяют считать, что продолжение работ в этом направлении является чрезвычайно перспективным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965, с. 188.
- ² Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. — Труды ЮТАКЭ, 1958, т. 6. М.
- ³ Веймарн Б. Орнаментация дворца XII в. в древнем Термезе. — «Искусство», 1934, № 6, с. 106.
- ⁴ Herzfeld E. Die Wandschmuck der Bauten von Samarra und seine Ornamentik. — Die Ausgrabungen von Samarra, Bd. I. Berlin, 1923, S. 2.
- ⁵ Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 325.
- ⁶ Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966, с. 241.
- ⁷ Вактурская Н. Н., Вишневецкая О. А. Памятники Хорезма эпохи Великих Хорезмшахов (XI—начало XIII в.). — МХЭ, 1959, вып. 1. М., с. 132—153.
- ⁸ Вактурская Н. Н. О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха-кала Туркменской ССР. — ТХЭ, 1952, т. 1. М., с. 178.
- ⁹ Вактурская Н. Н. О средневековых городах Хорезма. — МХЭ, 1963, вып. 7. М., с. 42.
- ¹⁰ Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 262.
- ¹¹ Там же, с. 203.
- ¹² Дебиров П. М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966, с. 9.
- ^{13—14} Лукина С. Б. Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-кала, его обводов и западной части пригорода. — Труды ЮТАКЭ, 1969, т. 14. Ашхабад, с. 117—129.
- ¹⁵ Лукина С. Б. Раскоп и стратиграфический шурф в южном обводе Султан-калы в Старом Мерве. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1963, № 2, с. 78—79.
- ¹⁶ Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 208—209.
- ¹⁷ Веймарн Б., Кантерева М., Подольская А. Искусство арабских народов. М., 1960, с. 15.
- ¹⁸ Sauvage J. Les ruines omeyyades du Djebel el sies. Syria, vol. 20. 1939, p. 247. 249.
- ¹⁹ Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М., 1967, с. 85.
- ²⁰ Herzfeld E. Op. cit., S. 1.
- ²¹ Пугаченкова Г. А. Мавзоль Араб-ата. — Искусство зодчих Узбекистана, II. Ташкент, 1963, с. 42. Установить полностью планировку невозможно, чертежи раскопок, заложенных еще до революции, не сохранились.
- ²² Там же, с. 50—51.
- ²³ Schlumberger. Les palais Ghaznevide de Lashkari bazar. Syria, vol. 29, Paris. 1952, p. 253.
- ²⁴ Pope A. U. Persian Architecture. London, 1965, p. 99.
- ²⁵ Scerrato U. Summary Report on the Italian Archaeological Mission in Afghanistan, The first two excavation Campaigns at Ghazni, 1957—1958. East and west. New series, vol. 10, N1—2. Rome, 1959, p. 45.
- ²⁶ Там же, с. 52.
- ²⁷ Вишневецкая О. А. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма. — МХЭ, 1963, вып. 7. М., с. 60—61.
- ²⁸ Толстой С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 258.
- ²⁹ Pope A. U. Op. cit., p. 99.
- ³⁰ Пугаченкова Г. А. Искусство Афганистана. М., 1963, с. 113.
- ³¹ Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 338.

³² Вороник Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. I. М., 1961, с. 49.

³³ Изучая сохранившиеся здания гражданской архитектуры, Г. А. Пугаченкова пришла к неверному выводу о том, что оформление больших домов богатых феодалов Мерва отличалось крайней простотой, а внутренняя отделка исчерпывалась глиняной штукатуркой. См., Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 337.

³⁴ Herzfeld E. Op. cit., p. 2.

³⁵ Извлечения из «Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим» ал-Макдиси. — МИТТ, 1939, т. 1. М.—Л., с. 193.

³⁶ Kühnel E. Kunst und Kultur der arabischen. Welt. Heidelberg—Berlin—Magdeburg, 1943, S. 39—40.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ НАХОДОК И СБОРОВ ДРЕВНИХ МОНЕТ НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА

Как справедливо указывалось в литературе, «изученность южной части Туркмении — тогдашней Закаспийской области, в известной мере отставала от изучения собственно Туркестанского края, чему способствовало, в частности, отсутствие сколько-нибудь серьезных краеведческих организаций в области», что находило объяснение, «по-видимому, с одной стороны, в соотносительном весе Туркестанского края и Закаспийской области в колониальной системе русского царизма, с другой — в продолжительном... вхождении Закаспия в состав Кавказского военного округа»¹.

Тем большее значение приобретали усилия любителей старины, нумизматов в частности, приоткрывшие, пусть еще в весьма малой степени, завесу, скрывавшую многовековое прошлое Туркменистана.

Как это нередко имело место и в других районах Средней Азии (перед и после ее присоединения к России), первыми, кто начинал интересоваться древностями Туркменистана, в том числе монетным чеканом прошлого, являлись представители русского офицерства, военно-чиновничьей среды².

Так, с именем Николая Николаевича Муравьева (в последующем Муравьева-Карского; 1794—1866) связаны археологические наблюдения по Туркменистану и даже любительские раскопки одного из местных городищ (Гюшм-тепе близ Атрека). Характерно при этом указание самого Муравьева-Карского, что ему «хотелось найти в развалинах какую-нибудь монету, по которой (я) бы мог заключить о древности бывшего города»³.

К примеру, нумизматом-ориенталистом был и офицер И. И. Трофимов, трудами которого хранившиеся в свое время в Ташкентском музее и Кружке любителей археологии «монеты были разложены в витринах по династиям в хронологическом порядке»⁴.

Разумеется, деятельность первых наблюдателей и собирателей археологических и нумизматических находок, при всей ее полезности

для своего времени, не выходила в основном за рамки «собирания и регистрации случайных сведений и предметов»⁵.

К числу офицеров — любителей старины — принадлежал и Александр Виссарионович Комаров, с именем которого неразрывно связана история первых нумизматических сборов и на территории Туркменистана.

Имя Комарова мало что говорит современному поколению среднеазиатских ученых, а тем более краеведов⁶. Между тем его археолого-нумизматические начинания по Средней Азии заслужили право на память и внимание, что обязывает нас, пользуясь случаем, воздать должное его энергичной и плодотворной деятельности в этом направлении.

Как писал нам М. Е. Массон, сведения «об Александре Виссарионовиче Комарове очень нужны теперь, когда молодые специалисты начинают его забывать и вообще не представляют, что это был за человек. Между тем старые туркмены, с которыми я беседовал в 1929 г., отзывались о нем очень хорошо»⁷.

Интерес к познанию исторического прошлого Востока, к собиранию сведений об археологических памятниках и составлению коллекции предметов древности был для А. В. Комарова не случайным; он сопровождал, вообще говоря, всей его служебной деятельности по военному ведомству, казалось бы достаточно далекой от научно-краеведческих, историко-археологических занятий⁸.

Мы не касаемся здесь всех страниц жизни и деятельности А. В. Комарова, в частности его пребывания на Кавказе, где он также заслуженно снискал себе кавказоведческую репутацию и как собиратель древностей (в частности, каменных орудий)⁹, поступавших в Кавказский музей в Тбилиси, петербургский Эрмитаж и другие музеи, и как автор ряда научно-краеведческих статей («Краткий обзор последних археологических находок в Кавказском крае», «Об археологических раскопках на Кавказе», «О раскопках на Кубани и Тереке», «О некоторых предметах древности из Ставропольской губернии», «Обзор и описание пещер и древних могил в Дагестане», «Адаты (обычай и право) дагестанских горцев», «История кюринских и казикумыкских ханов», «Народонаселение Дагестанской области», статья о Сухумском музее и др.). Новейший историограф относит А. В. Комарова к числу «таких просвещенных коллекционеров, (которым) археологическая наука обязана созданием ценных коллекций материальных памятников, поступивших в различные музеи страны»¹⁰.

Будучи начальником Закаспийской области¹¹, Комаров совершал поездки по различным районам вверенной ему территории, используя их возможность и для своих археологических наблюдений, сбора нумизматических находок и других предметов древности.

Постепенно научно-краеведческие занятия А. В. Комарова и его собирательская деятельность стали обращать на себя внимание и получать признание заинтересованных научных учреждений и организаций центра.

Внимательно следило за археологическими начинаниями А. В. Комарова Восточное отделение Русского Археологического общества в Петербурге, о чем может свидетельствовать, например, тот факт, что как только востоковед И. П. Миннаев прочитал в английском журнале «Pioneer Mail» известие о том, что «некий капитан Уэт, беседуя с поручиком К. Лопатиным, узнал со слов последнего, что генерал Комаров нашел интересные вещи в «треухтажном (?)» кургане близ Мерва, Отделение поручило известному гебраисту А. Я. Гаркави немедленно снестись по этому делу с генералом Комаровым [заседание 20 мая 1885 г.]. А. Я. Гаркави, во исполнение порученного ему «сношения с Комаровым

по вопросам, возбужденным И. П. Минаевым о собрании древностей в Асхабаде, сообщил [заседание 5 октября 1885 г.], что Комаров ожидается скоро в Петербурге и тогда можно будет провести с ним личные и более обстоятельные переговоры по вышеозначенным вопросам»¹².

Сведения об интересе А. В. Комарова к местным древностям и об его археологических и нумизматических сборах дошли и до Императорской Археологической комиссии в Петербурге. Первым мероприятием ИАК по фиксации памятников древности Закаспийской области следует считать ее письмо от 27 февраля 1885 г. на имя А. В. Комарова с просьбой о запрещении самовольных раскопок и о желательности содействия его «по части приобретения для пополнения эрмитажных коллекций» местных древностей и монет. Характерны заключительные строки письма: «Комиссии особенно желательно было бы получить памятники древности, относящиеся ко временам бактрийского царства и древнеперсидского господства»¹³.

Обещая свое содействие комиссии, Комаров отмечал в то же время, что «правильных раскопок в области не велось за отсутствием специалистов... Большая часть моей коллекции. — добавлял Комаров, — приобретена покупкою в Персии, во времена моих поездок в Атек, Елотан и Пенде еще до присоединения их к России»¹⁴.

С этих пор устанавливается систематическая связь А. В. Комарова с Археологической комиссией. То же можно сказать и о связях Комарова с Восточным отделением Русского Археологического общества, в котором он выступил 25 февраля 1888 г. с «весьма любопытным» (слова из протокольной записи) сообщением «Закаспийская область в археологическом отношении»¹⁵. В 1889 г. Комаров был избран действительным членом Московского археологического общества¹⁶.

Иногда Комаров не ограничивался беглыми рекогносцировками археологических памятников и предпринимал раскопки разведочного характера, как, например, на городище Эрк-кала (Эрки-тепе) и в других местах. Особое внимание современников привлекли раскопки Комарова на территории такого первоклассного по своему научному значению памятника далекой древности, как холмы («бугры») у селения Анау; лишь в наши дни, в результате открытия и обследования советскими археологами ряда других выдающихся памятников древности Туркменистана культурные отложения Анау перестали занимать первенствующее место в археологии Туркменистана эпохи камня и металла.

«К сожалению, материалы, добытые А. В. Комаровым (а, судя по объему работ, они довольно значительны), остаются до сего времени неизданными и даже неразысканными»¹⁷.

Комаров осуществил «гигантский разрез северного бугра у городища Анау траншеей до 4 м ширины, при общем объеме земляных работ около 2500 м³». Раскоп характеризовался «менее тщательной, чем у В. В. Крестовского (в его раскопках на Афрасиабе. — Б. Л.) фиксацией»¹⁸.

Именно от этих изысканий потянутся нити к раскопкам у селения Анау, предпринятым в 1904 г. «по стопам А. В. Комарова»¹⁹ американской экспедицией под руководством Р. Пампелли, внимание которой к Анау и было вызвано появившимися в печати сообщениями о разведочных раскопках А. В. Комарова в 1888 г.²⁰

Общезвестная поездка в Среднюю Азию ираниста В. А. Жуковского, в результате которой появилась его замечательная работа «Развалины Старого Мерва», также была связана с тем вниманием, с каким была встречена в ученой среде Петербурга информация А. В. Комарова о памятниках древности Закаспийской области («Особое внимание, — указывала Археологическая комиссия В. А. Жуковскому в 1890 г., — об-

ратите на местности, о которых А. В. Комаров указал в своем докладе»²¹.

К числу заслуг Комарова следует отнести и его многократные устные и письменные призывы к проведению археологических изысканий в Закаспийской области, ибо она, убежденно свидетельствовал Комаров, не бесплодная «песочница» (в смысле песчаной пустыни. — Б. Л.), а край весьма богатый в археологическом отношении. Отмечая места развалин на территории области, Комаров писал: «При господстве на этих развалинах древней жизни и культуры слоя мусульманского там обнаруживаются следы и других периодов человеческой жизни — каменного и бронзового»²².

Он указывал особо на развалины «Маст-Деуран» в 100 верстах к востоку от Каспийского моря с мазаром «Шир-Кабир» и давал их описание, пылливо интересуясь вопросом: откуда обитатели этих мест получали воду? Далее указывалось на развалины по Сумбару, в частности в урочище Кары-кала, развалины города Базва (напротив Геоктепе), Старой и Новой Нисы в 16 в. от Асхабада руины Анау, крепости Хосроу-кала и Беш-даг в персидском Атеке, остатки Хива-абада и др.

В окрестностях Мерва им отмечались караван-сарай Таш-рабат, руины пяти древних городов в долине Мерва, на правом берегу р. Мургаба, плотина Султан-бенд вверх по Мургабу, развалины по обоим берегам Мургаба (Чагар-биг, Камбер-баба, Ходжа-Пурсан, Имам-баба, пещеры близ Пендж-дега), около Елотана в местности Тал-хапан-баба — мечеть из фигурного кирпича и кладбище с погребением детей султана Санджара (названия памятников древности даем в транскрипции Комарова).

Осуществленные Комаровым рекогносцировки и пробные раскопки приводили его к выводу, что «в самые отдаленные времена Закаспийская область была заселена обитателями первобытной степени культуры»²³, что, кстати сказать, блистательно подтвердилось последующими разысканиями исследователей и особенно разысканиями советских археологов.

Как и других исследователей интересовал А. В. Комарова вопрос о «старом русле Окса» (Узбое) и возможности его впадения в Каспийское море (Комаров полагал, что Узбой не русло реки, а результат длительной деятельности дождевых потоков)²⁴.

А. В. Комарову принадлежало также сообщение о бабидах в Асхабаде²⁵, замечания по поводу доклада Н. И. Веселовского «О находке глиняных гробов в Самарканде»²⁶ и др.

Известно сочувственное отношение А. В. Комарова к идее организации краеведческого музея в Асхабаде, который был открыт в марте 1899 г.²⁷

Для характеристики богатства нумизматической коллекции Комарова достаточно сказать, что только одна из ее частей насчитывала 687 монет — 463 медные, 206 серебряные и 18 золотые, которые охватывали собою время от VII до XIX вв. Среди них находилось 176 экз. тимуридских монет, 78—саманидских, 58—хорезмшахов, 48—саффаридских, 42—хулагидских, 38—халифских, 38—персидских, 26—шейбанидских и т. д.²⁸ Отдельные же монеты из собраний Комарова неоднократно включались в каталоги восточных монет²⁹, описывались и издавались заинтересованными исследователями³⁰. В. Г. Тизенгаузен называл Комарова «неутомимым собирателем и любителем восточных монет»³¹, А. К. Марков говорил о его «богатой коллекции»³². Академик В. Р. Розен отмечал, что Комаров был одним «из деятельнейших членов общества в области восточной нумизматики», Д. Н. Анучин указывал, что Комаров «был искренний любитель и собиратель всевозможных научных коллекций».

составивших «серьезный вклад в науку»³³. Местная печать сообщала, что у Комарова «имеется целый музей исторических древних предметов и монет, добытых в пределах Закаспийской области в 1883—1889 гг.»³⁴

А. В. Комаров неоднократно передавал свои находки и приобретения в дар научным обществам, музеям и другим учреждениям, в том числе Восточному отделению Русского Археологического общества³⁵. Значительная часть его коллекции поступила в Государственный Эрмитаж (до 3000 монет). Часть археологического собрания А. В. Комарова, включавшая многочисленные предметы древности, в том числе фрагменты оссуариев, «поступила в музей г-на Щукина в Москве»³⁶.

Память А. В. Комарова была почтена вставанием участников заседания Восточного отделения Русского Археологического общества в Петербурге. Было отмечено, что его «богатое археологическое и нумизматическое собрание не раз служило предметом сообщений на заседаниях отделения»³⁷.

И поныне монетные собрания Комарова занимают видное и почетное место в нумизматических собраниях Государственного Эрмитажа. В частности, по словам виднейшего советского нумизмата-ориенталиста А. А. Быкова, из состава «большой коллекции (монет сасанидских царей Ирана), в числе которой немало уникальных... более 1000 монет были собраны И. А. Бартоломеем... как и 300 с лишним сасанидских монет коллекции генерала А. В. Комарова»³⁸.

Существенным недостатком нумизматических собраний А. В. Комарова являлось отсутствие паспортизации значительной части находок по месту и обстоятельствам их обнаружения.

В значительной мере это явление, обычное для многих нумизматических собраний своего времени, не зависело от самого Комарова. Поступления в его коллекцию шли самыми разными путями: личным находкам Комарова (их было явное меньшинство) сопутствовали приобретения монет на базарах³⁹ (как часто в таких случаях бывает) — через вторые и третьи руки. Не все сведения рассказчиков о местах и условиях находок были достоверны. Многие находки были и вовсе лишены каких-либо о них сведений, являлись в этом отношении безымянными.

В лучшем случае, когда находки монет осуществлялись на территории древних поселений Закаспия или вблизи их и притом в ходе рекогносцировочных наблюдений, осуществлявшихся самим Комаровым или лицами, действовавшими по его поручению, они оказывались «привязанными» именно к данному конкретному поселению, к данному пункту (но не к той или иной части его площади, а тем более без привязки к определенному культурному слою). Но и в этом случае речь шла почти исключительно о сборах и находках на поверхности данного поселения или пункта.

Сами методы сбора монетного материала, практиковавшиеся Комаровым, выглядят в наши дни весьма своеобразными и способными вызвать у современных исследователей (находящихся во всеоружии установившейся научной методики фиксации процесса разведочных и раскопочных работ) чувства недоумения, иронии, осуждения.

По словам самого Комарова он практиковал иной раз сборы монетного материала на поверхности древних поселений с помощью десятков воинских чинов, двигавшихся из конца в конец территории поселения и внимательно присматривающих ко всему примечательному, что встречалось «под ногами»: «На урочище Ишан-баба... казаки в час времени набрали более 500 монет и резных камней и бус... Однажды 100 казаков в течение двух часов подобрали в старом Мерве до 1500 монет...»⁴⁰.

В роли «археологического комиссионера» у Комарова выступал

туркмен, стывший среди местного населения под прозвищем Кизил-тапаң — «золтонаходчик»; «он всегда после дождя собирает много золотых обломков на счастливых местностях»⁴¹.

При оценке подобного рода метода сбора монетных материалов нельзя, однако, судить о нем «вне времени и пространства» и только с позиций сегодняшнего дня в развитии науки. Начать с того, что если бы не эти сборы, многое, лежавшее в те дни на поверхности, все равно не дошло бы до нашего времени, и не оказалось в руках исследователей. Кроме того, если даже иметь в виду беспаспортность части монетных находок в собраниях Комарова — в данном конкретном случае все они, как правило, происходили с территории Туркмении и соседних с нею областей Персии (Ирана) и принадлежали в большинстве к чекану определенных средневековых династий Средней Азии и прилегающих к ней областей. В этом широком историческом плане даже беспаспортные находки из монетных собраний Комарова являлись не столь уж оторванными от ареала своего происхождения и распространения. Были, наконец, в собраниях Комарова и такие уникальные находки, которые вне зависимости от места последних, восполняли лакуны нумизматической хронологии отдельных династий и проливали дополнительный свет на некоторые недостаточно ясные исследователям вопросы датировки монет определенного типа и т. п.

Нельзя, таким образом, недооценивать бескорыстных и для своего времени плодотворных усилий А. В. Комарова. Его нумизматическая деятельность была весьма полезной, содействуя накоплению фактического материала к познанию средневековой нумизматики Средней Азии⁴².

Поучительно, что в общей сложности монетные сборы Комарова в Закаспийской области существенно превышали всю совокупность известий о монетных находках в этой области, доходивших до сведения дореволюционных властей и ученых учреждений. Обстоятельнейшая сводка этих известий была составлена и опубликована в материалах ЮТАКЭ З. А. Альхамовой⁴³ (рис. 1).

Основываясь на данных, публиковавшихся в различных печатных изданиях и кропотливо собрав эти данные, З. А. Альхамова воспроизвела сведения о монетных находках, сделанных в 1886, 1888—1891, 1899, 1902, 1904, 1912—1913 (?) и др. годах.

Повторять в какой-либо степени эти данные в нашей статье нет надобности.

Ограничимся некоторыми отдельными дополнениями, основанными на данных, извлеченных нами по Средней Азии и Казахстану из Архива б. Императорской Археологической комиссии, входящего ныне в состав Архива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (Архив ЛОИА) и постепенно вводимых нами в научный обиход⁴⁴.

Так, 7 июля 1890 г. начальник Закаспийской области направил в дар ИАК 1 серебряную и 1 медную монеты, найденные Дурды-баем при расчистке колодца в песках между Иолотаном и Серахсом. Иолотанского приставства Мервского округа. По заключению А. К. Маркова это были «монеты сефевидов»⁴⁵.

13 мая 1891 г. начальник Закаспийской области направил в ИАК золотую монету, найденную в местности Адам-Юлан Серахского приставства Тедженского уезда. Это был саманидский динар, чеканенный в Нисабуре в 389 г. хиджры Мансуром, сыном Нуха⁴⁶.

9 октября 1897 г. начальник Закаспийской области переслал в ИАК шесть золотых монет, найденных Овезовым, жителем аула Сухты, Мервского уезда. То были сельджукские монеты XI и начала XII в. Находка эта учтена в сводке, составленной З. А. Альхамовой в пределах

сведений, сообщенных о ней в Отчете Археологической комиссии за 1897 г.⁴⁷ Из архивных данных мы узнаем, что, согласно компетентному определению А. К. Маркова, это были (в его транскрипции) сельджукиды Персии — динар Мелик-шаха. Нисабур, 485; динар Мухаммеда и Синджара, Нисабур, 509 г.; четыре динара Синджара, год и место чекана стерты⁴⁸.

Что касается отмеченной в сводке З. А. Альхамовой находки 1888 г. на берегу Амударьи (близ входящего ныне в состав Туркменской ССР города Керки) «в глиняном кувшине 36 серебряных сасанидских монет Варахрана V (420—438 гг.)»⁴⁹, то, по архивным данным, находка эта была сделана «на возвышенности около города Карки (Керки) около Каркинской переправы» и передана в дар

Рис. 1. З. А. Альхамова.

ИАК начальником самаркандской инженерной дистанции полковником Павловым. Из этих же данных (как и из данных ОАК) явствует, что вместе с монетами Павловым были переданы металлическая (медная) «восточная ступка», из того же материала сделанный пестик, круглый медный котел, медный таз и глиняный сосуд⁵⁰. Кроме серебряных монет, были найдены еще 2 золотые монеты⁵¹.

Согласно архивным данным, по заключению специалистов 2 золотые монеты оказались «индоскифскими», а 31 серебряная монета — сасанидским чеканом Варахрана V (27 более или менее сохранившимися, остальные в обломках). В архиве хранятся фотографии восьми экземпляров монет⁵².

В письме от 3 марта 1972 г. М. Е. Массон сообщил нам, что у него «сложилось впечатление, что в Керки в 80-х гг. прошлого столетия были две примерно одновременные находки и с одинаковыми монетами, т. е. «индоскифскими» (как говорили в XIX в.) и сасанидскими (Варахран V)».

Опубликованные и архивные данные не дают нам возможности прямого и точного ответа на этот вопрос. Следует признать, однако, что предположение М. Е. Массона не лишено оснований.

В самом деле. По данным печатного отчета ИАК было найдено 36 серебряных сасанидских монет и глиняный кувшин (в котором, как установлено М. Е. Массоном, они содержались). Архивные данные говорят о нахождении двух золотых и 31 серебряной монеты, хотя и в одном и в другом случае речь идет о сасанидских монетах Варахрана V.

Вопрос, как видим, нуждается в дополнительном выяснении и уточнении. Автор статьи не располагает необходимыми для этой цели данными.

Таковы некоторые дополнительные сведения к истории начального этапа в истории собирания и изучения монетных находок на территории Туркменистана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Литвинский Б. А. К истории Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. — «Изв. Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР», 1957, вып. 14. Душанбе, с. 158. В 1874 г. был образован Закаспийский отдел в составе Кавказского военного округа, а в 1899 г. последовало присоединение Закаспия к Туркестанскому генерал-губернаторству.

² Как писал об этом выдающийся русский художественный критик и искусствовед В. В. Стасов «военные люди, которым обычно нет дела до древностей... теперь... интересуются развалинами, помышляют об их важности для науки, отряжают часовых, чтобы сторожить их, стараются о спасении их от... всякого вреда... Не прекрасно ли это, не приятнейшая ли это у нас новость» (В. В. Стасов. Собр. соч., т. 2. СПб., 1894, с. 192).

³ Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 гг. гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров, 1822, ч. 1. М., с. 29; Ср.: А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии. М., Изд-во АН СССР, 1961, с. 93; Автобиографические записки Муравьева. Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского. — «Русский архив», 1888, кн. 1, с. 71—92; кн. 2, с. 235—258; кн. 3, с. 393—432.

⁴ Описание нумизматических коллекций Ташкентского музея и Туркестанского Археологического кружка. (Составил И. И. Трофимов). Ташкент, 1901, с. 8. (Приложение к ПТКЛА, VI, 1901); Ср. Лукин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский Кружок любителей археологии (1895—1917 гг.). Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, с. 39, 164. По свидетельству М. Е. Массона, И. И. Трофимов «с конца прошлого столетия главное внимание уделял... монетам Караханидов». (Массон М. Е. Фрагменты надписи караханидского мавзолея с городища Афрасиаб. — Эпиграфика Востока, 1971, вып. 20. Ленинград, с. 83). В протоколах заседаний ТКЛА Трофимов именовался «единственным в Туркестанском крае знатоком восточной нумизматики». В разное время собранием монет и других предметов древности по Средней Азии занимались также офицеры А. К. Абрамов, Л. С. Баршевский, А. С. Галкин, военный инженер Б. Н. Кастальский, командир 2-й Закаспийской стрелковой бригады Н. П. Линевиц, военный инженер И. Т. Пославский и др.

⁵ Массон М. Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении (ч. 1) — Труды Среднеазиатского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Новая серия, вып. 81. Исторические науки. кн. 12. Археология Средней Азии. Ташкент, 1956, с. 12.

⁶ А. В. Муравьев родился в 1823 г. в семье гусарского офицера — участника Отечественной войны 1812 г. Воспитывался в Павловском кадетском корпусе, в 1855 г. окончил Военную академию, вслед за тем начал службу на Кавказе. В 1869 г. был направлен в Закаспий для устройства здесь гражданского управления. В 1882 г. назначен начальником Закаспийской области. С его именем связано относительно мирное принятие черкесскими туркменами российского подданства (1884 г.; ср.: Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М., Изд-во восточной литературы, 1960, с. 131—172). Умер Комаров в 1904 г. В ученом мире он пользовался известностью и как любитель археологии и нумизматики, и как собиратель орнитологических и палеонтологических коллекций на Кавказе (в частности, в Дагестане), поступивших в Кавказский музей в Тбилиси. Социально-политическая характеристика деятельности Комарова требует специального исследования.

⁷ Письмо М. Е. Массона к автору данной статьи от 26 марта 1972 г.

⁸ Комаров Александр Виссарионович (1823—1904). — Военная энциклопедия, т. 13, СПб., 1913, с. 64; Комаров Александр Виссарионович. — Большая энциклопедия, т. 11. Изд. 4-е. СПб., 1896, с. 228; Комаров А. В. Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 22. Пг., 1916, столб. 298.

⁹ П. С. Уварова отмечала, что до Комарова «не удавалось никому собрать такую богатую коллекцию как обсидиановых, так и кремневых орудий». — Труды Московского археологического общества, 1907, т. 21, вып. 2. М., с. 103.

¹⁰ Крупная Е. И. Древняя история Северного Кавказа. — М., Изд-во АН СССР, 1960, с. 31. Часть кавказской коллекции Комарова («предметы начала железного века») описана Эрнестом Шантром («Recherches anthropologiques dans le Caucase», Paris, 1885).

¹¹ В этой должности Комаров пребывал до 1890 г.

¹² ЗВОРАО, 1867, т. 1, СПб., с. 4—5.

¹³ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, л. 21, л. 1. Архив Имп. археологической комиссии, ныне архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

¹⁴ Там же, л. 5 об.

¹⁵ ЗВОРАО, 1868, т. 3, СПб., с. 4 (вопреки указанию, что подробный отчет об этом сообщении будет напечатан в «Записках», публикации такого отчета на страницах «Записок» не последовало). Подробнее о докладе Комарова см.: Джурджулов М. Д. Археологическая деятельность А. В. Комарова в Закаспии (К истории археологического изучения Туркестанского края) — Труды СМГУ. Новая серия, вып. 135. Археология Узбекистана. Самарканд, 1964, с. 134—139.

¹⁶ Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914 гг.), т. 1—2. Биографический словарь членов общества.

Под редакцией П. С. Уваровой и И. Н. Бороадина. М., 1915. [Венгеров С. А.] Источники словаря русских писателей. (Собрал С. А. Венгеров). Т. 3. Пг., 1914. Анушин Д. Н. О людях русской науки и культуры (Статьи, некрологи и заметки). М., Географиз, 1948 (также 2-е изд., 1952).

¹⁷ Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., «Наука», 1966, с. 4 (введение, автор В. М. Массон). Раскопки Комарова велись на северном холме Анау и сопровождались множеством археологических находок, в том числе характерной для Анау керамики с расписными узорами (ср.: Ставицкий Б. Я. Между Памиром и Каспием. Средняя Азия в древности. М., «Наука», 1966, с. 12—13).

¹⁸ Массон М. Е. Среднеазиатская археологическая школа ТашГУ. — Труды Ташкентского гос. ун-та им. В. И. Ленина, 1966, вып. 295. Археология Средней Азии, вып. VII. Ташкент, с. 4. Ср.: Архив ЛОИА, ф. 1, л. 47.

¹⁹ Хлопин И. Н. Племена раннего энеолита Южной Туркмении. (Геоксидский оазис). Л., ЛГУ, 1962, с. 3.

²⁰ Результаты работ экспедиции Пампелли общезвестны: при весьма несовершенной методике раскопок в сочетании с сенсационного характера сообщениями об их результатах, экспедиция все же содействовала введению в научный оборот древних культур Анау.

²¹ Архив ЛОИА, ф. 1, л. 47, л. 3—4.

²² Комаров А. В. Закаспийская область в археологическом отношении. — «Туркестанские ведомости», 1888, 21 июня, 1888, 28 июня (Извлечено из газеты «Новости», 1888, 2 марта; 1888, 5 марта). Ср.: «Туркестанская туземная газета», 1888, № 19.

²³ «Туркестанские ведомости», 1888, 28 июня.

²⁴ Комаров А. В. Возражения на сообщение В. В. Бартольда «К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море». — ЗВОРАО, 1902, т. 14. Спб., с. 11—12 (Ср.: Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. — Соч., т. 3. М., 1965, с. 18).

²⁵ ЗВОРАО, т. 7. Спб., 1892, с. 3.

²⁶ Там же, т. 13, Спб., 1901, с. 4.

²⁷ Литвинский Б. А., с. 159.

²⁸ Тизенгаузен В. Г. Новое собрание восточных монет А. В. Комарова. — ЗВОРАО, т. 3. Спб., 1889, с. 51—84.

²⁹ Марков А. К. Каталог джелаиридских монет. — Спб., 1897, с. 4 (8 серебряных джелаиридских монет из коллекции Комарова в собраниях Эрмитажа); Он же. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа (с 4 добавлениями). Спб., 1896—1906 и др.

³⁰ Медников Н. По поводу монеты № 1 коллекции А. В. Комарова. — ЗВОРАО, 1899, т. 3. Спб., с. 276—277 (аббасидский фельс, чеканенный в Мерве в 156 г. х.); Тизенгаузен В. Г. Нумизматические новинки. — ЗВОРАО, 1892, т. 6. Спб., с. 229—264; Марков А. К. Неизданные арсакидские монеты. — ЗВОРАО, 1892, т. 6. Спб., с. 265—304 и др.

³¹ ЗВОРАО, т. 6, с. 220.

³² Там же, с. 215.

³³ ИАК, Прибавление к вып. 14. Спб., 1905, с. 3, 8 (ЗВОРАО, т. 16, с. 30).

³⁴ Археология в Закаспийском крае. — «Асхабад», 1900, № 47 (перепечатано: ИТКЛА, В. Ташкент, 1900, с. 66—68).

³⁵ Ср.: ЗВОРАО, т. 16. Спб., 1906, с. 18 и др.

³⁶ Бартольд В. В. К вопросу об оссуариях. — Соч., т. 4. М., 1966, с. 171.

³⁷ [О кончине А. В. Комарова. Сообщение]. — ЗВОРАО, т. 16. Спб., 1906, с. 30. Архив А. В. Комарова хранится в Ленинградском отделе Института востоковедения АН СССР, ф. 71, 24 ед. хранения. Однако фонд этот охватывает лишь материалы 1874—1876 гг. (ср.: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР, 1962, т. 1, от А до М, с. 343).

³⁸ Нумизматика в Эрмитаже. Обзор коллекций. — «Нумизматика и эпиграфика», вып. 2. М., «Наука», 1971, с. 164. Быков А. А. — «Восточные монеты»).

³⁹ Так, например, 20 «восточных серебряных монет» было обнаружено стрелками 8-го батальона при рытье землянок в местности Сары-Язы на Мургабе. В этом случае место находки фиксировалось довольно определенно (Архив ЛОИА, ф. 1, л. 21, л. 6).

⁴⁰ Архив ЛОИА, ф. 1, л. 47, л. 17—18 (ср. «Туркестанские ведомости», 1888, 28 июня).

⁴¹ «Туркестанские ведомости», 1888, 28 июня.

⁴² Мы говорим «средневековой», имея в виду, что монеты этого периода преобладали в собраниях Комарова, а монеты более древнего времени соотносительно со средневековыми были более редки. Известно, однако, что Комаров располагал и находками монет античного времени. «Греческие монеты» были, в частности, обнаружены Комаровым в верхней части «трехэтажного» кургана в районе к северо-западу от Мерва (ср.: Массон М. Е. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1964 г. — Материалы ЮТАКЭ, 1949, вып. 1. Ашхабад, с. 138; ср. сообщение об этом И. П. Миняева: ЗВОРАО, 1886, т. 1. Спб., с. 4.

⁴³ *Альхамова З. А.* Зарегистрированные монетные находки в Южном Туркменистане с 1884 до 1946 г. (по опубликованным данным). — Материалы ЮТАКЭ, 1949, вып. 1. Ашхабад, с. 127—137. Печатное научное наследие З. Альхамовой (рис. 1) невелико, но заслуживает доброго слова. Альхамова (одна из учениц М. Е. Массона по кафедре археологии Ташкентского гос. университета им. В. И. Ленина) со студенческой скамьи проявила любовь к делу и несомненные научные способности. Смерть беспощадно рано оборвала плодотворно начинавшуюся работу З. Альхамовой. Ее первые нумизматические опыты были встречены научной общественностью весьма положительно. По поводу статьи З. Альхамовой об одном из кладов тимуридских монет XV в. М. Е. Массон писал, что «до сих пор не было ни одной исследовательской публикации клада монет тимуридского государства за исключением моей покойной ученицы З. А. Альхамовой» (*Массон М. Е.* Клад медных монет XV в. из Оша. — «Эпиграфика Востока», вып. 13. М., 1960, с. 123). Альхамовой была свойственна вдумчивая нумизматическая наблюдательность. Так, изучая клад медных тимуридских монет, она сделала заключение, что монеты без имен государей, но с обозначением места чекана являют собою чекан государственный, а не городской чекан в полном смысле этого слова, о серийности чекана с 832 до 853 г. х. на всех монетных дворах, что нашло подтверждение в последующих изысканиях других исследователей, правда, только в отношении чекана Бухары. Ей же принадлежала первая попытка периодизации чекана и обращения медных монет XV в. По словам современного исследователя, «некоторые из сделанных ею (Альхамовой. — *Б. Л.*) выводов не потеряли своего значения» (*Давидович Е. А.* Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений на территории Южного Таджикистана в XV в. — В кн.: Абурахман Джами. (Сборник статей). Душанбе, «Ирфон», 1965, с. 32. Зулейка Абдурахимовна Альхамова родилась в октябре 1921 г. в городе Стерлитамаке Башкирской АССР в семье служащего. В 1929 г. ее семья переехала в Ташкент. В 1940 г. окончила среднюю школу с аттестатом отличия, поступив в том же году на исторический факультет САГУ. Окончила университет и в 1945 г. была зачислена ассистентом кафедры, являлась затем аспиранткой САГУ по кафедре археологии. Во время пребывания в аспирантуре ездила в Москву и Ленинград для работы в музеях. В октябре 1948 г. была допущена к чтению лекций на кафедре (основы археологии, специальные дисциплины), но уже 13 января 1949 г. последовал приказ по университету о ее выбытии из рядов преподавателей за преждевременной смертью (Архив ТашГУ, фонд № 9, дело без номера, Истфак).

⁴⁴ *Лунин Б. В.* К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана. (По архивным данным). — История материальной культуры Узбекистана, 1969, вып. 8. Ташкент, с. 169—192.

⁴⁵ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 117, 1890, л. 1—4.

⁴⁶ Там же, д. 73, 1891, л. 1—8.

⁴⁷ Отчет Императорской Археологической комиссии за 1897 г. Спб., 1900, с. 17; *Альхамова З. А.*, с. 131.

⁴⁸ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 229, 1897, л. 1—4.

⁴⁹ «Клад, — пишет Альхамова, — был переслан в Археологическую комиссию (1889 г.); кувшины хранятся в Ташкентском музее» (Цит. соч., с. 130). Альхамова ссылается при этом на ОАК за 1889 г. (Спб., с. 88), где значится «36 серебряных сасанидских монет и отдельно еще одна (переданная Н. П. Остроумовым) находка серебряной сасанидской монеты «из того же каркинского клада» (там же, с. 88). Ср.: *Лунин Б. В.*, с. 192.

⁵⁰ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 18—39. Нахождение монет именно в глиняном кувшине подтверждается документальными данными, обнаруженными М. Е. Массоном в архиве (*Альхамова З. А.*, с. 136). Из дошедших до нас данных не явствует, что находки медных изделий были сделаны вместе с монетами и составили вместе с ними содержание одной находки.

⁵¹ См. у Альхамовой по данным ОАК за 1889 г. (Спб., 1892, с. 88): «При устройстве укреплений в г. Керки в 1888 г. на берегу Аму-Дарьи были найдены две золотые монеты Кушанов, которые в следующем году были доставлены в Археологическую комиссию» (с. 130). Заметим, что на странице 95-й ОАК за 1889 г. в разделе поступлений в Комиссию (через А. В. Комарова. — *Б. Л.*) случайно найденных древностей значатся также «154 золотые газневидские и сельджукские монеты XI в., найденные в Мервском округе Закаспийского края близ Талхатап-боба» и «серебряные и медные восточные монеты XII—XVIII вв., найденные в Закаспийской области (Мервский округ)» и в других местах страны. У Альхамовой (с. 131) указывается на нахождение «около 60 экземпляров» золотых монет; как видно, Альхамова указала лишь те монеты, которые подверглись описанию В. Т. Тизенгаузеном.

⁵² Имеются также рисунки сосуда и ступки с пестиком, котла и тали.

КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ ХУЛАГУИДСКИХ МОНЕТ ИЗ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

Весной 1942 г. во время земляных работ на развалинах городища Мадау среди остатков кирпичной кладки был обнаружен глазурованный кувшинчик, содержащий 430 целых и 50 обломков серебряных монет. В апреле того же года клад был доставлен в Ташкент одним офицером и передан в коллекцию Института истории и археологии АН УзССР, где он хранится и по настоящее время (инв. № 2396—2825).

Городище Мадау расположено примерно в 25 км к северу от р. Атрек и 80 км к востоку от побережья Каспийского моря на территории средневекового Дахистана. В 1930 г. после обследования этого городища археолог А. А. Марущенко почему-то отнес его к категории «неукрепленных»¹. В 1947 г. городище было обследовано Х маршрутным отрядом ЮТАКЭ под руководством профессора М. Е. Массона².

М. Е. Массон отождествил городище Мадау со средневековым городом Ахур, а также установил ошибочность заключения А. А. Марущенко о том, что Мадау «неукрепленное» городище. М. Е. Массоном установлен факт наличия в Мадау цитадели площадью в 1 га и остатков крепостных стен, охватывающих площадь, протяженностью (с севера на юг) около 1 км³.

Предварительная обработка клада была осуществлена В. А. Шишкиным: он определил 139 дирхемов и прочел на них наименования 27 монетных дворов. Оказалось, однако, что 40 из 139 монет были определены неверно: слово النصر «помощь» в религиозной формуле بسم الله В. А. Шишкин принял за наименование монетного двора الحرم («Басра»). В действительности эти монеты были чеканены в Султанин, Тебризе, Ширазе и других городах. Монетный двор, расшифрованный В. А. Шишкиным как «Азербайджан», оказался Арзанджаном.

Продолжив работу над кладом, автор этих строк, помимо внесения указанных поправок, определил еще 125 монет. Были прочтены наименования 12 новых (помимо 26, определенных В. А. Шишкиным) монетных дворов: Абу Исхак, Арзанджан, Гулистан, Джаджерм, ал-Джей, Лахи-

джан, Марага, Мааден Кумиш, Базар, Санджар, Таус, Хилла и Хой. Кроме того, дано предположительное чтение для шести монетных дворов Арган, Гарни, Ирбил, Мардин-ал-Хелат и Хисн... (Хисн Кейф?), в отношении которых нельзя быть абсолютно уверенными в правильности предположенного нами чтения ввиду плохой сохранности монет и неразборчивости надписи. Однако этим число монетных дворов не исчерпывается: в кладе имеется несколько дирхемов, выпущенных, судя по остаткам надписей, на других, нежели вышеупомянутые, монетных дворах. Расшифровывать их наименования, к сожалению, не представляется возможным из-за плохой сохранности монет.

Итак, дирхемы Мадауского клада выпущены на монетных дворах более 44 наименований. Хронологически клад охватывает правление трех хулагуидов: Газан-хана (1295—1304) — 1 монета, не сохранившая даты и наименования монетного двора; Олджайту (1304—1316)—6 мо-

Таблица

Монетные дворы и годы чеканки дирхемов

Город	Год хиджры											
	718	719	720	721	722	723	724	725	726	71 (?)	72 (?)	7 (?)
Абу Исхак		1										1
Арзанджан		1	1									1
Ардебиль		1										
Арран (?)	1											
Ахлат												2
Багдад		1	5	1	3	1	2	3				29
Басра												3
Байбурт					2	1	1		2		1	
Базар		2	1									6
Барда'а		1										2
Васит		2										9
Гарни (?)												1
Гилян							1		1			2
Гулистан		1						1				
Дамган					1							
Джаджерм					1							1
Джам (?)												1
ал-Джей												1
Ирбил												1
Исфахан					3	2						1
Иезд							2					1
Кашан		2		1								4
Лахиджан							1					1
Марага		1				1			2			6
Мааден Кумиш												1
Базар												
Мардин (?)												3
Мосул						1						
Рей						1						3
Решт						2						3
Санджар					1							2
Савэ												5
Сейвас				2				1				2
Султания			4	3				1				2
Таус			1			4						
Тифлис			1								1	6
Тебриз			2	4	8	1	1	1				
Хаммадан			2	1								3
Хисн Кейф (?)						1	1	1	1	4		32
Хилла											4	1
ал-Хелат (?)											2	2
Хой						1						2
Шираз			1									
Шустар						1						1
Эрзерум						1						7
												3
												1

нет, на одной из которых дата (71/4 г. х., а на другой — наименование монетного двора, Багдад) и Абу Сауда (1316—1335) — 423 монеты.

Дирхемы Абу Сауда выпущены между 718/1318 и 726/1326 гг., причем из 102 точно датированных монет только 9 приходится на 726 г. х. Это обстоятельство позволяет датировать клад 726 — началом 727 г. х. (таблица).

Наиболее обильно в кладе представлен чекан Тебриза (58 дирхемов) и Багдада (45). Затем следуют Султанния (18) и Васит (12). Остальные города представлены дирхемами в количестве от одного до девяти.

Хронологически наибольшее количество монет клада падает на 719 г. х. (24 дирхема), затем следуют 722 г. х. (23) и 720 г. х. (17 дирхемов). В составе клада можно выделить несколько типов монет, которые, видимо, в тот или иной период были обязательны не для одного, а для всех монетных дворов. Некоторые из типов дают также и варианты.

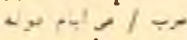
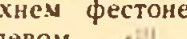
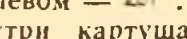
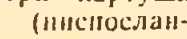
В начале работы над кладом автор разработал собственную классификацию типов, однако впоследствии в связи с выходом в свет монографии М. А. Сейфеддини «Монеты ильханов XIV в.»⁴ была принята унифицированная типология хулагуидских монет, предложенная этим исследователем.

Чекан Газан-хана (1295—1304) представлен лишь одним не сохранившимся выпускных сведений дирхемом, который М. А. Сейфеддини относит к пореформенному унифицированному типу⁵. Такие дирхемы, содержащие надписи на уйгурском и арабском языках, хорошо известны и неоднократно публиковались, в связи с чем описание дирхема плохой сохранности из Мадауского клада опускаем, отослав читателя к последним публикациям аналогичных монет⁶.

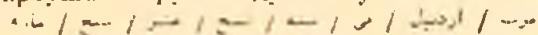
Чекан Олджайту (1304—1316) представлен шестью монетами. Одна из них, не сохранившая выпускных сведений, относится к I, а остальные — к IV типу по классификации М. А. Сейфеддини⁷. Одна из монет IV типа выбита в Багдаде, другая сохранила дату (71/4 г. х.). Дирхемы Олджайту I и IV типов также хорошо известны и неоднократно публиковались.

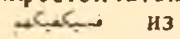
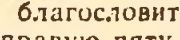
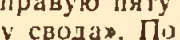
Чекан Абу Сауда (1316—1335) представлен 423 дирхемами, которые по классификации М. А. Сейфеддини относятся к III—V типам⁸. Так как дирхемы Мадауского клада дают варианты этих типов, специально М. А. Сейфеддини не оговоренных, а, возможно, и неизвестных ему, приводим описание типов и вариантов.

Тип III представлен 255 дирхемами. Хронологически он охватывает 718—722 гг. х., географически — Абу Исхак, Арзанджан, Ардебиль, Арран, Багдад, Базар, Берда'а, Васит, Гарни, Джалджерм, Джей, Пезд, Кашан, Марага, Мосул, Савз, Сейвас, Султанния, Таус, Тебриз, Тифлис, Хаммадан, Хисн Кейф (?), Хилла, Шираз и Шустар.

В линейном и точечном ободке сложный картуш в виде квадрата с четырьмя фестонами посередине его сторон. В картуше: слово помещено в верхнем фестоне картуша. В правом фестоне — , в нижнем — , в левом — . Таким образом, в правом, нижнем и левом фестонах внутри картуша размещена религиозная формула: «Превосходна помощь (ниспосланная) от аллаха».

По краям картуша снаружи идут выпускные сведения:

В линейном и точечном ободке изображение четырехфестончатой арки — «михраба», причем «михраб» образован словом из религиозной формулы («аллах благословит вас, он все слышит, все знает»). Буквы образуют «правую пятую свода»; буква — «сам свод и буквы — «левую пятую свода». По

бокам свода — «михраба» расположены остальные слова формулы. В «михрабе» размещена калима: لا اله الا الله محمد رسول الله и имена четырех праведных халифов: Абу Бекра, Османа и Али.

Существуют варианты этого основного типа:

1. На аверсе в правом фестоне — الملك, в левом — لله, в нижнем фестоне наименование монетного двора.

2. На реверсе под именем халифа Османа наименование монетного двора.

3. На аверсе в правом фестоне — الله, в левом — غل, в нижнем — ملك. В третьей строке легенды поля: غرب تبريق

4. На аверсе над 2 и 3 строками легенды поля: غرب تبريق

5. На реверсе по бокам свода-«михраба»: على الله عليه و سلام

6. На аверсе в фестонах надпись отсутствует.

7. На аверсе в правом фестоне — نعم, в левом — الله; в нижнем — наименование монетного двора.

Тип IV представлен 91 дирхемом. Хронологически он соответствует типу III и охватывает 722—723 гг. х., географически — Абу Исхак, Багдад, Байбурт, Васит, Дамган, Джам, Исфоган, Пезд, Ирбил, Кашан, Мааден Кумиш, Базар, Марага, Мардин, Мосул, Рей, Санджар, Савз, Султанна, Тебриз, Тифлис, Хаммадан, ал-Хелат, Шираз, Шустар, Эрзерум.

A₁. В линейном и точечном ободке картуш в виде пятиконечной звезды с низкими широкими лучами. В картуше:

في ايا / غرب / م دوله السلطان / الا عظم / ابو سعيد بنادر / حلد الله ملكه

По краям картуша снаружи идет дата выпуска: سنة | اثني | عشرين | صبح | فيه

R₁. В линейном и точечном ободке в поле: لا اله الا الله محمد رسول الله над второй и третьей строками легенды «узлы счастья» и наименование монетного двора غرب / ابو اسحاق. Над легендой: Абу Бекр, справа от нее — Умар, снизу — Осман, слева — Али.

Тип V представлен в Мадауском кладе 77 дирхемами. Хронологически они охватывают 723—726 гг. х., географически — Арзанджан, Ахлат, Багдад, Базар, Байбурт, Басра, Васит, Гилян, Гулистан, Исфоган, Лахиджан, Решт, Савз, Сейвас, Тебриз, Хой, Шустар.

A₁. В поле в линейном ободке:

غرب / السلطان ابو سعيد / بنادر خان حلد الله ملكه / بغداد

Круговая легенда заключена в один линейный и один точечный ободок:

مرسته ارجح و عشرين و ستمائة

R₁. В линейном и точечном ободке квадратный картуш. В картуше: لا اله الا الله محمد رسول الله В сегментах между ободком и краями картуша имена халифов: Абу Бекра, Умара, Османа и Али.

После анализа состава клада необходимо вкратце остановиться на вопросах метрологического порядка. Подавляющее большинство монет представляют собой двойные дирхемы, вес которых колеблется в основном в пределах от 3,42 до 3,7 г. При построении графика вес этих монет уложился в три пирамиды, вершины которых и являются ремеднумом.

I пирамида: вершина 3,59 г (8 шт.), затем идет вес 3,58 г (6 шт.) и 3,6 г (4 шт.).

II пирамида: вершина — 3,52 г (36 шт.), края: 3,56 г (9 шт.) и 3,5 г (18 шт.).

III пирамида: вершина 3,47 г (13 шт.), 3,49 г (9 шт.) и 3,45 г (6 шт.).

Итак, вес двойных дирхемов Абу Саида постепенно понижался.

Для одинарных дирхемов, которых в составе клада очень мало, у нас получилась пирамида с вершиной 1,75 г (3 шт.) и краями 1,74 г (2 шт.) и 1,7 г (2 шт.).

Помимо этого, в кладе есть тройные дирхемы весом в 5,21 г и 5,3 г, а также серебряные динары (достоинством в 6 дирхем), вес которых

10,74 г (2 шт.) и 10,7; 10,62; 10,43; 10,40; 10,32 — по одной штуке.

А. К. Марков снижение веса монет Абу Саида делит на два этапа: I — от начала правления до 733 г. х., когда вес дирхема упал до 1,75 г; II — с 733 г. х. до конца правления, когда вес дирхема дошел до 1,4 г.⁸ М. А. Сейфеддини выделяет три этапа: I—717—727 г. х.; средний вес снизился до 1,72 г; II — 727—734 г. х.; средний вес упал до 1,6 г; III — приходится на конец правления Абу Саида, когда вес дирхема снизился до 1,438 г¹⁰.

Таким образом, наш клад состоит из дирхемов I периода (т. е. 717—727 гг. х.) и в целом соответствует картине, полученной М. А. Сейфеддини.

Несколько слов об исторической обстановке в государстве Хулагуидов. Абу Саид вззошел на престол в 716 г. х. в возрасте 12 лет. Его регентом был всемогущий эмир Чупан. Постепенно вся власть в государстве переходит в руки Чупана. В 725 г. сын Чупана, Димишк-ходжа, становится визирем. Возникает реальная опасность для правления Абу Саида, которого, видимо, уже давно тяготила опека Чупана. Пятого числа месяца Шавваля 728 г. х. (24 августа 1327 г.) по приказу Абу Саида производится нападение на дом Димишк-ходжи, которого убивают. Чупан, находившийся в это время в Хорасане, убивает в отместку Саида, бывшего до Димишк-ходжи визирем Абу Саида, и спешит в Ирак, чтобы расправиться с Абу Саидом. Султан выступает ему навстречу¹¹. Именно в это тревожное время, когда назревала кровопролитная гражданская война, и был зарыт Мадауский клад, хозяин которого решил припрятать его до лучших времен, которые для него, видимо, так и не наступили.

Мадауский клад дает нам весьма яркую иллюстрацию к вопросу о торгово-экономических связях средневекового Ахура, который был в свое время весьма значительным торгово-ремесленным центром, а по словам Имад ад-дина Исфагани (около 1183 г.) даже главным городом Дахистана¹².

Итак, судя по материалам Мадауского клада, в первой половине XIV в. в денежном обращении средневекового Ахура участвовали дирхемы, выпущенные монетными дворами более 44 городов. Мадауский клад хулагуидских дирхемов дает важные сведения для истории денежного обращения и экономических связей средневекового Ахура в первой половине XIV в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ), 1947 г. — Труды ЮТАКЭ, 1951, т. 2. Ашхабад, с. 51.

² Там же, с. 9.

³ Там же, с. 51.

⁴ Сейфеддини М. А. Монеты ильханов XIV в. Баку, 1968.

⁵ Там же, с. 124—125.

⁶ Там же, с. 124—125, табл. № 29—30.

⁷ Там же, с. 133—134, табл. № 39—40; с. 135—136, табл. № 49.

⁸ Там же, с. 156—157, табл. № 55—59; с. 158, табл. № 60—62, 64; с. 158, табл.

№ 63, 65.

⁹ Марков А. К. Каталог джелаиридских монет. СПб., 1897, с. 28—30.

¹⁰ Сейфеддини М. А., с. 147.

¹¹ The Tarikhi Gurida, or «Select history» by Koundullah Mustaufi Qazwini, compiled in A. H. 730 (A. D. 1330) and now abridged in English, from a Manuscript, dated A. H. 857 (A. D. 1453) by Edward G. Browne. Leiden-London, 1913, p. 150—151.

¹² Массон М. Е., с. 51.

М. Е. МАССОН

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ГОРОДОВ

«Изучение исторической топографии городов — одна из самых крупных лепт археологов в реконструкции процесса развития классового общества Средней Азии».

(Эпиграф спецкурса 1939 г. «Историческая топография городов Средней Азии»).

В 1973 г. Институт археологии Академии наук СССР выпустил солидную и многообразную по содержанию книгу «Средневековый город Средней Азии» в объеме $24,5 \times 2$ печатных листов (390 с.) с 97 иллюстрациями (в основном схематические карты отдельных районов и мелкие планы городов, включая попытки реконструкции их первоначальных видов). К тексту приложены: «литература» (358—387 с.), перечень средневековых источников (368—370 с.), указатель имен (373—376 с.) и указатель географических и топографических названий (377—387 с.). Содержание книги охватывает время с VI в. н. э. до первой четверти XIII в. Ответственный редактор В. М. Массон в своем вступлении отметил, что «обширная источниковедческая база позволила (авторам) перейти... к трактовке города как социально-экономического явления в средневековой истории Средней Азии» (с. 3) и что данная «коллективная монография внесет заметный вклад в разработку указанных интересных проблем» (с. 4).

Главными авторами этого самого крупного по указанной теме труда являются А. М. Беленицкий и О. Г. Большаков. Первый в своем разделе «Город в VI—середине VIII в.» базируется в основном на результатах ведущихся свыше 30 лет раскопок на городище Пенджикента, давших изумительные памятники искусства, особенно настенной живописи. Три небольшие главы — «Гончарное производство», «Стеклоделие» и «Текстильное производство» написаны И. Б. Бентонич. Всего указанному разделу посвящено 125 страниц. Второй раздел — «Город в конце VIII—начале XIII в.», написанный целиком О. Г. Большаковым, занимает 221 с. и охватывает феодальные города всех республик Средней Азии,

включая находящиеся на территории Южного Казахстана. Автором затронуты особые разделы «Последствия арабского завоевания», «Численность населения» и, благодаря соответствующим данным письменных источников, составлены отсутствующие у А. М. Беленицкого главы — «Надзор за ремеслом и торговлей», «Цены и жизненный уровень», «Благоустройство городов». Кроме того, О. Г. Большаков (с. 142) наметил для будущих исследователей, которые займутся прошлым феодальных городов Средней Азии, 37 тем.

Имея в виду будущих исследователей данной проблемы, в помощь им не могу не поделиться своим более чем полувековым практическим опытом и некоторыми соображениями.

Туркестанские деятели при изучении на месте истории старинных городов Средней Азии всегда шли от современного состояния таковых к их прошлому. При этом они прислушивались к истолкованию представителями старшего поколения коренного населения делаемых ими наблюдений. Это обеспечивало в большей мере лучшее понимание былых изменений роли в прошлом отдельных частей территории городских пунктов. Характерной чертой с момента сложения Советского государства явилось в Средней Азии комплексное историко-археологическое изучение как отдельных городов, так и целых районов. Даже при предварительных исследовательских работах ставилась задача изучения объектов за все эпохи использования их человеком с момента основания и до настоящего времени и при этом с охватом всех категорий встречающихся на них памятников материальной культуры, а не одного какого-либо периода. В качестве примера можно указать на книгу «Ахангеран. Археолого-топографический очерк» (Ташкент, 1958), явившуюся результатом моих попутных исследований района в конце 20—начале 30-х гг. в связи с выяснением истории тамошнего горного дела с древнейших времен.

В специальной зарубежной литературе эту комплексность отмечали уже давно, и в частности, положительную специфику советских исследовательских работ в области археологии¹.

Не нужно думать, что «серьезные» археологические исследования Средней Азии «начались только в 30-х гг.» нынешнего столетия (с. 140 и 56). С 30-х гг. на полевые археологические работы стали отпускаться более солидные средства. К оценкам же прошлых подобных исследований, включая XIX столетие, следует подходить с исторической перспективой и учетом уровня науки того времени.

В этом отношении настала пора в известной мере «реабилитировать» раскопки на городище Афрасиаб в Самарканде, производившиеся в 1883 г. учрежденной генерал-губернатором М. Г. Черняевым комиссией в составе писателя В. В. Крестовского (председателя), инженера на-дворного советника З. Э. Жижемского и любителя археологии культурного человека полковника А. Н. Черневского (позднее исполнявшего обязанности помощника военного губернатора Самаркандской области). Не все раскопочные мероприятия последующего времени, даже осуществлявшиеся в Средней Азии присяжными квалифицированными археологами, велись со столь тщательной регистрацией наблюдений, оформлялись нормальным представлением отчетов и завершались сдачей полученных вещевых материалов соответствующим научным организациям.

Комиссия наметила произвести первый раскоп в южной части городища. Выбор остановился на «бугре», расположенном примерно в 200 м от мечети Хазрет Хызра у ведущей в Ташкент почтовой дороги и возвышавшемся над ней до 4 м. В предварительном порядке через

весь бугор на протяжении свыше 42 м проложили разведочную борозду шириной в 2,5 м при глубине около 8 м. После осуществления двух дополнительных контрольных борозд, убедившись, что весь бугор на указанную глубину представляет собой культурную толщу, приступили к осуществлению широкого раскопа, ведя его послойно с последовательной регистрацией через каждые 70 см. Удалось установить несколько contemporaneous культурных слоев, из которых самый нижний, насчитывавший, видимо, около 2000 лет, содержал в себе бронзовые наконечники стрел, костяной стиль с изображением на обратном конце петуха и ряд предметов, напоминавших по виду объекты, употреблявшиеся у зороастрийцев при богослужении. Точно датировать несколько выше лежащие культурные слои производители работ почти сто лет назад по понятным причинам не могли, ограничившись описанием содержимого каждого слоя.

Раскопочные работы при соответствующем наблюдении длились в течение октября, ноября и завершились в декабре. Наиболее характерные 564 найденных объекта были сфотографированы. Из снимков составили специальные альбомы, один из которых при отчете был передан Археологической комиссии в Петербург, а другой — Московскому археологическому обществу. Сами предметы поступили в реорганизованный в декабре 1883 г. Ташкентский музей.

Таким образом, по существу археологические работы 1883 г. дали первый стратиграфический раскоп-разрез через всю толщу культурных слоев городища Афрасиаб.

Дальнейшие раскопки комиссии были приостановлены по просьбе Восточного отделения Русского археологического общества, рекомендовавшего для их продолжения профессора Н. И. Веселовского, впервые приступившего к работе на этом объекте в 1885 г. в ином стиле. К нему были прикомандированы от Туркестанского военного округа два топографа, снявшие чисто военно-топографический план городища в масштабе 25 саженей в дюйме с горизонталями через $\frac{1}{4}$ сажени. На него были нанесены десятки заложённых в разных местах траншей небольших, неглубоких, прямых, иногда с чуть загнутыми под прямым углом краями. Их копали рабочие с десятником обычно в отсутствии Н. И. Веселовского, изредка наезжавшего из города. Не было ни постоянного археологического надзора, ни специальной регистрации, поэтому выкопанные траншеи ничего не дали ни для археологической топографии, ни для науки. Не имея возможности что-либо привезти в Петербург из своих «раскопок» на городище, Н. И. Веселовский купил у антиквара Мирзы Бухарина коллекцию старинных предметов, происхождение которых было неизвестно.

Еще менее «серьезными» были оставшиеся неизвестными А. Ю. Якубовскому и В. А. Шишкину при составлении ими истории изучения Самарканда «раскопки» на том же городище члена французской дипломатической миссии, путешественника, этнографа, археолога и историка М. Шафанжона в 1895 г. Им исследовалась пятадель с применением (ради ускорения земляных работ) тогдашней военной техники. По его просьбе ему были откомандированы военные сапёры Самаркандского гарнизона, заложившие по его указанию в толще пятадели минную галерею, поместившие туда порох, произведшие взрыв и затем осуществившие сбор выброшенных при этом из глубины культурной толщи на поверхность объектов, в основном черепков керамики.

Учитывая содержание книги «Средневековый город Средней Азии», необходимо в будущем при исследовании городищ иметь в виду краеведческую литературу со второй половины XIX в. и включительно до первых полутора десятков лет после сложения Советского государ-

ства. Это даст возможность избежать ряда ошибочных высказываний о научной деятельности в Средней Азии в прошлом и полнее наметить историю изучения тех или иных объектов. Именно на таком фоне следует продемонстрировать вклад в науку новых авторов, отдав предварительно должное их предшественникам, как бы не была скромна роль последних. Совершенно очевидно, что крупные достижения Пенджикентской экспедиции несколько не умалят воспоминание хотя бы в одной из ее многочисленных публикаций, что впервые на пенджикентские городища обратил внимание в конце прошлого столетия военно-административный пристав пенджикентского участка И. А. Бржезинский, а что в первом десятилетии нынешнего века случайно обнаруженные там археологические предметы собрал у населения тогдашний военно-административный участковый пристав подъяесаул В. В. Григорьев (отец советского археолога Г. В. Григорьева) и доставил их в Самаркандское областное правление. Оттуда они были пересланы в Петербург Археологической комиссии. Восемь фрагментов оссуариев подобрал в Пенджикенте на поверхности еще в конце старого режима В. Л. Вяткин. Наконец, первые небольшие раскопки, в частности оссуарных захоронений, осуществлял в 1936 и 1938 гг. специально приезжавший в Пенджикент археолог В. Р. Чейлытко.

С первых лет создания Советского государства одним из основных направлений в исследовании объектов прошлого явилась археология на службе охраны памятников, преимущественно архитектурных, на что, не в пример царской России, обращалось большое внимание и отпускались значительные средства и что позволило производить солидные исследования. Примером могут служить крупные стратиграфические шурфы в количестве свыше 20 иногда до 11 м глубины (т. е. до материка), закладывавшиеся в 1920—1921 гг. у Самаркандского медресе Улугбека, на самой площади Регистан и у медресе Ширдор. Работы осуществлялись совместно археологами и архитекторами с применением впервые тогда разработанной методики наблюдения и фиксации даже самых сложных по конфигурации шурфов в развернутых ортогональных проекциях, чего не знала до того и Археологическая комиссия с центром в Петербурге.

Иначе обстояло дело с другими направлениями работ археологов Средней Азии, в том числе раскопок, что при жизни В. В. Бартольда зависело в значительной мере от него. В отличие от некоторых петербургских, а позднее и ленинградских ученых, он с молодых лет лично общался с местными специалистами, ведя с ними переписку, принимая их у себя на квартире на Васильевском острове, а бывая в Средней Азии, посещал каждого на дому. Обаяние и авторитет его были непоколебимы, к нему всегда прислушивались и выполняли беспрекословно его рекомендации. В своих попытках приобщиться к раскопочным работам он был глубоко разочарован и говорил о них всегда в резких безжалостных в отношении себя тонах. В своей автобиографии, напечатанной за четыре года до смерти и опубликованной в журнале «Огонек» за 1927 г. № 4, он писал: «Под влиянием Радлова я был командирован Академией наук и университетом в Самарканд для разведочных археологических работ; эта экспедиция не принадлежала к числу удачных. Не вполне успешно была выполнена и более сложная археологическая задача, возложенная на меня в 1904 г. также не без влияния Радлова, — производство раскопок в Самарканде. Каждая новая попытка в этом направлении лишней раз показывала мне, что я лишен необходимых качеств для так называемых работ «в поле» над вещественными памятниками истории. Вполне в своей сфере я чувствовал

и чувствую себя во время кабинетной работы над письменными источниками».

В. В. Бартольд был критически настроен в отношении тогдашних приемов ведения раскопок на городище Афрасиаб Н. И. Веселовским и В. Л. Вяткиным. Вот почему с первых же лет революции не только сам решительно уклонялся от каких бы то ни было земляных археологических работ, но упорно рекомендовал вообще не осуществлять в крас никаких археологических раскопок, пока не появятся специалисты с более современной подготовкой. Прислушиваясь к высказываниям В. В. Бартольда, Туркомстарис (позднее Средазкомстарис) за время своей деятельности не выдал ни одного открытого листа на право производства раскопок.

В этом аспекте фраза О. Г. Большакова, будто «проблемы истории Самарканда настолько заинтересовали В. В. Бартольда, что он решил возглавить археологические работы на Афрасиабе» (с. 220), поражает своей неожиданностью. До получения точной информации, откуда почерпнуто данное сообщение, невольно думается, не вызвано ли оно в несколько вольной редакции реакцией В. В. Бартольда на выход из печати давно ожидавшейся монографии В. Л. Вяткина «Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Археологический очерк» (Ташкент, 1927). Всем, знавшим В. В. Бартольда лично, хорошо известно, что, разочаровавшись в этой работе, он решил в виде дополнения к ней написать труд, подобный выпущенному В. А. Жуковским о Мерве, с приведением максимального количества исторических сведений о феодальном Самарканде из восточных письменных источников.

Однако В. В. Бартольд в конце жизни очень сочувственно относился ко всякого рода археолого- и историко-топографическим работам в Средней Азии без производства широких раскопок. Он очень тепло встретил «Историческую карту Самарканда и его окрестностей», составленную мной в 1921 г. (в масштабе 1 верста в английском дюйме) и рекомендовал ее представить на выставку достижений Туркесреспублики, устраивавшейся в Ташкенте в здании бывшего «Колизея».

С еще большим поощрением он относился к моим исследованиям городов как стационарным (Самарканд, а с 1924 г. Ташкент), так и попутным во время выездов в разные районы Средней Азии (в том числе в 1925 г. Сайрам, Бешагач, с 1926 г. Бухара; в 1927 г. Узгенд, Аулиеата-Тараз, Невакет-Бурана; Акпешин-Баласагун; в 1928 г. Тойтубе-Нукет, Туркестан; в 1929 г. Ходжент, городища Ахангеран и Карамазарских гор — Илак, долины Сумбара; в 1930 г. городища долины Таласа и др.). Обследование городищ сопровождалось снятием полуйнструментальных археолого-топографических планов и закладкой хотя бы небольших стратиграфических шурфов².

Я не считал себя компетентным судить о полемике В. В. Бартольда с В. Гейгером, возникли ли Бухара и Самарканд из укрепленных селений или первоначально имели узкое значение для защиты в военное время и, может быть, также от наводнений, а тем более о всей концепции нашего академика по поводу дальнейшего развития среднеазиатского города, о чем он неоднократно высказывался в первом десятилетии XX в. В своих чисто археолого-топографических исследованиях я в самом начале находился под влиянием «трехчастного деления города». Полевые и, отчасти камеральные работы, особенно 30-х гг., дали противоречащие этому факты. Открывая в пределах рабадов рядом с шахристаном отдельные по городскому застроенным территориям, также обнесенные стеной, я несколько лет обозначал их на снимавшихся мной планах условным термином «шахристан II».

Приходилось следовать заветам В. В. Бартольда — во всех сомни-

гельных случаях прежде всего добиваться увеличения конкретных наблюдений во избежание преждевременных высказываний недостаточно обоснованных гипотез. Вскоре же после обнаружения ряда городищ «домусульманского периода», к концу 30-х гг. накопилось большое количество данных, не укладывавшихся в топографическую схему трехчастной структуры городов. Особенно это бросалось в глаза при их съемке, сложившихся еще в пору рабовладельческого общества, топографический скелет которых в известной мере оказывал влияние и на структуру сменявших их населенных пунктов феодального времени. Об этом я говорил в своем первом специальном курсе «Историческая топография городов Средней Азии» в Среднеазиатском государственном университете. Стал его читать с 1939 г. в объеме от 80 до 120 часов, начиная от рабовладельческого общества до середины XIX столетия. На конкретных примерах с демонстрацией планов говорилось, что намеченное в досоветское время В. В. Бартольдом развитие средневекового города в своей топографической части не является универсальным для всех среднеазиатских городов, особенно крупных, с длительным периодом существования.

В 1947 г. А. Ю. Якубовский выступил со статьей, в которой изложил старые взгляды В. В. Бартольда о развитии феодальных городов Средней Азии, несколько обновив в соответствии с духом времени как терминологию своего учителя, так и редакцию его фраз с упором на социальную проблематику и со своей уже несколько отличающейся интерпретацией. Однако он вынужден был признать, что «не все, конечно, города прошли указанный путь развития; имеется немало в этом отношении исключений, однако, как правило, путь этот остается классическим в развитии иранских средневековых городов». Но отправной и основной историко-топографической базой при всех его рассуждениях оставалась высказанная В. В. Бартольдом трехчастная схема развития города, которая, по его словам, «стоит непоколебимой»³.

По словам О. Г. Большакова, эта статья А. Ю. Якубовского «сыграла положительную роль в изучении среднеазиатского города, направив внимание исследователей на историческую топографию, как объективное свидетельство развития города» (с. 136). Очевидно, автор имел в виду ленинградских исследователей, поскольку в Средней Азии так данная тематика являлась к этому времени для местных работников одной из основных уже около тридцати лет.

Попутно О. Г. Большаков приписал мне высказывание, будто схема развития города, «вошедшая в науку со времени В. В. Бартольда... для всего феодального периода не приложима ни к одному из крупных городов Средней Азии» (М. Массон, 1950, 166 с.; М. Массон, 1951, с. 95) и что «со столь категорическим отрицанием научной ценности взглядов Бартольда—Якубовского нельзя согласиться даже при самом критическом отношении к ним» (с. 136).

Своего рода «подтасовка» с применением для видимости кавычек прямой речи осуществлена широко распространенным приемом соединения двух предложений с заменой в первой из них многоточием фразы о том, что цитируемый вывод касается лишь трехчастного членения, положенного В. В. Бартольдом в основу, не соответствующей в действительности обязательности для топографии всех среднеазиатских феодальных городов Средней Азии⁴.

Смысл необоснованного обвинения в части отрицания научной ценности взглядов В. В. Бартольда непонятен, не говоря уже о непоследовательности. Сам О. Г. Большаков, подвергнув критическому разбору уже самые исторические взгляды, отчасти В. В. Бартольда, а в основном А. Ю. Якубовского, на той же странице пришел к давно высказанному

мной выводу, что накопившиеся по Средней Азии факты не укладываются в рамки концепции А. Ю. Якубовского и что «многие города состояли не из трех, а из большего или меньшего количества составных частей». При этом он умалчивает, какие именно города и как назывались другие части. В дальнейшем со свойственными автору противоречиями О. Г. Большаков во втором тезисе одного из своих публичных докладов о социальной экономике (среднеазиатского) города в числе «нескольких важнейших аспектов» в первую очередь затронул «вопрос о трехчастном делении города», а в третьем тезисе отметил, что в связи с его личной интерпретацией появления рабадов «дискуссия об обязательности и необязательности трехчастного деления города становится беспредметной».

Будущим археологам, которым предстоит работать в поле над изучением проблем развития среднеазиатских городов, нужно заранее иметь в виду, что это не совсем так. Старым местным исследователям уже много лет известны в Хорезме, Южном Туркменистане и Узбекистане руины средневековых городов, не имеющих шахристанов, а также и упоминания об этом в письменных арабских источниках. В какой-то мере осведомленный об этом О. Г. Большаков отреагировал на этот факт словами, что «отсутствие шахристана имеет значение только как топографическое свидетельство истории данного города», а что сущность таких пунктов одинакова с городами, «развитие (которых) идет за счет обрастания шахристанов торгово-ремесленными пригородами» (с. 210). Несколькими страницами выше, говоря о Несефе, которому соответствует городище Шуллюк-тепе близ Карши, со ссылкой на одного лишь А. А. Зимина, посетившего его в 1916 г. и не очень разобравшегося в нем, О. Г. Большаков пишет, будто «описание города у ал-Истахри никак не увязывается с реальной топографией; ал-Истахри и ал-Мукадааси (следовало бы добавить и Ибн-Хаукаль. — М. М.) пишут только о рабаде и разрушенном кухендизе, не упоминая шахристана» (с. 189). Между тем у городища Шуллюк-тепе действительно шахристана нет. У него на левом берегу Кашкадарьи имеются высокие руины феодального замка, возникшего, по археологическим данным, в VI в., возможно, на месте заброшенной укрепленной усадьбы рабовладельческого общества. На территории городища наблюдаются культурные слои рабада VI—VIII вв., перекрытые иногда небольшой толщей земли, намекающей как бы на некоторый перерыв в обживании. Выше идут более мощные слои IX—начала XIII в. Развалины рабада, расположенные на обоих берегах реки, были окружены некогда стеной (лишь частично сохранившиеся теперь на правом берегу); в стене арабские авторы называют четверо ворот. Пора расцвета Несефа приходится на XI—первую половину XII в.

Будущим исследователям нельзя будет отмахнуться от попытки глубже осмыслить в историческом аспекте такой существенный факт, как отсутствие шахристанов у некоторых среднеазиатских довольно крупных населенных пунктов и следует не замалчивать их названия, а детально изучить в индивидуальном порядке развитие каждого из них во времени.

Одной из основных задач (и при этом первоочередной) изучения исторической топографии городов является возможно точное выяснение роли и назначения их отдельных как-то обособленных территорий за все эпохи существования городища как обитаемого пункта. Это должно сопровождаться комплексным привлечением сведений из различных письменных источников, данных топографических съемок, археологической стратиграфии и всякого рода наблюдений археологического микрорельефа.

Когда В. В. Бартольд выступал в дореволюционной России со своей трактовкой развития средневековых городов Ирана и Туркестана, наука не располагала конкретными данными о структуре античных городов Средней Азии. В настоящее время положение изменилось. Если изначальный момент сложения изучаемого феодального города восходит к поре рабовладельческого общества, то археологу надлежит проанализировать, что именно он унаследовал в своей структуре от предшествующего исторического периода. При выяснении же роли обособленных необычных частей крупных средневековых городищ полезно составить их план и положение с такими же у более поздних городищ Средней Азии.

Не совсем верно отражает истинное положение высказываний (с. 140) мнение, будто с 30-х гг. наибольший интерес у исследователей прошлого по сравнению со средневековьем вызывали древние периоды, а что возвращение к феодальной поре совершилось будто бы лишь в 50-х гг. (когда, между прочим, в это включился и сам О. Г. Большаков). На самом деле с первых лет существования Советского государства и до последнего времени историко-археологические изыскания среднеазиатских научных организаций всегда широко охватывали прошлое страны, в частности местных городов за все периоды их бытования. Лишь иногда (задолго до 50-х гг.) их деятельность в большей мере направлялась вплотную, независимо от личных научных интересов сотрудников, на изучение отдельных эпох, но отнюдь не древних. Это бывало связано с отмечавшимися нашей страной юбилеями Улугбека и Навои. Вот почему так подробно освещена в научной и популярной печати эпоха государства Тимура и Тимуридов.

Уже до Великой Отечественной войны появились десятки работ о местных памятниках материальной культуры XIV—XV вв. В 1940 г. была изготовлена мной, а в 1941 г. опубликована историческая карта Средней Азии второй половины XV в. Из городов лучше и детальнее всего оказались изученными Самарканд и Бухара того времени, а также XIX столетия до вхождения их в состав Российского государства, не считая ряда других.

Последнее обстоятельство не может не сказаться благотворно на изучении в историко-топографическом отношении прочих местных средневековых городов в смысле понимания их отдельных частей. Относится это и к их топонимике. Надо только всегда иметь в виду, что сами термины сохраняются в обращении столетиями, а внутреннее содержание обозначаемых ими территорий меняется в зависимости от эпохи.

Нельзя не пожалеть, что в книге «Средневековый город Средней Азии» не очень повезло такого рода названиям отдельных частей городищ (кроме терминов «арк», «медина-шахристан», «рабад») и других топографических элементов. Правда, О. Г. Большаков мельком упоминает термин «хаит», но без всяких комментариев (с. 222). Между тем последний едва ли случайно применен Табарни без обозначения не стен средневековых рабадов, а больших стен городской округи таких крупных рабовладельческих городов, как Мерв (Гилякии Чильбурдж) и Самарканд (Дивари Киямат). Читатель остается в недоумении относительно рассуждений О. Г. Большакова о термине «внешняя медина». На «плане Самарканда IX—XIII вв.» (с. 221) он применен к южной части городища Афраснаб, а название «внутренняя медина» отнесена к его северной части. По словам автора (с. 222), «можно думать, что медина в то время (речь идет о непосредственном периоде после окончательного захвата арабами Самарканда в 313 г. — М. М.) считалась только часть (городища Афраснаб) внутри второй или третьей

стены». На с. 224 говорится, что «внутренней медины» соответствует часть Афраснаба внутри второй стены площадью около 70 га, а внешней — «южная часть городища площадью около 140 га». На с. 225 мы читаем: «Через несколько десятилетий (неизвестно с какого момента. — М. М.) деление города на внутренний и внешний совершенно забудется, и весь Афраснаб станет считатьсяединой». Там же, несколькими строками ниже, «внешняя медина» определяется как (торгово-ремесленная) часть прежнего рабада, который «за истекшие полвека» (как будто после составления описания Самарканда не то Ибн-ал-Факихом, не то Истахри. — М. М.) неразрывно слеплась с внутренним городом. Возможно, что стена между ними была в то время разрушена за ненадобностью».

Приведенное О. Г. Большаковым толкование в известной степени зависит от его ошибочных археолого-топографических представлений о внешней и внутренней оборонительных стенах городища Афраснаб и от собственного истолкования текста Ибн ал-Факиха о Самарканде.

О внешней стене шахристана Самарканда («четвертой») О. Г. Большаков говорит, что она существовала уже в VII в.» (с. 212), хотя, как он отмечает на той же странице в примечании 20, исследования внутренних стен городища М. Н. Фёдоровым, установившим, что вторая стена сооружена в VII в., исключает возможность существования в то время четвертой стены. В пределах Афраснаба О. Г. Большаков помещает собственно город IX в. и бывший пригород, который якобы, то отделяли от рабада, то включали в его состав (с. 224—225).

По давно устаревшим представлениям В. Л. Вяткина, остатки нескольких рядов перегораживавших Афраснаб внутренних стен запечатлели последовательный рост обживания площадей феодального Самарканда, завершившийся сооружением внешней (четвертой) стены всего городища. Уже мои наблюдения 1922 г. над появившейся тогда в южном фазе внешней стены Афраснаба огромной промоиной, несколько восточнее ансамбля Шахи-Зида, показали на большую древность ее огромного основания. В 1933 г. я пришел к заключению, что наружная стена Афраснаба уже существовала в кангуйскую пору. Много лет прошло с тех пор, как доказано, что это городище является собственно городом поры рабовладельческого общества, после кризиса данной формации послужившего основой феодального шахристана. Что касается его внутренних стен, изучавшихся М. Н. Фёдоровым, то собранный им в их оплывших остатках керамический материал датируется в пределах VII—начала VIII в. и вместе с тем наблюдения свидетельствуют, что они возводились отнюдь не в порядке возобновления пришедших в негодность старых. Это вполне увязывается с данными письменных исторических источников. Как известно, при втором занятии Самарканда в 713 г. по распоряжению Кутейбы в порядке расправы с самаркандцами за поднятое ими восстание были полуразрушены внешние стены шахристана, часть горожан перебита, а все прочие полностью выселены из него «в сторону Туркестанских гор». Арабы при своей малочисленности едва обжили северную часть опустевшего города, примыкавшую к цитадели. От возможного нападения согдийцев и были возведены сначала вторая внутренняя стена городища Афраснаба, а затем и третья. Так, в начале VIII в. создавалась «внутренняя медина» (какой термин бытовал еще в X в.), потому и был зафиксирован Ибн ал-Факихом. Мединой, т. е. шахристаном, средневековые авторы называют все теперешнее городище Афраснаба. Земли же феодального рабада никогда не располагались на его территории. Термина «внешняя медина» у арабских авторов IX—X вв., пишущих о Самарканде, не встречается, хотя вообще наименования «внутренний город» и «внешний

город» в Средней Азии были в употреблении еще в XIX столетии. При этом граница «внешнего города» часто бывала условной, чисто административной, менялась во времени и отнюдь не обязательно определялась какой-либо оборонительной или даже чисто «полицейской» стеной, как это и имело место, например, в Бухаре еще при последних мангытах.

Что касается упоминавшегося выше текста Ибн ал-Факиха, то в свете современных представлений по исторической топографии Самарканда, он воспринимается очень конкретно в проекции на натуру. Сперва автор упоминает огромную внешнюю стену с двенадцатью воротами, окружавшую в его окрестностях рустак, то есть группы селений, сады и огороды. Явно имеется в виду стена бывлой городской округи рабавладельческого Самарканда, которую, поскольку она на протяжении длительного времени пришла в упадок, арабы, учитывая беспокойную политическую обстановку, начали восстанавливать с середины VIII в. при Абу Муслиме. Войдя в окруженное этой стеной пространство и минуя обработанные земли (посевы), «приходишь» на территорию пригорода-рабада, занятую застройкой. Затем «входишь» в самый город медиу-шахристан, в котором четверо ворот. После того «входишь» во «внутренний город» (медина-дахил). В нем расположены соборная мечеть и цитадель (кухендиз) с двумя обращенными в разные стороны железными воротами и с дворцом правителя. Для площади застроенного рабада Ибн ал-Факих указывает цифру в 6000 джерибов; для шахристана (медина) — 5000 джерибов и для «внутреннего города» — 2500 джерибов⁶. В натуре площадь, которую окружали для себя арабы стеной в северной части шахристана, примерно в два раза меньше размеров всего городища Афраснаб. Находившаяся же к югу от него территория рабада с торгово-ремесленной и жилой застройкой городского типа и получившая окружение особой стеной с шестью воротами, как установлено мной, в начале XI в. по размерам относится к городищу Афраснаб примерно как 6:5.

Эта новая городская часть, бывшая по отношению к шахристану как бы «внешним городом», по мере постепенного захирения основной медины обособливалась все больше и больше. Когда же при Тимуре в западной ее части была отгорожена высокой стеной значительная площадь с его дворцом, разными общественными сооружениями и жилой застройкой, то она стала называться то «внутренним городом» («шахр-и дарун»), то «Кала-и арк», поскольку являла собой как бы крупную цитадель. Вся же прочая площадь собственно города фигурирует в источниках под названием «хисар», во всяком случае с XVI в., но, возможно, именовалась так и раньше. Еще в XIX в. до присоединения Самарканда к России в нем различали «внутренний город», собственно город «хисар» и ближайшие пригородные мауза.

Хисар был разным по своему содержанию термином, противопоставлявшийся в пору монгольского завоевания «кале», но вошедший в употребление явно раньше и применявшийся не только к городу, но и к селению и даже для обозначения городской оборонительной стены. Вообще будущим исследователям предстоит еще большая работа над среднеазиатской топонимикой, которая, видимо, имела ко всему всегда еще и локальные особенности. К таковым надо отнести, в частности, название «сурадикат», применявшийся в X в. к части города Термеза, возможно, связанной с его функцией крупной пристани на Амударье, о чем, как и о самом термине, нет упоминания в тексте О. Г. Большакова при описании данного города на с. 178—179.

В отличие от В. В. Бартольда и других специалистов-востоковедов, занимавшихся Средней Азией, О. Г. Большаков на протяжении многих лет по существу избегал общения с рядом местных работников и, по

собственным словам, в своей рассматриваемой работе о средневековых городах «пользовался только опубликованным материалом» (с. 142, примечание 13), т. е. искусственно ограничил себя в основном 1969-м г. Следовательно, нельзя к приведенным им сведениям и домыслам предъявлять особых требований, поскольку из того, что сделано и делается в части археологических изысканий во всех советских республиках Средней Азии, опубликовано далеко не большинство установленных фактов и полученных материалов. Одновременно нельзя не согласиться с автором, что некоторые из отмеченных им недостатков в производстве раскопочных работ являются «следствием отставания методики раскопок» (с. 141).

Едва ли можно «выработать единую методику археологических исследований города» (имея в виду полевые изыскания), поскольку объекты очень многообразны сами по себе и по своей сохранности. Но безусловно справедливо требовать от молодых археологов новых методов наблюдений до производства на городищах каких бы то ни было земляных разведочных работ, а тем более при производстве самих раскопок. Этому нужно их обучать не столько в аудиториях, сколько «в поле». Нет надобности доказывать, как нужно, чтобы археолог умел быстро и безошибочно отличать на месте, что в натуре является творением рук человеческих, а что является естественным фактором. Насколько это важно, может служить пример с самаркандским Даргом, о котором некоторые археологи, считая его каналом, выкопанным людьми (с. 12), годами разрешали проблему, когда это могло быть, снаряжая для этого экспедиции. Между тем на самом деле этот Даргом один из древних естественных блуждающих протоков Зеравшана с типичным ныне действующим «меандрообразным» в плане руслом, постепенно выработанным им из большого числа по обе его стороны идущих заброшенных отрезков древних русел.

Это касается и съемки планов городищ, что, как общезвестно, должно быть первоочередной задачей при изучении любого городища, а не только больших, как считает О. Г. Большаков, который в шестом тезисе своего упомянутого выше доклада выразил сожаление, что до сих пор даже при многолетних работах отсутствуют подобные топографические планы, как, например, по Мерву.

Источник последней информации неясен. В действительности с первых лет деятельности Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции у нее имеются для работы не подлежащие опубликованию выполненные классными топографами детальные планы основных городищ Мерва с горизонталями. Поскольку над более или менее сохранявшей свой археологический микрорельеф территорией городской округи рабовладельческого Мерва и части его средневекового рабада нависла угроза быть обращенной под сельскохозяйственные участки, я, начиная с 1950 г., в течение ряда лет поднял ее своей археолого-топографической съемкой, охватившей площадь свыше 50 км². Это спасло для науки следы ее бывлой планировки, ныне уже в значительной мере уничтоженные. Ничего подобного нет ни для одного из крупных городищ Средней Азии. Кроме того, мною был поднят в общих чертах археологический микрорельеф мервского городища Гяур-кала (3,5 км²) с использованием в качестве индикатора бурно разросшихся по нему кустиков *Salsola Kargelini* и впервые намечена бывшая планировка для последнего периода его обживания⁶. Вскоре после этого проводившиеся на городище учебные занятия значительно смяли поверхность еще недавно бывшего там археологического микрорельефа и почти полностью уничтожили поросль упомянутого растения.

О приведенной топографической фиксации поверхности территории

Старого Мерва упоминается в ряде моих публикаций, в том числе в двух статьях, названия которых приведены в разделе «Литература» книги «Средневековый город Средней Азии» (с. 361) под 1951 г. «б» (с. 91) и под 1963 г. «а» (с. 12). Высказанное О. Г. Большаковым «сожаление» об отсутствии топографических планов по Мерву дает основание допустить, что автор его может быть знаком с содержанием не всех работ, упомянутых в перечне «Литература», или в данном случае использовал информацию, показавшуюся ему более подходящей.

Будущим молодым археологам, которым предстоит осуществлять топографические съемки среднеазиатских городищ и иметь дело с отпечатанными их планами, надо заранее знать, что не все крупномасштабные археологические планы подлежат опубликованию и что при печатании даже упрощенных или уменьшенных с них схем с некоторыми опущенными деталями в ряде случаев линейный масштаб не представляется, независимо от авторских подлинников. Им также следует быть осведомленными, что, как показала многолетняя практика, многие очень опытные топографы не воспринимают должным образом подлинный археологический микрорельеф, а тем более дополнительно подчеркнутый травяным растительным покровом⁷.

Часто даже после истолкования им на месте визуальной реконструкции подлинного плана археологического объекта они затрудняются, как должным образом графически правильно задокументировать его на планшете в процессе производимой ими привычной топографической съемки с условными горизонталями. Особенно наглядно это видно на подлиннике плана бывшей столицы Илака, Тункете, снимавшегося под моим руководством в 1934 г.

Одновременно необходимо предостеречь будущих молодых археологов от недооценки научной значимости археолого-топографической фиксации изучаемых объектов. Тех из специалистов, у кого в этом отношении нет еще знаний и опыта, не следует допускать к ответственным объектам, так как составленный ими план может оказаться неправильным, негодным для пользования и к тому же дискредитирующим самый метод. Необходимо помнить, что для лиц, которые в природных условиях не ощущают археологического микрорельефа, а тем более не понимают его поверхности по современному растительному покрову, подобная работа совершенно противопоказана. Вместе с тем изготовленный чертеж, грамотно выполненный в поле инструментальной или полуплоскостной археолого-топографической съемкой опытным специалистом при разведке памятника до производства на нем раскопки с неизбежным уничтожением археологического микрорельефа и растительного покрова, — это важная полевая научно-исследовательская работа по предварительной реконструкции планов как городища, так и остатков отдельных крупных сооружений, какими они были в последний момент своего существования. При всем том такой чертеж отнюдь не исключает пользование обычными топографическими планами с их условными горизонталями или привлечение аэрофотосъемок, в частности при изучении значительных по размерам объектов и особенно целых крупных территорий.

О том, как будущим археологам важно общение с местными деятелями и знакомство со старой краеведческой литературой говорит пример с Нумиджетом, которым О. Г. Большаков занимается с середины 50-х гг. и которому посвящен ряд новых мыслей в разных местах на шести страницах рассматриваемой книги. Высказывание его о нем несколько туманно, и отчасти противоречиво, в том числе в транскрипции его названия. В статье 1956 г. он «предполагал» на основании показаний арабских географов X в., что «Нумуджикет (sic!) является

старым названием города» (Бухары) и одновременно, что «Бухара и Нумуджикет были различными городами, которые слились воедино»⁵. Позднее он же утверждал, будто в 1956 г. он «решил, что Нумиджикет и Бухара названия двух частей города» (с. 185, примечание 18), ниже, что это «древнее название Бухары» (с. 232), еще ниже, что цитадель Бухары древнее самого города. Раньше же она «могла быть небольшим укрепленным селением, а когда сюда была перенесена столица, то возник Нумиджикет (новый город?), построенный сразу по единому плану» (с. 239). Одновременно О. Г. Большаков считал, что «в VIII—X вв. город называли, то Бухарой, то Нумуджикетом; впоследствии же второе название было забыто» (с. 20).

Последнее не соответствует действительности. Свыше 150 лет назад (по Г. Мейендорфу) арк Бухары на месте называли «Нумидженд». Старики из коренных жителей Бухары помнили это до самого сложения Советского государства. В старой краеведческой литературе со слов бухарского Кушбеги была опубликована легенда об арке, по которой он был основан свыше 3000 лет назад. Согласно одному варианту, его построил Сиявуш; по другому — Афрасиаб. По словам Наршахи, древний Нумуджикет давно пришел в разрушение и оставался долгое время в развалинах вплоть до вступления на престол Бидуна Бухар-худата, по распоряжению которого восстановлены стены арка, а внутри его построили дворец.

В 1938 г. при осмотре снаружи нижних частей южного фаса арка; несколько обнаженных тогда земляными работами в связи с производившимся строительством, мне впервые для Бухары удалось обнаружить рядом с пахсовой кладкой фрагменты керамики позднекушано-кангуйского времени. После того, начиная со стратиграфических наблюдений сотрудника охраны памятников С. Н. Юренева, керамика первых веков н. э. и более ранняя, сделанная без гончарного круга, была зарегистрирована для ряда пунктов на территории современной Бухары и в частности средневекового шахристана, культурные слои которого колеблются от 6 до 14 м, а местами достигают 20 м. Об этом подробно говорилось в разделе о Бухаре упоминавшегося выше моего спецкурса по исторической топографии городов Средней Азии. В нем между прочим отмечалось, что на месте теперешней Бухары явно был город рабовладельческого общества, возможно, в пору существования Греко-Бактрийского царства. На это косвенно намекают нередкие находки монет в ближайших окрестностях, иногда целыми кладами, относящихся к античному времени, начиная с чекана Евтидема и согдийских подражаний ему («Варварского Евтидема»). Нет данных считать, что на месте Бухары была та «базилея», о которой в низовьях Политимета сохранилось краткое упоминание для времени походов Александра Македонского. По-видимому, ранний Нумуджикет прекратил свое существование в пору кризиса рабовладельческого общества, состояния запустения низовьев Зеравшана, время которого ярко отражено в тексте Абул-Хакаа Абд-ар Рахмана Нишабури, повествующем о полном упадке и обезлюдении.

Насколько важно общение с возможно более широким коллективом местных исследователей, может служить другой пример из рассматриваемой книги. Много лет назад колхозники Байрамалийского района, беря землю на свои поля с одного искусственного бугра, расположенного к западу от городища Старого Мерва, обнаружили в нем несколько интересных объектов. Когда об этом стало известно в Ашхабаде тамошнему старому любителю-краеведу С. А. Ершову, тот добился средств на производство раскопок указанного бугра, что и осуществлял три весны 1954—1956 гг. При этом он обнаружил массовые и разновременные за-

хоронения. Использование только его опубликованной отчетной статьи нашло отражение в разделе о городах Средней Азии VI — середины VIII в. в следующем кратком экскурсе: «Большой интерес представляет открытый вблизи городища Мерва склеп (sic!), служивший для многочисленных захоронений. Это крупная постройка (34×35 м при толщине стен 4,1 м) с открытым двором в середине. Вокруг стен (правильнее — «внутри вдоль стен». — М. М.)... были устроены стандартные камеры... Наряду с оссуарным способом погребений были обнаружены и трупоположения в глиняных гробах (?), а также без них. Исследованное вблизи Мерва погребальное сооружение, датируемое V—VII вв., занимает лишь небольшую часть некрополя, площадь которого равна 2,6 га» (с. 46—47).

На месте мы в свое время убедились, что раскопка (вернее «расчистка») объекта была произведена С. А. Ершовым без учета современных требований к археологическим работам. Зная по опыту, как путаница в археологии и неверные выводы порождают в дальнейшем другие, ЮТАКЭ в интересах науки и для правильного понимания как самого памятника во времени, так и массового добытого в нем материала (одних оригинальной формы оссуариев, приписанных производителем работ «зороастрийцам», добыто много десятков) на протяжении нескольких лет, попутно с исследованиями на городище Мерва, осуществляла контрольные разведочные раскопки рядом расположенных бугров, а затем и вскрытие на раскапывавшемся С. А. Ершовым объекте небольших участков, к счастью оставленных им нетронутыми.

Работы по линии ЮТАКЭ вели здесь в разные годы под моим руководством археологи О. В. Обельченко, Г. А. Кошеленко и Г. Я. Дресвянская. Выяснилось, что расчищавшийся С. А. Ершовым объект являлся самым большим зданием в комплексе архитектурных сооружений, связанных с крупной мервской христианской общиной, и построен был в позднюю пору рабовладельческого общества на месте ранее бывшей тут небольшой постройки. В нижних культурных слоях комплекса ЮТАКЭ были встречены медные парфянские монеты маргианской эмиссии I и II вв. н. э., а в кладке стен здания первого строительного периода оказалась такая же монета II в. н. э. Первоначально крупное здание отнюдь не было «кладбищенским» по своему назначению и только позднее в отдельных его помещениях стали появляться одиночные захоронения. Постепенно число их увеличивалось. Наступившая в 30—40-х гг. IV в. н. э. при Шапуре II (309—379) полоса бедствий для христианской общины сопровождалась появлением во всем комплексе массовых погребений типа трупоположений.

После того, как с конца IV в. н. э. обстановка для христиан в государстве Сасанидов несколько улучшилась, большое здание продолжало оставаться их обычным некрополем. Положение резко изменилось в связи с антихристианской реакцией при Каваде I с первой четверти VI в., когда христианам было запрещено «осквернять» землю трупоположением их покойников. В результате им, а также евреям, как и в других районах Персидского государства, пришлось перейти к оссуарному способу погребения. Кстати, в числе извлеченных А. С. Ершовым оссуариев имеется несколько экземпляров с еврейскими надписями. Только в конце VI в. этот запрет был отменен, в связи с чем мервские христиане получили возможность вернуться к прежним погребальным обычаям. Большое здание в VII в. не поддерживалось, приходило постепенно в разрушение, причем некоторые новые захоронения трупов совершались иногда прямо на гребнях его стен.

Будущим молодым археологам, которым предстоит заниматься топографией среднеазиатских городов, следует больше уделять внимание

связанным с ними нумизматическим данным. Этому не очень повезло в рассматриваемой книге, где таковые приведены всего только в двух случаях. В разделе о городах конца VIII — начала XIII в. говорится, что «в Бухаре первые мусульманские монеты (местного чекана. — М.М.) датированы 148/765—66 г.» (с. 156), что не совсем точно. Приведенная дата относится лишь к выпуску дирхемов при Мансуре, в то время как бухарский монетный двор чеканил фельсы арабского типа уже со 138 г. х. (755/6 г. н. э.) (если не раньше), что известно с конца прошлого столетия. Второе упоминание нумизматических объектов слишком общего и по существу анонимного характера относится лишь к городу Пянджикенту, о котором сказано, что там «к числу постоянных находок относятся персидские, китайские и византийские монеты» (с. 110) без желательного более точного определения их выпуска, хотя бы в смысле времени. Это тем более важно, что сам город считается А. М. Белянским возникшим в V или в начале VI в. и просуществовавшим до VIII в. (с. 13).

В первый год работы Пянджикентской экспедиции А. Ю. Якубовский показывал мне в числе найденных на городище объектов несколько монет. Среди них были серебряные скифатные гемидрахмы и оболы «варварского» облика, принадлежавшие к поздним выпускам так называвшейся тогда группы «Багудата-Спабариса», уже без легенд. На лицевой стороне они имели примитивно выполненное изображение головы правителя влево, а на обратной — фигуру стоящего лучника вправо. Выбитые по типу подражаний былому селевкидскому чекану они по внешнему виду, стандарту, форме и весу тяготеют к поздней поре рабовладельческого общества, хотя Е. В. Зеймаль предлагает датировать их VII в. О. И. Смирнова опубликовала несколько встреченных на этом же городище монет, не связанных с раннефеодальным согдийским чеканом. В их числе имеются медные кушанские монеты Кадфиза I («Безымянный царь») и Васудева II, китайские монеты времени Ван Мана (начала I в. н. э.) и деградированного типа достоинством в 5 шу (первых веков н. э.)⁸.

Нужно ли считать перечисленные монетные кружки привнесенными на городище издалека как «старинные курьезы»? На существование поблизости бывшего населенного пункта времени рабовладельческого общества давно намекают делавшиеся в районе городища (включая современный Пенджикент) находки древних монет, начиная с кружков греко-бактрийского чекана.

В дальнейшем исследователям-археологам, будут ли они заниматься исторической топографией городов в широком плане всей Средней Азии или только отдельных районов, в порядке учета проделанного их предшественниками опыта, обязательно нужно оговаривать или во вступлении или в истории изучения, какие именно пункты они изучали сами или хотя бы осматривали при их посещении, а о каких высказывают свои домыслы на основании наблюдений других лиц и данных, почерпнутых из опубликованной литературы. В последнем случае нельзя не рекомендовать пользоваться иногда публикациями не только двадцатитридцатилетней давности, но и более поздними работами даже тех же авторов, поскольку под влиянием установленных фактов в прежние высказывания вносятся коррективы. При соответствующей ссылке можно избежать незаслуженного осуждения.

Это прямо касается в частности трактовки М. К. Пачосом времени сооружения внешней (четвертой) стены самаркандского городища Афрасиаба. В начале книги датой ее появления со ссылкой на упомянутого автора указывается VIII—IX вв., что «совершенно меняет сложившееся представление об истории стен и самого города» Самарканда (с. 19).

Как известно (хотя это и не приведено в рассматриваемой книге), В. А. Шишкин как начальник археологической экспедиции по изучению Афрасиаба 60-х гг. не без влияния мнений на этот предмет М. К. Пачоса, вновь ставил под сомнение вопрос о тождестве Самарканда и Мараканда⁹. Последний В. Л. Вяткин предлагал искать где-то в другом месте. В связи с этим А. М. Беленицкий (с. 19) пришел к выводу, что, «очевидно, вопрос о датировке Афрасиаба и истории сооружения его крепостных стен должен быть оставлен открытым». Ниже по этому вопросу у О. Г. Большакова сказано, что «в ходе археологических работ появилось представление, будто внешняя (четвертая) стена Афрасиаба в VIII в. еще не существовала»; что разрез ее, по мнению М. К. Пачоса, «также бесспорно свидетельствует о ее возведении в начале IX в.», но, «как выяснилось впоследствии, М. К. Пачос не поиял стратиграфии и игнорировал очевидные остатки древних стен» (с. 221—222). Следует добавить к этому, что подавляющее большинство археологов Средней Азии ошибочно утверждения М.- К. Пачоса не разделяло в процессе производства им разрезов стен Афрасиаба, не разделяет и теперь после опубликования результатов его работы с приложением чертежей разрезов.

Археология не принадлежит к точным наукам. Тем требовательнее должны быть ее адепты к приводимым им цифрам и к делаемым на их основании заключениям. Нельзя не расценивать иначе, как досадный промах (с. 10), утверждение о том, что обжитая площадь «калы» Термеза, якобы состоявшая перед арабским завоеванием из цитадели и шахристана, равнялась 20 га, причем делается ссылка на работу В. А. Шишкина (1940б) без указания страницы. Во-первых, у названного автора таких сведений нигде нет; во-вторых, в указанную эпоху «калой» называлась только цитадель, бывшая первоначально собственно городом в раннерабовладельческий период; в третьих, территория «калы», даже включая смытую Амударьей часть по южному фасу, не превышала 10 га; в четвертых, площадь «калы» никогда не охватывала шахристана. Точнее приведены соответствующие размеры в тексте О. Г. Большакова, который для цитадели (ошибочно принятой им за шахристан или медину к моменту арабского завоевания) указал около 10 га (с. 177), а для подлинного шахристана той эпохи (трактуемого им как бывший рабад, слившийся якобы с медinou) — около 35 га (с. 78).

Такого же порядка неточность допущена в отношении раннесредневекового Мерва, о котором говорится, что он занимал территорию Гяур-калы и Эрк-калы, т. е. шахристана и цитадели общей площадью около 300 га (с. 8). Двумя же страницами выше площадь Гяур-калы определена в 200 га (с. 6). У читателя путем вычитания может сложиться представление, что площадь Эрк-калы равна около 100 га, что неверно и во много раз превышает ее подлинные размеры, имеющие всего около 12 га.

Кстати, ведущиеся свыше двадцати пяти лет в разных местах разрезы стен Гяур-калы и самый крупный в Средней Азии разрез стены Эрк-калы (по горизонтали несколько менее 100 м, а по вертикали около 30 м) не дают никаких оснований считать якобы «самы стены цитадели, как предполагается (кем? — М. М.) возникли одновременно со стеной-Гяур-калы» (с. 15). На самом деле последняя отстроена только в III в. до н. э. по воле селевкидского государя Антиоха, в то время как первые стены Эрк-калы появились в первой половине I тысячелетия до н. э.

Еще осторожнее надо обращаться с цифрами, приводимыми в источниках, когда на их основании производятся расчеты, долженствующие дать представление об известных только по названиям былых ме-

рах, которые употреблялись в прежние времена и точные размеры которых в Средней Азии нам неизвестны. К таковым принадлежит между прочим средневековый «джериб». Приводимые в джеробах у Ибн ал Факиха размеры отдельных частей Самарканда можно, без риска впасть в грубую ошибку, привлекать для определения их соотношений. О. Г. Большаков, исходя из своего предположения, не очень убедительного, что «внутренняя и внешняя медина занимает площадь Афрасиаба», произвел ряд математических выкладок и вычислил размеры «самаркандского джероба» в 290 м², хотя тут же выразил сомнение в справедливости своих отождествлений (с. 224).

В последнем он, безусловно, прав, хотя далее и пытается всячески оправдать со всей эрудицией вероятность полученного им итога, не смотря на необычно малую величину «самаркандского джероба».

Во-первых, вполне допустимо предположить, что в средневековом Самарканде действительно был в ходу джериб собственных размеров, в чем нет ничего невероятного. Неизвестно, однако, употребил ли Ибн-ал-Факих в сообщенных им цифрах именно «самаркандский джериб» или какой-либо иной, более для него привычный в повседневном употреблении.

Во-вторых, совершенно очевидно, что указанные им цифры в 2500 джеробов для «внутренней медины» и 5000 джеробов для всей медины являются искусственно округленными, почему брать их за исходные данные для точных математических выкладок едва ли рационально.

В-третьих, термин «внешняя медина» О. Г. Большаков приписал опять же в виде своего предположения, Ибн ал-Факиху, который в действительности говорит только о «медине» и «внутренней медине». Упомянутая им южная часть рабада Самарканда, получив в XI в. окружение особой стеной, только тогда стала «шахри-бируном» по отношению шахристана, т. е. городища Афрасиаба. Термин же «шахри-дарун» («внутренняя медина») и позднее в среднеазиатской топонимике означает обычно территорию, находящуюся внутри собственно города (шахристана-медина), в понимание которого включалась и площадь шахри-даруна.

В-четвертых, независимо от того, брать ли цифру в 5000 джеробов, как приложимую ко всему Афрасиабу или, следуя предположению О. Г. Большакова, добавив к ней еще 2500 джеробов «внутренней медины» и получив 7500 джеробов, нельзя, в силу высказанных выше соображений, механически делить ту или другую на 218 га, каковые по современным измерениям занимает это городище. Дело в том, что эта цифра гектар не учитывает старинной утраты от постепенных обвалов большого участка в юго-западной части городища.

Будущим молодым археологам предстоит серьезно подумать, целесообразно ли при таком количестве допускаемых предположений и при наличии подобных выше приведенных конкретных данных тратить время на уточненные математические расчеты с последующим подысканием всяких аргументов в оправдание полученного цифрового итога. Не лучше ли попытаться отыскать в письменных источниках иной пример с более обеспеченными контролем исходными данными?

Наибольшее количество произведенных математических расчетов приходится в книге на главу V (с. 258—268) раздела о городах второй половины VIII — начала XIII в., посвященную очень ответственному вопросу о численности населения в них. Об этом в письменных источниках встречаются лишь редкие указания с округлыми цифрами, обычно завышенными из разных соображений.

С огромными трудностями при определении общего числа населе-

ния в жилых городах Средней Азии пришлось столкнуться русской администрации около ста лет назад при присоединении Туркестанского края к России. Даже попытка осуществить в 1868 г. перепись в одном Ташкенте не увенчалась полным успехом. В результате генерал-губернатору К. П. фон Кауфману было подано много самых разнообразных проектов учета местных жителей, которые повсюду старались по возможности скрыть не только подлинный состав семьи, но и обслуживающего персонала во избежание лишнего налогового обложения. Одним из таких проектов предлагалось, между прочим, для выявления числа людей и отдельных домовладений исходить из учета действовавших ретиральных ям-бадрабов.

Выяснение количества былого населения на археологических городищах гораздо сложнее. Сама по себе площадь последних мало что дает для решения такого вопроса. О. Г. Большаков считает, что для этого «правильнее исходить из плотности населения, которую все же легче установить, опираясь на археологические данные о характере и плотности застройки и привлекая этнографические и исторические параллели» (с. 257). Заранее оговариваясь, что для этого «достижением будет даже такая методика, которая допускает ошибку в 100%», он берет за основу прием Торреса Бальбаса, опиравшегося на количество и размер домовладений в одном из пригородов далеко расположенной от Средней Азии Малаги и в Маллорке, а в дальнейшем исходившего из расчета, что средняя семья состоит из шести человек на 172 м². Такой же состав семьи использовала О. А. Сухарева при своих расчетах населения дореволюционной Бухары (с. 258). Эту же цифру принял и наш автор. Совершенно очевидна условность такой исходной цифры, особенно с учетом разных географических районов и различных исторических эпох.

В части застройки раннесредневековых городов автор в основном опирается на результаты раскопок Пянджикента с его прямоугольными кварталами и смыкающимися друг с другом домами, якобы лишенными двориков (с. 259). Последнее утверждение вызывает сомнение. По планировке как древних жилых кварталов, так и более молодых в современных городах Среднего Востока в целом даже при самой тесной застройке известны внутренние небольшие, размером в комнатки «световые дворики», из которых свет проникает в прилежащие помещения через выходящие во дворик двери и оконца, чаще всего расположенные над дверным косяком. В сторону улицы вела одна дверь и в старину не выходило ни одного окна. Установление при раскопках миниатюрного «светового дворака» требует даже от самого опытного археолога пристального наблюдения за последовательным снятием мелких культурных слоев перед уровнем пола.

Унификации приема методики и его расчетов для всех городов Средней Азии не может быть даже при максимальной строгости учета различных специфик каждого отдельного пункта. К математическим расчетам числа бывших жителей в разных областях и в различные периоды их истории надо подходить настороженно. Можно заниматься подобными математическими упражнениями, но отнюдь не следует обольщаться, что полученные при этом итоговые цифры сколько-нибудь соответствуют подлинной исторической действительности.

Наиболее насыщенными данными по исторической топографии городов, в том числе небольшими многочисленными схемами планов городищ, являются главы III «Количество городов» (с. 163—210) и IV «Территориальное развитие города» (с. 211—255), которые долго будут полезными всем, кто занимается прошлым Средней Азии. В этих главах особенно не повезло рабадам и внешним стенам, охватывавшим окрестности городов.

Про Тараз (ныне Джамбул) говорится только, что укрепленный пригород с трех сторон примыкал к шахристану, а на плане западная его стена показана почти в непосредственной близости от шахристана и при этом намечена, как предполагаемая, пунктиром по прямому направлению (с. 207). Между тем, как установлено моими исследованиями еще в 1927 г., территория рабада в этом направлении захватывала во много раз большую территорию, доходя до современного главного базара Джамбула, где в средние века находились изучавшиеся мной в указанном году христианские могилы, оссуарные захоронения, а также несколько позднее их появившееся мусульманское кладбище. Ни словом не упомянуто о частично сохранившихся пятьдесят лет тому назад и наблюдавшихся мной следах двух внешних стен, окружавших пригородные земли, по площади во много раз превосходившие территорию самого Тараза, и об остатках оплывшего вала на правом берегу реки Таласа в урочище Акбулум¹⁰.

Еще менее удачно отражено городище Узгенда, о котором в тексте сказано только, что оно состоит из четырех изолированных частей и не настолько велико, чтобы его можно было сравнивать с Ахсикетом. «Невозможно также считать одну из этих частей медной, другую рабадом» и, «видимо, стена, окружавшая рабад, совершенно разрушилась». Приложенный план явно свидетельствует о беспомощности снимавшего его лица в наблюдении исторической топографии (с. 204). И это говорится о городе, который одно время при Караханидах был столицей крупнейшего и важнейшего ферганского удела с интенсивно работавшим монетным двором. Нельзя не пожалеть, что и в этом случае не использованы данные моего попутного исследования в 1927 г. Узгенда. Можно было бы приложить составленный мной тогда же план, на котором были нанесены в частности ряды внутренних стен и некоторых из средневековых памятников. Что касается внешних стен города, то явных следов их мне обнаружить не удалось, но зато по тогдашней топонимике улавливались примерные места бывших в ней ворот. Урочище, где когда-то были расположены ворота в западной части рабада Узгенда, даже носило наименование «Дарвуза-огзы». Новый Узгенд, как установлено мной, передвинулся выше по течению арыков и только отчасти захватывал в 1927 г. территорию бывшей столицы¹¹.

При описании Харашкета (городище Канка) на с. 199 теперь можно было бы добавить, что стена, ограждающая территорию, которую я обозначил в 1934 г. шахристан II¹², была возведена в античную пору, а кварталы средневекового рабада расположены за ее юго-восточным, юго-западным и северо-западным фасадами.

О городе Исфиджабе-Сайраме упомянуто только в двух фразах, из которых явствует лишь, что его квадратный шахристан площадью в 28 га окружал обширный рабад, имевший около фарсаха в поперечнике (с. 192 и 194). При этом ничего не говорится ни о стене самого рабада, ни об остатках внешней стены, защищавшей обширную территорию пригородных земель. Уцелевшие к 1925 г. отрезки этих стен были засняты мной тогда же, а их описание и планы опубликованы в статье, упомянутой в приложенном к рассматриваемой книге списке литературы (с. 361) под 1928 г.

О внешней стене Самарканда вокруг его руслков, остатки которой известны под названием Дивари-Кимат, впервые говорится во второй части книги, что она была восстановлена по распоряжению Абу Муслима. Нет ни слова, что она возникла в кушано-кангюйский период, что в пору кризиса рабовладельческого общества без поддержки пришла в упадок и что в VII в. в ее оплывших остатках производились захоронения покойников в сидячем положении. В первой части книги, охваты-

вающей время с VI в. до середины VIII в., она не упоминается. По-видимому, автору осталось неизвестным, что в раннефеодальный период в ближайших окрестностях Самарканда появилась другая внешняя стена, охватившая значительно меньшую площадь, чем Дивари Киямат. Ее немногие отрезки, дошедшие в оплывшем состоянии до XIX столетия, именовались Дивари Кундалянг. Дольше других оставалась в неприкосновенности часть этой стены в юго-западном отрезке неподалеку от южного конца бульвара М. Горького.

Некоторые недочеты пришлось и на долю стен рабада города Бухары. В связи с этим прежде всего уместно восстановить репутацию Л. И. Ремпеля, много лет и успешно изучавшего на месте историческую топографию этого города. На с. 239 примечание 47 гласит: «Л. И. Ремпель ошибочно полагает, что в 849—50 г. была построена вторая стена рабада». В этом ошибается сам О. Г. Большаков. При завоевании Бухары арабами город не имел стен рабада, но вскоре первая такая стена была отстроена еще в VIII в. В. В. Бартольд полагал, что это произошло в сороковых годах того же столетия во время антиомейядского движения, возглавлявшегося в Хорасане Абу Муслимом. Описание ее до нас не дошло, но письменные исторические источники сохранили некоторые названия ее ворот, упоминаемых со второй половины VIII в. по разному поводу, начиная с восстания против Аббасидов, которым руководил в 750/1 г. Шерик б. Шейхал Мехри. Эти названия вошли в перечень одиннадцати дарбов, которые привел в своем труде X в. Истахри, как находившиеся при нем уже в середине рабада на его базарах, т. е. относящиеся тогда к внутренней стене и заключавшие в себе в числе других внутренние Самаркандские ворота в отличие от таковых же во внешней стене.

Во второй половине X в. Мукаддаси упоминает внутри Бухары уже только десять дарбов, появление которых относит к древности и списка которых не приводит, ограничившись указанием, что названия некоторых из них население уже путало. Это было связано с появлением при Тахиридах в середине IX в. по просьбе жителей в связи с ростом города новой большой внешней стены рабада с одиннадцатью воротами и башнями. Она возводилась эмиром Бухары Ахмедом, сыном Хамидом на протяжении нескольких лет, а указанный Наршахи 235 г. х. (849/50) был датой ее окончания. После сооружения этой второй стены рабада первая стена утратила в значительной степени свое оборонное значение. Едва ли ее продолжали поддерживать, почему она постепенно приходила в упадок. Названия же ворот сохранились в памяти горожан в качестве бытовавших какое-то время топонимических терминов. Зато появление первой стены рабада в VIII в. сыграло еще и дополнительную определенную роль в исторической топографии Бухары. Поскольку ворота в городских стенах всегда являлись наиболее уязвимыми при обороне пунктами, создание указанной стены позволило с известной гарантией безопасности пробить в западном фасе шахристана дополнительно трое ворот, ведущих на территорию между ним и арком.

Непонятые О. Г. Большаковым данные о стене рабада Бухары VIII в. и ошибочное признание им первой оборонительной стеной ту, которая была завершена постройкой в 849/50 г., привели автора в дальнейшем к большой путанице в высказываниях о размерах Бухары при Саманидах и о существовавших при них городских стенах, что трактуется на ряде страниц (с. 239 по 254). Чтобы при своей надуманной концепции понять текст Истахри, автор исподволь, не говоря об этом прямо, подготавливает читателей к тому, будто при Саманидах была отстроена вторая по счету внешняя стена Бухары с 11 (с. 240) или 12 (с. 248) воротами, которых якобы в натуре было больше. Эта новая «саманид-

ская» внешняя стена рабада, по мнению О. Г. Большакова, не была монументальным сооружением и сложилась, по-видимому, постепенно, так как «иначе странно, почему Наршахи ни словом не обмолвился о ее постройке» (с. 254). Объясняется же это молчание упомянутого средневекового автора тем, что в действительности таковой стены при Саманидах не строили.

Ко всему сказанному следует добавить, что подлинных официальных размеров саманидской Бухары отнюдь не определяла территория, окружавшаяся досаманидской внешней стеной ее рабада середины IX в., как не определяла их для столицы мангытского Бухарского ханства окружавшая ее внутренние кварталы стена с 11 воротами, частично сохранившаяся до наших дней. Слова текста Истахри, что Бухара его времени имела примерно фарсах на фарсах в поперечнике (а по персидскому варианту полуфарсах на полуфарсах), следует относить не к территории, окруженной внешней стеной рабада (с. 240), а к площади земель в пределах условных административных границ города. Такое понимание размеров городской территории, примеры чему мы имеем в Средней Азии и по другим городам, делает беспочвенным сравнительный анализ размеров Бухары за разные эпохи только на основании сопоставления территорий, окруженных внешними стенами.

Последующему периоду развития Бухары от Саманидов до монгольского завоевания, за время которого она пережила пять этапов различной значимости, отведено всего 17 строчек и где редакционно очень неточно приводятся сведения о стенах рабада. В основном говорится об Арслан-хане (1102—1130), как восстановителе Бухары и строителе одной соборной мечети (тогда как по его распоряжению были сооружены две), двух дворцов, бань и ремонте арка. Почему-то опущено создание им новой мечети намазгох, двух медресе, прочного моста через Рудизар. В части городских стен упомянут капитальный ремонт стены «внутреннего рабада» (с. 254), тогда как у Наршахи засвидетельствовано, что впереди старого кольца стен (второго, так как первого кольца в то время не было) приказано было возвести новое третье, причем так, что оба были «непрерывны и надежны». Очевидно, эта третья стена охватила новые участки городской застройки рабада.

После Арслан-хана О. Г. Большаков отмечает один случай, когда при Клыч Тамгач Масуде в 1164/5 г. «построили внешнюю стену рабада» (с. 254). Об этом в том же источнике приведено, что вокруг старинной стены приказано было выстроить новую (т. е. четвертую) на фундаменте из жженого кирпича, взятого из руин разрушенного каракитаями бухарского арка. Вскоре однако и эта стена разрушилась.

Совсем ничего не сказано у О. Г. Большакова о восстановлении двух колец и арка после взятия Бухары в 1207/8 г. хорезмшахом Мухаммедом и о разрушении городских укреплений в 1220 г. по распоряжению Чингиз-хана.

Археолог-исследователь должен помнить, что городские стены далеко не всегда определяют размеры города, как территории, занятой городской застройкой и местными горожанами. При благоприятных обстоятельствах это имеет место в пору их создания и некоторое время спустя после их сооружения. Иногда при наличии около населенного пункта более или менее свободных земель окружение стенами делалось с запасом внутри их свободной площади в расчете на дальнейший рост. В большинстве же случаев при многовековом обживании населенного пункта жизнь переклещивала кольца стен. В период же крупных кризисов и запустений оплывшие валы стен продолжают оставаться на своих местах, а обжитая площадь внутри их резко сокращается. Наглядный пример мы имеем на городище Гиур-кала в Старом Мерве. Никог-

да не нужно переоценивать значимости стен при суждении о количестве населения того или иного города. Для получения более или менее правильного представления необходимо осуществлять плановое стратиграфическое изучение объекта с заложением возможно большего количества разведочных шурфов через все культурные слои как внутри, так и снаружи.

Что касается предложенной О. Г. Большаковым реконструкции регулярного плана шахристана Бухары (с. 237), то для археологов полезно знать, как далеко не всегда, а даже наоборот очень редко, первоначальная планировка улиц и кварталов старых среднеазиатских городов сохраняется на многие-многие века, а тем более тысячелетия. Казалось бы, наиболее прочно должно удерживаться направление улиц, соединяющих противоположащие ворота. Между тем в той же Бухаре при заложении крупных и глубоких шурфов, начиная с 1950 г., под купольным торговым сооружением Таки-заргарон, расположенном казалось бы в центре бывшего шахристана как раз на пересечении главных улиц, идущих из его северных ворот к южным и из восточных к западным, можно было ожидать на глубине следы древнейших проезжих дорог. Этого обнаружено не было. Выяснилось, что теперешние улицы, как и недавно сравнительно бывшие спуски из них, к XV в. по крайней мере передвинулись в стороны от мест, где были когда-то ворота и улицы средневековой Бухары. Такой пример мы имеем и в Старом Ташкенте, где нам пришлось наблюдать в сороковых годах при проведении земляных работ на всем протяжении улицы, проходящей по территории бывшего шахристана с востока на запад мимо бывшего медресе Ходжа Ахрара, что она сравнительно молодая. В средние же века до монгольского завоевания восточные ворота ташкентского шахристана и отходящая от них улица были много южнее, где теперь довольно старая жилая застройка. Не сомневаясь в возможности некоторой былой регулярности в планировке бывшего шахристана Бухары, нет пока оснований категорически утверждать, что в раннее средневековье «Бухара и Пянджикент были застроены по единому плану» (с. 149 и 236).

В отношении других упоминаемых в книге городов нельзя не отметить запоздалое сетование на с. 188, что «о городах Кашкадарьи мы (т. е. О. Г. Большаков) знаем еще меньше, чем о зеравшанских: до сих пор не опубликовано никакого плана Шуллюк-тепе, городища Несефа; по-прежнему о местоположении Кеша известно только, что он был в районе Шахрисябза». На самом деле при обследовании Шахрисябза еще в 1942 г. мною было установлено, что территорию бывшего Кеша занимает ныне город Китаб. Это опубликовано в 1953 г.¹³ После того с 1963 г. в долине Кашкадарьи много лет работает до сих пор Кешская археолого-топографическая экспедиция САГУ, и один из ее отрядов под моим руководством занимался несколько сезонов изучением прошлого Кеша-Китаба, о чем упоминается в ряде статей. Городище же Шуллюк-тепе изучалось мной в 1965 г., когда, между прочим, был составлен план более или менее уцелевшей его левобережной части, опубликованный много лет позднее в год выхода рассматриваемой книги¹⁴.

Я отнюдь не собираюсь высказывать все скопившееся у меня замечания по планам городищ, представленным в соответствующей главе второго раздела книги, поскольку они представляют собой в основной массе небольшие схемы, в которых допустимы упрощения, условности, а тем более отсутствие разных деталей. Большие смущают помещенные в начале книги на обратной стороне большого складного листа, включенного между 16—17-й страницами, планы с горизонталями. Они выполнены в значительно более крупных масштабах и с рядом подробностей. Некоторые из них посвящены тем же городам, схемы которых помещены

ниже спустя около двухсот страниц. В таких случаях в чертежах, как и в тексте книги, налицо несогласованность фактических данных и индивидуальные недочеты. При этом на самих планах, даже таких крупных городов, как Бухара, Мерв и Самарканд, не совпадают их контуры, не говоря о деталях. Так, например, на чертеже № 8 вкладки листа до неузнаваемости искажен хорошо известный по опубликованным планам контур бухарского арка, много точнее представленный на рисунке 94 (с. 237). На чертеже № 3 того же вкладки даны совершенно фантастические очертания мервской Эрк-калы и неверно переданы контуры Гяур-калы, не говоря уже об ошибочном масштабе и горизонталях, не передающих основного рельефа. Между тем в более мелкой схеме рисунка 90 (с. 213) и Эрк-кала и Гяур-кала показаны значительно ближе к истине. Очертания городища Афрасиаба и на плане вкладки листа (№ 1) и на схеме рисунка 92 (с. 221) можно с натяжкой считать совпадающими, зато иначе показаны формы цитадели и совершенно в разных местах помещены Наубехарские, Бухарские и Китайские ворота. Которому из вариантов должен отдать предпочтение неискушенный читатель? Кстати, не следовало бы помещать на плане № 1 (как будто относящемся по времени не позднее середины VIII в.) очертания ансамбля зданий группы Шахи-Зинда таким, как он сложился в XV в., и указывать к северо-востоку от него «Еврейское кладбище», поскольку оно появилось здесь сравнительно поздно, а на рисунке 92 (план Самарканда IX—XII вв.) не касаясь ряда ошибок, нужно бы перенести много севернее мост Гатфер. Положение одноименного очень богатого квартала хорошо известно, а его территория достаточно точно ооконтурена благодаря многолетним работам М. В. Столярова.

Приведенные немногие примеры из числа наличных топографических недочетов, как и неверное отображение горизонталями рельефа, трудно признать допустимыми в труде, посвященном в значительной части топографии средневековых городов Средней Азии.

На что полезно обратить внимание будущих специалистов при оформлении рукописи в печать? Желательно меньше библиографической неряшливости в тексте. Так, например, на с. 6 дана не совсем обычная ссылка на В. В. Бартольда, — «IV, с. 172» и если она правильно понята, как том IV собрания его сочинений, то приписанных ему слов там нет. Не нужно забывать проставление инициалов при фамилиях упоминаемых исследователей. Обязательно внимание к точной передаче цифр страниц при ссылках и к подлинному изложению содержания цитируемых текстов. Не следует также сперва высказать мысль в виде «предположения», а затем это же утверждать как подлинный факт. Так, например, на с. 230 говорится: «Первоначально (у Несефи), вероятно, названа была длина всех четырех (каналов)», а на с. 231 категорически утверждается: «Несомненно, что в первой редакции (Канди Несефи) указывалась длина всех каналов».

Археолог должен быть строг к своим наблюдениям и к делаемым на их основании высказываниям. Если методика осуществления археолого-топографических исследований была вполне научна и полевые работы велись с достаточным количеством разведочных раскопов и стратиграфических шурфов, то для полевого специалиста будут неоправданными ни излишний скептицизм, ни полное недоверие к полученным археологическим путем выводам, с чем, между прочим, приходится сталкиваться в некоторых местах книги. Так, например, на с. 9 говорится: «Что касается города (Мерва) раннего средневековья, то, по мнению Г. А. Пугаченковой, площадь Гяур-калы была обита в VI—VII вв. лишь частично, намного уступая плотности застройки и густой заселенности парфянского времени (1958 б, с. 123). Насколько справед-

тивно это общее заключение, сказать трудно». Последнее особенно трудно, не видев городища и не зная всех произведенных на нем исследований. Кроме того, во-первых, обнаруженные в южной части огромного городища 14 небольших обжигательных печей, действовавших в VII—VIII вв., отнюдь не свидетельствуют против высказанного Г. А. Пугаченковой мнения, как это думает А. М. Белецкий. Во-вторых, это мнение не одного архитектора-искусствоведа, а всего большого XVIII отряда экспедиции, сложившийся достаточно прочно обоснованный вывод, явившийся результатом многолетних работ на городище. И в-третьих, безнадежным пессимизмом в части возможностей археолога звучит ссылка, что истину могут установить «только дальнейшие раскопки». Разумеется, когда «все» будет вскрыто, то это «все» увидит всякий, не будучи ученым. Но нереально возлагать надежды, что в ближайшем столетии будут осуществлены намеченные в заключении А. М. Белецкого раскопки «в соответствующем величине городища масштабе». Нельзя не учитывать, что Гяур-кала, как отмечалось выше, имеет свыше 3,5 км², а руины всего Старого Мерва занимают территорию свыше 60 км². Вместе с тем надо помнить, что работающий в поле археолог должен уметь в процессе раскопок видеть без элементов фантастики «вперед и под землю» на основании конкретных представлений о формировании разных видов археологического микрорельефа и понимания процессов сложения вскрываемых культурных слоев с учетом наблюдаемых данных почвоведения, ботаники и зоологии.

Я не подвергаю разбору в целом всего, что сказано в рассматриваемом труде о Самарканде, Бухаре и Мерве, поскольку прошлое их неплохо освещено в печати. Собственные точки зрения об Афрасиабе и памятниках Самарканда отражены в десятках моих работ, публиковавшихся в 1926 г. За последние же годы довольно регулярно печатаются результаты деятельности большого количества участников ныне действующей Афрасиабской археологической экспедиции Института археологии Академии наук УзССР (Л. И. Альбаума, И. Ахрарова, Л. Г. Брусенко, Ю. Ф. Бурякова, М. Д. Джуракулова, Т. С. Ерназаровой, Д. Калырова, С. К. Кабанова, Б. Д. Кочнева, Н. Б. Немцевой, Ш. Р. Пилаева, С. М. Садиева, Ш. С. Ташходжаева, М. Х. Урмановой, М. Н. Федорова, М. И. Филинович, Т. К. Ходжайова, Ш. Шаохимова, Г. В. Шишкиной и др.). О Старом Мерве в связи с созданной весной в 1946 г. и продолжающей работать до настоящего времени Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией в печати появилось в разных изданиях свыше сотни публикаций, не говоря уже о пяти томах «Трудов ЮТАКЭ» (XI, XII, XIV, XV и XVI), целиком посвященных этому городу и его району. Городу же Бухаре за последние годы в связи с вопросом о времени его появления уделяется особое внимание различных организаций, осуществляющих на его территории интенсивные археологические изыскания.

Из приведенных в книге характеристик отдельных эпох я коснусь только одной, поскольку считаю ее ошибочной. Имею в виду утверждение О. Г. Большакова, будто «караханидское завоевание в 999 г. и движение сельджукских туркмен... положили начало тюркизации» (с. 133). На самом деле, тюркизация в Средней Азии началась за много столетий до того, о чем красноречиво свидетельствуют древние топонимические названия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Archéologie soviétique en Asie. «Etudes Asiatiques», Bern, 1959.

² Список главнейших выполненных мной археолого-топографических планов с 1918 г. по 1935 г. см. в брошюре «Перечень научных работ и публикаций М. Е. Массона», САГУ, Ташкент, 1954, с. 27—32.

³ Якубовский А. Ю. Проблемы социальной истории народов Воетока в трудах академика В. В. Бартольда. — «Вестник Ленинградского университета», 1947, № 12, с. 63—72.

⁴ Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда. — «Вестник древней истории», 1950, № 4, с. 166. Для чего дана сокращенная ссылка еще на мою работу «Новые данные по древней истории Мерва». — ВДИ, 1951, № 4, с. 95 неясно, так как ни в тексте на указанной странице, ни вообще в содержании статьи чего-либо относящегося к вопросу о средневековых городах Средней Азии нет.

⁵ Ибн ал-Факих. Книга ал-булдан ли ибн ал-Факих ал-Хэмадани. — BGA. V, 1885, р. 325—326. Данные текста о Самарканде из мешхедской рукописи Ибн ал-Факиха не привожу, поскольку чувствуется, что к нему приложил руку переписчик.

⁶ Несколько многообразна по своему содержанию археолого-топографическая съемка по растительному покрову, можно отчасти судить по нескольким примерам, приведенным в «Трудах Среднеазиатского государственного университета», в. 295 (Ташкент, 1966, с. 6—7) в десятом пункте основных положений созданной мной среднеазиатской научной археологической школы.

⁷ Баляшкова О. Г. Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX—X вв. — КСИИМК, 1956, вып. 61. М., с. 20.

⁸ Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пянджикент. М., 1963, с. 59—61.

⁹ История материальной культуры Узбекистана, 1963, вып. 4. Ташкент, с. 16.

¹⁰ См.: «Известия Среднеазиатского университета» (1928, вып. 3. Ташкент, с. 268), где приведена не совсем точно выдержка из представленного мной научного отчета и приложения к нему составленного мной плана.

¹¹ Достаточно содержательные конкретные выдержки из представленного мной в Среднеазиатском университете научного отчета об обследовании Узгенда в 1927 г. См.: Известия Среднеазиатского университета, 1928, вып. 3. Ташкент, с. 267 и 292. Подлинник отчета и план Узгенда хранятся в делах Среднеазиатского университета.

¹² Массон М. Е. Загадочное городище Канка. Комитет наук УзССР—Социалистическая наука и техника, 1937, № 1, с. 115.

¹³ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Шахриябз при Тимуре и Улугбеке. — Труды САГУ. Новая серия, вып. 49. Ташкент, 1953.

¹⁴ Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973, с. 37.

КРАТКАЯ ХРОНИКА ПОЛЕВЫХ РАБОТ ЮТАКЭ 1958 г.

«Каждый человек может заблуждаться, но упорствовать в заблуждении может только идиот (или жулик)».

Цицерон

В полевой деятельности за 1958 г. участвовали следующие отряды:
I отряд, осуществлявший раскопки на городище Старая Ниса. В летнем сезоне начальник отряда М. С. Мерщев (Янгйюль УзССР), в осеннем сезоне — археолог Н. И. Крашенинникова (Ташкент).

VII отряд — историко-архитектурный. Начальник отряда кандидат архитектуры Г. А. Пугаченкова (Ташкент).

XIV отряд совместный с Ленинградским отделением Института истории материальной культуры АН СССР — по изучению памятников каменного и бронзового веков. Начальник отряда кандидат исторических наук археолог В. М. Массон (Ленинград).

XVIII отряд — по изучению Старого Мерва и его района: состоял из шести стационарных групп и одной маршрутной. Начальник отряда профессор М. Е. Массон (Ташкент).

XXV отряд — историко-этнографический по изучению племени гоклен. Начальник отряда Д. Н. Овезов (Ашхабад).

XXVI отряд совместный с Отделом охраны памятников культуры Туркменской ССР — по маршрутной археологической разведке вдоль трассы Каракумского канала второй очереди строительства. Начальник археолог К. Адыхов (Ашхабад).

Поднято и отработано свыше 5700 м³; длина осуществленных научно-исследовательских маршрутов около 3000 км.

КАМЕННЫЙ ВЕК

В 1958 г. основные работы по изучению «каменного века» Южного Туркменистана были сосредоточены на продолжении раскопок остатков поселения времени позднего неолита, находящихся в песках в 30 км к северу от Ашхабада, на урочище, именуемом Джейтун, где в 1957 г. бы-

ли выявлены два типа индивидуального хозяйства каждое с однокомнатным жильем для небольшой семьи.

Здесь в 1958 г. была вскрыта значительная площадь центральной части селения. В западной части, по другую сторону песчаной двухметровой толщи бархана из надувного песка, осуществлен новый раскоп № 2, а на краю восточной заложен небольшой стратиграфический шурф. Удалось окончательно установить, что поселение было основано на невысоком плоском бугре, который имел значительное понижение со всех сторон, почему строения в центральной части оказываются расположенными почти на 1,5 м выше одновременных им сооружений в южной. В раскопе № 2 четко наметился западный край поселения, границей которого служат здесь остатки функционирующего сравнительно короткий отрезок времени однокомнатного жилья (помещение № 16). За ним начинается широкая полоса мусорных отвалов с характерным наклонным положением слоев, что объясняется нахождением их на склонах бугра. Мусорные слои представляют собой рыхлые зольно-песчаные напластования с бедным содержанием костей животных и фрагментов керамики. В числе других находок здесь в раскопе № 2 встречены два темно-зеленых каменных теста-топорика, кремневые сверла, трапециевидные наконечники стрел, 38 штук кремневых вкладышей для серпов.

Особенно много новых наблюдений и вещевых материалов дало дальнейшее расширение площади раскопа № 1. В 1958 г. с несомненной очевидностью выяснено, что верхний культурный слой, в котором запечатлен самый поздний период оседлого обживания Джейтуна (не считая временного обитания здесь человека в последующие эпохи) и который залегает непосредственно под наносным песком из Каракумов, почти уничтожен действовавшим на протяжении тысячелетий процессом дефляции. В результате интенсивного выветривания на вскрытой раскопками площади оказались почти полностью разрушенными остатки стен различных строений, и лишь четыре жилых помещения в разных местах были опознаны в основном по полам, уровень которых прослежен по покрывавшим их известковым промазкам. Судя по их местонахождению, поселение последнего периода обживания несколько отличалось от его планировки предшествующего периода. Показательно наблюдение, что все упомянутые четыре жилых помещения расположены в наиболее высокой части бугра, а прилегающие к ним нижележащие более старые помещения в центральной и южной части раскопа заложены древними мусорными отвалами, что можно признать за показатель сокращения жилой территории Джейтуна в поздний период его оседлого обживания. Из-за незначительности самого культурного слоя этого времени пока трудно составить полное представление об относящемся к нему вещевом комплексе, к которому, очевидно, принадлежит значительная часть собранного подъемного материала, оказавшегося на поверхности в результате развевания.

Во много раз четче представлен более ранний и значительно более длительный предшествующий период, когда поселение занимало всю площадь бугра. На длительность обитания указывает не только содержащее наслосений, но также отмеченные в одних и тех же помещениях на разных горизонтах уровни полов. Так, в жилом помещении № 6, порой даже изменявшем слегка свои размеры в толще монументом 1,7 м, отмечено 9 уровней разновременных, покрытых известковой промазкой полов, постепенно повышавшихся в связи с последовательным накоплением культурных слоев, причем самый нижний пол, имеющий основание из глиняной заливки, лежит непосредственно на поверхности древнего барханного бугра.

Если в 1957 г. на Джейтуне ЮТАКЭ впервые было вскрыто всего

два хозяйства времени позднего неолита, то после работ полевого сезона 1958 г. мы располагаем данными о тридцати таковых. Это позволяет с достаточной уверенностью восстанавливать картину былой селительской застройки былого естественного бугра, во всяком случае, в его центральной части. Она не была строго подчинена каким-либо единым предварительно заданным проектным осям, но в ней не было и полной беспорядочности, а, наоборот, чувствуется приближение к известной регулярности, когда направление стен строений располагалось лишь с небольшим отклонением по отношению к странам света с преобладанием несколько к северо-северо-востоку. В сооружении небольших малосемейных жилых однокомнатных домов (6,2×5,8 м²; 6×5,4 м; 5×4,6 м; 3,5×3,75 м и т. п.) поражает почти стандартная однотипность. Приближающиеся к прямоугольнику, иногда почти квадратные в плане, эти дома имеют стены, выведенные из несколько вытянутых (60—75 см) овальных в сечениях (20×25 см) и слегка уплощенных булкообразных глинобитных комьев (гуаля или гуваяк) с примесью в большом количестве самана, каковой добавлялся и в глиняную штукатурку стен. На основной глиняно-саманной штукатурке иногда видны следы одной или двух наружных слоев, покрытых черной или желтой краской. На белом известковом полу в отдельных случаях видны следы красной краски. Входы в зависимости от климатических условий устраивались с южной и восточной стороны. В каждом жилом доме — комнате имеется прямоугольный очаг-камин в середине одной из глухих стен и расположенный рядом хозяйственный отсек, а у противоположной — прямоугольный окрашенный выступ. У половины вскрытых помещений очаг расположен у северной стены, а выступ, покрытый обычно красной краской, — у южной. В помещении № 4 последний несет следы полихромной росписи черной, белой и красной красками. У других пяти домов-комнат очаг устроен в середине восточной стены и соответственный выступ — у западной, причем в двух случаях на выступах отмечена не красная, а черная краска. Видеть в этом отражение наличия среди бывших обитателей Джейтуна двух различных родовых групп было бы преждевременно.

В отношении прочих хозяйственных строений, вообще отличающихся очень небольшими размерами и строившихся менее прочно, интересно наблюдаемое у владельцев домов-комнат стремление путем расположения этих подсобных сооружений и применения заборчиков как-то изолировать дворовое пространство каждого отдельного хозяйства и оградить его в той или иной мере от соседних. Среди хозяйственных сооружений заслуживают быть отмеченными: кладовая с шестью небольшими, покрытыми росписью хумами в хозяйстве у помещения № 4; 23-е помещение, в котором, возможно, занимались швейно-кожевным производством, поскольку внутри и снаружи было найдено 8 костяных проколов и 10 орудий на лопатках, вероятнее всего служивших для скобления кож при их обработке; яма в юго-западном углу 17-го помещения с подвергнутой на месте воздействию огня внутренней глиняно-саманной обмазкой, что находит прямые аналогии в раннеземледельческих поселениях Ближнего Востока (Перихон, Джармо и др.); образованная в результате забутовки остатков ранее существовавшего жилого помещения платформа «А», на верхней поверхности которой сделаны два продолговатых углубления, покрытых известковой обмазкой со следами обжига в одной из них. Возможно, что этими углублениями собиралась пользоваться группа соседей, изготавливавших здесь так называемым «неполным обжигом» домашнюю керамическую утварь.

Раскопки 1958 г. дали с Джейтуна исключительно обильный и разнообразный вещевой материал, хорошо характеризующий хозяйство и быт его неолитических обитателей. Из 2000 кремневых изделий здесь

найлены концевые скребки, скобели на пластинах, микролитические острия, микролитические скребки нескольких вариантов, скребки на отщеплах, сверла, до полусотни трапецевидных наконечников стрел и набор вкладышей для серпов (150 экз). Нуклеусы и отжимники, найденные здесь же, свидетельствуют о том, что все перечисленные орудия были изготовлены на месте. Хотя перечисленные изделия имеют ярко выраженный микролитический облик, однако неолитическая принадлежность всего комплекса находок определяется в его составе каменными шлифованными предметами в виде пластины с желобками (служившей для выправления стрел), двумя небольшими топориками-теслами и фрагментом такого же топорика-тесла, но более крупных размеров. В числе находок каменных изделий имеются также фрагменты зернотерок, плоские орудия комбинированного назначения (отжимники и терки для красок), ядра для пращи, миниатюрные бусинки, разнообразные, хотя и редкие, украшения-подвески. Среди последних одна в виде головы барана и две в виде бычков из белого камня с отломанной головой. Очень распространены были бусы из трубчатых костей, изготовлявшиеся в форме удлинённых пронизок, иногда украшенных кольцевыми нарезками. Кроме самих таких бусин, встречены и заготовки для них в виде малых кусочков трубчатых костей со следами отпила. Найлены также плоские бусины из раковин каспийского моллюска *didachna*. Из прочих костяных предметов получена целая коллекция проколов, сделанных из расщепленных трубчатых костей и заостренных с одного конца, причем иногда сохранялся эпифиз, образывавший упор для руки при пользовании этим инструментом. Среди овальных в сечении миниатюрных проколов (диаметром 0,1—0,2 см) ни одна не имеет ушка. Встречены также костяные поделки, заостренные с одного края и плоскосрезанные с другого. Особый интерес представляют упоминавшиеся выше орудия на лопатках, найденные в количестве 38 целых экземпляров и фрагментов и, видимо, употреблявшиеся при обработке кож.

Что касается керамических изделий, то по сравнению с другими раннеземледельческими поселениями Южного Туркменистана более позднего времени (Дашлыджи-депе, Кара-депе и др.) количество их на Джейтуне значительно меньше. Для изготовления керамической посуды к глине подмешивался саман, а сами предметы все без исключения плоскодонные, лепились от руки, после чего подвергались довольно сильному обжигу. Черепок, как правило, имеет красный цвет. Комплекс керамических сосудов Джейтуна включает следующие три основные формы:

1. Цилиндро-конические крупные и мелкие чаши с подкошенной придонной частью, обычно не покрывавшиеся росписью.
2. Цилиндрические высокие хумча с подкошенным дном, расписывавшиеся волнистыми линиями, а чаще скобчатым орнаментом.
3. Четырехугольные сосуды типа «салатниц», представленные как весьма крупными образцами, так и миниатюрными, причем последние обычно покрыты росписью.

Джейтунские хумча имеют полную аналогию с таковыми же из комплекса культур типа Намазга I—Анау I, в связи с чем представляет интерес обнаружение на Джейтуне фрагмента в виде контурных треугольников.

Обращают на себя внимание мелкие керамические поделки в виде конусов, цилиндроконусов, в форме как бы высокеньких «кеглей» и др. Общее число их около полусотни. С нижней стороны (основания) все они залощены, но никаких следов работы не несут. Заманчиво думать, что все эти разных форм поделки служили неолитическим обитателям Джейтуна в качестве фигурок какой-то игры.

Немногочисленные мелкие статуэтки в подавляющем большинстве приходится как на терракотовые, так и на сделанные частично из сырой глины весьма схематически выполненные фигурки животных, часть которых явно изображает козлов. Особо выделяется целая группа таких необожженных фигурок животных со следами многочисленных укулов, нарочито нанесенных заостренной палочкой, что, возможно, связано с каким-то древним магическим обрядом. Уникальная найденная на Джейтуне терракотовая женская фигурка, очевидно, богини-матери. Встреченный один экземпляр мелкой океанской раковины «каури» со срезанной спинкой, принадлежащей к тропической группе моллюсков сургаеа, должен быть отнесен к объектам, попавшим на джейтунский бугор много тысяч лет спустя и занесенным туда человеком не ранее поры рабовладельческого общества, если даже не позднее.

После работ 1958 г. древнее поселение Джейтун оказывается вскрытым на одну треть всей занимаемой его остатками площади. Это дает возможность уже достаточно конкретно характеризовать культуру его бывшего населения, пришедшего к оседлости и земледелию во второй половине V тысячелетия до н. э. Исследования очередного сезона подтверждают основные выводы, делавшиеся в отношении данного большой научной важности объекта в 1957 г. Поскольку раскопки, проводившиеся археологическим сектором Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР на близком по времени памятнике Чапан-депе не выявили плана хотя бы части этого поселения, установленные ЮТАКЭ достаточно четко принципы планировки Джейтуна с его мелкими участками отдельных хозяйств и однокомнатными домами небольших семей имеют особую значимость. Добытый здесь прекрасный вещевой комплекс находок указывает на преемственную связь культуры и быта населения Джейтуна времени неолита, с одной стороны, с более древними мезолитическими традициями, а с другой — с таковыми же племенами Южного Туркменистана времени бытования культуры Намазга I.

Джейтун, уже получивший широкую известность и представляющий собой остатки древнейшего в СССР земледельческого поселения, заслуживает дальнейшего планомерного изучения.

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

В 1958 г. ЮТАКЭ проводила исследования энеолитических культур Южного Туркменистана, продолжаящие вызывать большой интерес среди ученых СССР и специалистов стран Запада и Востока.

При маршрутном исследовательском проезде по западной части подгорной равнины Копетдага и по горному участку от Карие-кала через Дойне до селения Караул был обнаружен, посещен, зарегистрирован и обследован рекогносцировочно ряд памятников, содержащих культурные слои поры энеолита. У аула Изгант осмотрены остатки относящегося ко времени культур Намазга I — Анау I небольшого поселения Дашлы-депе, которое по своей величине напоминает аналогичное Дашлыджи-депе, бывшего оазиса у Геоксюра. Той же поры поселение у Беурмы является наиболее крупным энеолитическим памятником из числа известных в настоящее время в Ахале, а сверху оно перекрыто сравнительно маломощными слоями культур арханческого Дахистана, Анау IV и отчасти XI—XII вв. Синхронным времени поздних слоев культуры Анау I определяются остатки копетдагского поселения близ современного пункта Караул к югу от Нухура, причем оно, как устанавливается по подъемному материалу, обживалось и позднее в эпоху бронзового века (культура Намазга IV).

Главное внимание было уделено продолжению раскопок Дашлык-

джи-депе, находящегося в 6 км к северо-западу от станции железной дороги Геоксюр, открытую ЮТАКЭ и начатую исследованием в 1957 г. Оно является самым восточным объектом из выявленных памятников группы культур Намазга I (Анау I б). В 1958 г. земляные работы велись здесь на площади в 450 м², причем вскрывался третий, самый нижний культурный слой, лежащий непосредственно на материковых аллювиальных отложениях. В процессе раскопок установлена общая планировка четырех рядом расположенных отдельных хозяйственно-жилых комплексов, каждый из которых состоит из одного небольшого жилого помещения, маленького внутреннего дворика и нескольких хозяйственных пристроек. В некоторых случаях хозяйственно-жилые комплексы отделены друг от друга проходами. Имеются и тупички. Кроме того, выделяется группа из пяти исключительно хозяйственных помещений, представляющих собой как бы комплекс кладовых. Стены сложены из прямоугольных сырцовых кирпичей 38—36×24×10 см. При повышении уровня земли далеко не все помещения подвергались перестройке, что в большей мере касалось хозяйственных строений. Некоторые жилые помещения продолжали функционировать и позднее во втором строительном горизонте. В жилых помещениях стены и пол покрывались обмазкой из хорошо отмученной глины, иногда зеленоватого цвета. В одной из комнат (№ 4) на полу оказались следы покрытия черной краской. Обычно справа от входа в жилое помещение располагается небольшой прямоугольный очаг, около которого с помощью небольшой перегородки устраивался маленький отсек, видимо, для складывания предметов обихода. В помещении № 4 налицо два очага, причем малый из них помещен справа от входа, а более крупный сделан в южном углу. В одном случае крупный очаг оказался установленным во дворе.

Немногочисленный керамический материал, добытый из нижнего культурного слоя, мало чем отличается от такового же из двух выше-лежащих горизонтов. Наиболее характерными формами керамической посуды являются:

А. Горшковидные сосуды со слабо профилированным венчиком, покрытые росписью из ряда силуэтных треугольников и пересекающихся линий.

Б. Широкие чашки-миски с внутренней росписью в виде шевронов, заполненных сеткой ромбов, стилизованных изображений деревьев или широких пересекающихся лент.

Встречены также фрагменты корчаг с метопным листовидным орнаментом и венчик хума с орнаментом, состоящим из одного ряда крупных треугольников. Прочие виды глиняной посуды представлены единичными экземплярами. Из мелких керамических поделок найдено около трех десятков конических и сферических пряслиц, иногда украшенных зигзагообразными насечками.

В числе полученных предметов производственного инвентаря имеются три костяных шильца; одно массивное четырехгранное медное шило длиной в 8 см при сечении 1,1×1,1 см; небольшое шлифованное каменное орудие длиной в 6,5 см, напоминающее долото.

Среди находок, иллюстрирующих некоторые надстроечные явления, налицо несколько керамических фигурок животных. Наибольший же интерес представляют две небольшие уникальные керамические женские статуэтки. Одна из них сохранилась целиком и имеет высоту 46 мм. У нее небольшая сделанная зашипом головка, на которой мелкими углублениями показаны глаза и рот, а брови обозначены рядами мелких точек, смыкающихся у переносицы. Ожерелье из двух ниток бус исполнено аккуратными вмятинами. Грудь и руки отсутствуют. Ярко выражена стеатопигия, причем ягодицы сплошь покрыты мелкими круглыми вдав-

лениями. Вместо ног статуэтка имеет цилиндрическое основание с небольшим уширением внизу. В средней части этой подставки спереди сделано узкое и глубокое отверстие. Вторая аналогичная статуэтка, сохранившаяся до талии, в точности повторяя первую, отличается более крупными размерами. Это совершенно новый тип стоящих женских статуэток впервые отмечаются для культур анауского круга и является еще одним археологическим вкладом для понимания генезиса образа женского божества, игравшего большую роль в идеологии ранних земледельцев Среднего Востока.

Раскопками 1958 г. завершены земляные исследовательские работы на Дашлыджи-депе. Это первое и пока единственное полностью раскопанное поселение ранних земледельцев не только в Южном Туркменистане, но в соседних братских республиках Средней Азии и в сопредельных зарубежных странах. В ходе работ весеннего сезона был собран также значительный остеологический материал и взяты образцы древесного угля для радиоуглеродного анализа, уже оправдавшего себя при предыдущих работах ЮТАКЭ. Раскопки на Дашлыджи-депе дают основание считать, что жизнь на этом небольшом неолитическом поселении, запечатленная следами в трех стратиграфических горизонтах, продолжалась свыше ста лет. Собранный материал позволяет установить генезис древнего населения, материальный базис, социальную структуру, отчасти идеологические представления и связи с соседними племенами. Очень важно, что нижний горизонт Дашлыджи-депе дает аналогии с однокомнатными жилыми домами неолитического поселения Джейтун.

Поскольку на поселениях времени культур Намазга II — ранних слоев Намазга III (Геоксюр, Кара-депе), как установлено ЮТАКЭ, основным типом жилья были большие многокомнатные дома, отделенные иногда друг от друга узкими проходами, с 1958 г. появились основания, чтобы предположить, что подобное различие в планировке поселений, очевидно, связано с внутренними изменениями в общественной жизни их обитателей, возможно, с начинающимся переходом от парной семьи к большой патриархальной семье, как основной ячейки родовой организации.

В части памятников «бронзового века» в 1958 г. при осуществлении исследовательского маршрута было посещено несколько пунктов с остатками поселений этого периода. Среди них Чингиз-тепе близ Парау, в верхних культурных слоях содержит керамику типа арханчского Дахистана, Шах-депе II и Намазга IV. Типа арханчского Дахистана материал встречен в долине Сумбара на Дузлы-депе у одноименного современного населенного пункта. Уруз-депе в копетдагском пограничном селении Дайне включает материал, напоминающий комплекс Шах-депе и восходящий к III — началу II тысячелетия до н. э. Обнаруженный ЮТАКЭ несколько лет назад у Дайна древний медный тесло-топор и доставленные оттуда позднее в 1952 г. А. Ф. Ганялиным керамические сосуды, случайно обнаруженные населением на современном кладбище, по-видимому, принадлежат погребальному инвентарю покойников из числа бывших обитателей Уруз-депе. В верхнем культурном слое последнего отмечена средневековая керамика.

Из пещер без производства раскопочных работ, а потому и без точного определения времени их бывшего первоначального обитания, осмотрены Кометинг-говача к востоку от Дайне в виде небольшого навеса со слоем золы мощностью до 1 м; Ох-дере у Куруже в виде большого навеса, который используется для укрытия скота, и Дев-Кевук, расположенная в хребте Херег-даг, в начале зоны арчевых зарослей к северо-востоку от Гермаба, к югу от Геок-депе, на землях колхоза «Ленинизм» Дев-Кевук представляет собой крупную пещеру (до 30 м глубиной) с

рухнувшими огромными глыбами сводом. О позднейшем обживании и в парфянскую пору свидетельствуют многочисленные находки керамики, причем неподалеку от входа в пещеру на поверхности земли видны остатки каменной кладки, где также встречаются фрагменты керамической утвари парфянского времени.

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

При осуществлявшихся в 1958 г. маршрутных исследованиях к западу и северо-северо-западу от Ашхабада, на расстоянии от последнего от 35 до 75 км (по прямому направлению) было осмотрено несколько памятников периода рабовладельческой формации, представляющих остатки небольших поселений, на которых оказался материал парфянского времени. Шор-дере, расположенное несколько южнее Изганта; Кызляр-кала к югу от Геок-дере, в районе колхоза «Ленинизм»; Кызляр-кала у Гермаба; развалины у Куркулаба, представляющие руины поздней крепости, в основном культурном слое которой содержится парфянская керамика.

Раскопные работы по проблеме рабовладельческого общества осуществлялись в 1958 г. на городищах Старого Мерва и Старой Нисы. Внутри Эрк-калы, которая определяется ЮТАКЭ как первоначальное городище раннерабовладельческого Мерва (площадью около 12 га), у огромного центрального бугра (около 30 м высотой) было продолжено углубление начатого еще в 1957 г. стратиграфического шурфа, который за отчетный сезон был опущен на глубину до 3,6 м ниже прилегающей современной поверхности Эрк-калы. Установлено, что платформа первоначальной цитадели начинается почти на 3 м ниже упомянутой поверхности Эрк-калы и была выведена на слое из мелкого желтого песка со включениями комочков туона с прослойкой в 10 см из коричневой глины на глубине 0,3 м. На грани LXXV и LXXVI ярусов пошел сплошной слой вязкого туона. Выяснено, что общая высота платформы в части, выложенной из крупного продолговатого кирпича середины I тысячелетия до н. э. (варьирующего от $54 \times 24 \times 10$ см³ до $57 \times 27 \times 11$ см³), достигает около 14,75 м. Таким образом, при возведении цитадели раннерабовладельческого Мерва лишь на создание ее платформы потребовалось свыше 3 000 000 кирпича, если только она частично не была выведена из пахсы.

В порядке изучения территории внутри Эрк-калы в заниженной ее части в 1957 г. был заложен новый рекогносцировочный раскоп (№ 3) примерно в 30 м к западу от первоначальной цитадели, против ее северо-западного угла, на бугре с четкими более или менее спрямленными восточным и северным склонами. Этот бугор сливается при постепенном повышении с оплывом западного фаса внешней стены Эрк-калы и прилегающими с южной стороны руинами внутренней застройки. Преследовавший разведочно-стратиграфические цели раскоп № 3 был осуществлен на площади в 136 м² с зачисткой на восточном склоне. Удалось установить, что в середине I тысячелетия до н. э., более или менее одновременно с созданием гигантской платформы цитадели, здесь также была возведена аналогичная платформа только значительно меньших размеров. Она была приподнята от тогдашнего уровня земли на высоту 3,5 м и сооружена из крупных, продолговатых, уложенных в перевязку сырцовых кирпичей (в среднем $57 \times 29 \times 11$ см), глина для которых была замешана иногда с большим содержанием песка. Наружно платформа была выведена с полкосом в 70°, как это установлено для ее северного фаса в получищном при зачистке обресе. Некоторое время спустя, но эпохально в том же периоде, площадь первоначальной плат-

формы несколько увеличили за счет наращивания кладки из такого же продолговатого кирпича с северной стороны. На этой платформе в разное время появлялись различные помещения, то переделывавшиеся, то заполнявшиеся внутри забутовкой, повышавшей уровень полов, то полностью закладывавшиеся кладкой из сырцовых кирпичей, перекрывая иногда гребни сохранившихся на небольшую высоту стен и образуя таким образом надстроены платформы для возведения на них уже новых сооружений.

Первая такая добавочная платформа появилась в начальную пору расцвета рабовладельческого общества и сложена из так называемого условно «раннепарфянского типа» квадратного сырцового кирпича $41 \times 41 \times 10$ см³— $42 \times 42 \times 12$ см³. В ее кладке отмечены фрагменты толстостенных парфянских хумов и жженных кирпичей ($34 \times 34 \times 8$ см³) с саманом и прокаленной до черноты серединой. К сооружениям этого времени относится, между прочим, одно полностью вскрытое помещение № 6 площадью около 9 м², расчищенное в юго-западной части раскопа и сложенное из таких же квадратных сырцовых кирпичей, что и сама платформа, на которой оно стоит. Пол этого помещения лежит на 2,3 м ниже реперной точки, которая сама возвышается над уровнем поверхности Эрк-калы на 6,47 м. Сделанные достаточно прочно некоторые стены помещений этого периода использовались и позднее, частично входя в планировку вновь появлявшихся сооружений. В среднепарфянское время некоторые соседние помещения с комнатой № 6 частично были заполнены кирпичом, отчего уровни их полов повысились. Помещение же № 5 перегородили выведенной с юга на север стеной в 1 м толщиной из парфянского сырцового квадратного кирпича, в результате чего образовались два смежных помещения № 3 и № 9. На следующем этапе обживания помещение № 6 забутовывается до уровня 1,05 от репера и с этого же уровня остатки древних стен надкладываются сырцовым кирпичом $44 \times 43 \times 10$ см³ с клеймами двух видов. После осуществленных переделок на основе древнего помещения № 6 возникает новое — № 7. Одновременно в помещении № 3, где пол также повышен забутовкой до уровня 1,05 м, в восточной стене устраивается очаг (глубиной и шириной примерно в 0,5 м), который в момент вскрытия был заполнен золой с угольками от колючки и фрагментами кухонного котла из глины с примесью толченой керамики. В забутовке комнаты № 7 под полом найдена кушанская медная монета Кадфиза I (I в. н. э.). В закладке помещения № 6, в кирпичах контрфорса у восточной стены № 7 и в швах синхронных кладок попадают фрагменты керамики с подкошенной придонной частью розового в изломе черепка с кремчовым ангобом, сероглиняных и тонкостенных розоватой глины сосудов парфянского типа. В большом помещении № 9 на приподнятом до уровня 1,33 м от репера полу оказался лежащим значительный слой мощностью от 15 см до 30 см зеленоватого цвета от разложившихся органических остатков, обильно насыщенный костями домашних животных, преимущественно крупных. В свое время это были куски нарубленного мяса, сложенные в большом количестве на покрытом слоем камыша полу. Тут же стояла керамическая чаша (диаметром 40 см), валялись терракотовые фигурки коней, железное и свинцовое кольца и несколько медных плохой сохранности парфянских поздних монет маргианской эмиссии. Из слоя под полом получена керамика серого в изломе черепка, в частности кольцевые донца с выступающей в центре шишечкой. В помещении № 3 обнаружена интересная небольшая овалная гемма из сердолика с изображением скачущего влево дикого горного козла. Наличие на шее ошейника указывает на принадлежность животного к обитателям заповедника. Вторая раннесасанидская сердоликовая гемма с изображением двух противо-

лежащих под деревом горных баранов архаров была найдена за южной стеной помещения № 6. Характер находок позволяет относить отмеченный этап обживания комплекса помещений к позднепарфянской—раннесасанидской поре, т. е. к III в. н. э. Допустимо предполагать, что произведенные здесь значительные перестройки приходятся на время правления второго сасанидского государя Шапура I (240—271), когда, как установлено исследованиями ЮТАКЭ последних лет, в Эрк-кале на привратном замкового типа сооружении были произведены крупные строительные работы.

С новым этапом связано появление прямо на слегка присыпанном и утрамбованном селитроносном зеленом слое с костями плоховатой кладки стены, выложенной при этом не по прямой линии, а по дуге овала. Одновременный лежащий на полу помещения № 1 (0,8 м от репера) слой толщиной от 1 до 4 см включает в себе остатки обуглившихся зерен отчасти ячменя и овса, а в основном пшеницы, тщательно выбранные цельные экземпляры которой позволяют после соответствующего изучения дать представление об этом основном хлебном злаке Южного Туркменистана поры кризиса рабовладельческой формации. Следы определенного запустения для этого времени в комнате № 1 отмечены в виде лежащей на полу массы упавших со стен кирпича и слоя желтого надувного песка.

Затем в раннефеодалную пору новая платформа из кирпича $39 \times 39 \times 10$ см³ — $40 \times 40 \times 10$ см³ покрыла все искусственно сглаженные следы полуразрушенных построек и на ней (на уровне 0,36 м от репера) появились новые сооружения. Находки в них на полу фрагментов поздне-сасанидского типа хумов с прямыми венчиками, пехлевийская надпись VI в. и не позднее VII в. на одном из них, наконец, обнаруженная в кладке медная сасанидская монетка VI в. свидетельствуют, что верхняя платформа была выведена не ранее VI столетия.

От маломощного, почти целиком развеянного верхнего культурного слоя, приходящегося на отрезок времени от завоевания Мерва арабами и до последнего момента обживания цитадели, сохранилось некоторое количество жженных кирпичей-маломеров ($19 \times 19 \times 3,6$ см³; $20 \times 20 \times 3$ см³; $21 \times 21 \times 4,5$ см³; $23 \times 23 \times 5$ см³), мелкие кусочки алебастровой штукатурки со следами голубой краски, да два мусульманских захоронения одного взрослого и одного ребенка, скелеты которых оказались лежащими выше последней по времени платформы непосредственно под пушонкой. Могилы были обложены кирпичами $34 \times 34 \times 8$ см³.

Следует отметить, что небольшой, но очень трудный рекогносцировочно-статиграфический раскоп № 3 вполне себя оправдал. Тщательно проведенными наблюдениями установлено несколько этапов существования последовательно появлявшихся на месте разведывавшегося бугра сооружений. Выяснена некоторая общность их судеб с древнейшей цитаделью Мерва на протяжении около полутора тысячелетий. Встреченные в разных культурных слоях большое количество раздавленных хумов, остатки сложенного в одном из помещений на камышовый подстилке значительного количества мяса, спрессованная масса ссыпанного на полу другого помещения хлебного зерна — все это дает основание считать, что изучавшийся комплекс строений в пору рабовладельческого общества выполнял, очевидно, функции продовольственных складов-хранилищ для гарнизона. В этом отношении интересен также факт обнаружения у южного края раскопа мелких с редкими вкраплениями окиси меди железных шлаков от переплавки железных изделий. Вероятно, эти шлаки происходят из находившейся поблизости мастерской, где пришедшие в негодность ножи, мечи, наконечники копий и другие предметы шли в переплавку на металл для изготовления нового вооружения.

Медную окись могли при этом вызвать те медные или бронзовые заклепки и обкладки, с помощью которых прикреплялись костяные и деревянные пластины к рукояткам холодного оружия.

В части дальнейшего исследования собственно города Мерва времени расцвета рабовладельческого общества, каким он сложился с III в. до н. э., будучи обведен на площади свыше $3,5 \text{ м}^2$ по распоряжению селевкида Антиоха I Сотера (280—261) особой стеной и после того сперва названный Селевкней, а позднее переименованной в Антиохию Маргианскую, в отчетном сезоне было продолжено начатое в 1957 г. ответственное и важное изучение его стены западного фаса у юго-западного угла. Произведенные здесь дополнительные земляные работы (около 600 м^2), дали возможность осуществить ряд новых наблюдений и уточнить прошлогодние не только в гигантском разрезе (достигающем по высоте 23 м, а по протяжению с востока на запад почти 90 м), но отчасти и в плане.

Очень существенно окончательное решение вопроса, что именно здесь у юго-западного угла Антиохии Маргианской уже в античную пору существовал отвод воды из протекавшего вблизи, как нам кажется по одному из древних русел Мургаба, крупного канала Разик. Удалось обнаружить следы этого отводного арыка, первоначальное ложе которого, будучи прокопано с запада на восток с незначительным отклонением к северу, делало дугу в четверть окружности радиусом несколько более 3 м перед стеной Антиоха, а затем, проходя под ней, снова выпрямлялось и шло в прежнем направлении. Пропуск по нему воды был учтен при возведении стены III в. н. э., когда, чтобы предохранить ее от размыва, откосы (сырты) арыка на значительном протяжении были укреплены пахсой. Позднее при парфиях эти берега арыка в порядке поддержания, а, может быть, и в целях сужения русла в месте пропуска воды под стену дважды наращивались кладками в 75—80 см толщиной каждая, выведенными из пахсы с туюнной глиной. Во второй (позднейшей) обкладке у южного сырта удалось обнаружить уступ и начало сводчатого пролета, с помощью которого стена была выведена над руслом.

Исследования осеннего сезона 1958 г. не только окончательно подтвердили, что в 1957 г. были установлены остатки стены Антиоха I, но позволили получить более детальное представление об ее устройстве. Под местом, где она была возведена, на уровне современной поверхности Гяур-калы (XI ярус) встречен слой с маргианской керамикой, наглядно свидетельствующей, что территория, которую окружили городской стеной в III в. до н. э., уже до того, в какой-то мере, была обжита даже на окраине, почти в 2 км расстояния от Эрк-калы. Возможно, в связи с нахождением здесь берега арыка, непосредственно над его сыртом из пахсы с туюном была сооружена платформа высотой в 3,4 м, состоящая из двух рядов пахсы (высота нижнего — 0,8 м; верхнего — 0,6 м) и двухметровой толщины кладки из сырцового кирпича, варьирующего от $37 \times 37 \times 10 \text{ см}^3$ до $42 \times 42 \times 12 \text{ см}^3$. Таким же кирпичом в один—два ряда были обложены с внешней западной стороны обе нижние пахсы. На этой же платформе, с отступом внутрь от наружного края на 2 м, выведена слегка суживающаяся вверх стена, сложенная из сырцовых кирпичей упомянутых выше размеров. На южной стороне разреза она имеет в основании ширину в 6,7 м, а верхние прослеживаемые ряды ее кладки находятся на высоте 7,4 м от подошвы. В расстоянии 15 метров севернее, на противоположной стороне разреза в отчетном сезоне удалось также выявить остатки стены Антиоха, имеющей здесь в основании 6,1 м ширины. На внешней стороне стены прослежена хорошая глиняно-саманная штукатурка; со стороны же, обращенной

внутри города стена оплыла. Под стеной, в платформе, найдены керамический шлак и фрагменты керамики III в. до н. э., попавшие туда при ее сооружении.

Пока неясно, сколько раз подвергалась изменениям стена Антиохии Маргианской с момента ее сооружения до вхождения города на грани II—I вв. до н. э. при Митридате II (124—87) в состав Парфянской державы. Но даже по наблюдениям на ограниченном участке разреза Р2 видно, что она за время существования рабовладельческого общества неоднократно капитально реконструировалась, получая все более мощный профиль. На одном из этапов при парфиях стена Антиоха оказалась замурованной внутри целиком охватившей ее как бы футляром новой гигантской городской стены, имевшей в основании свыше 16 м ширины. Последняя очередь ее внешней пристройки была выведена на большой толще насыпных слоев (3,5 м), наложенных на них двух рядов пахсы (в 0,6 и 0,9 м) и кладке из сырцовых кирпичей (высотой в 0,7 м). Последняя оформила создание новой крупной платформы, край которой выступает вперед от наружного фаса стены почти на 9 м, а верхний уровень приподнят от дна современного арыка на 5 м. С этого уровня начинается уже кладка самой стены, которая оказывается таким образом приподнятой выше начала стены Антиоха несколько более 2 м. В основании новой стены лежит наклонный пахсовый цоколь высотой в 0,8 м, под которым идет с несколько более крутым наклоном основной массив кладки стены, сохранившийся на высоту 6,2 м, сложенный из имеющих различные клейма сырцовых кирпичей, варьирующих в размерах от $40 \times 40 \times 10$ см³ до $42 \times 42 \times 15$ см³ и покрытый снаружи глиняной штукатуркой. Осуществленная вдоль внешнего фаса парфянской стены расчистка на 11 м не дала никаких фактов для подтверждения предположения, что у ввода внутрь города арыка для прикрытия находилась выступающая вперед банья. С восточной стороны, обращенной внутрь Гяур-калы, от не очень мощного здесь «футляра» парфянской кладки, прикрывавшего стену Антиоха и служившего в верхней части, вероятно, паранетом, на обследованном участке сохранилось немного. Здесь выше пахсового закрепления южного сырца арыка, с верхнего уровня кирпичной кладки платформы стены Антиоха выведены с наклоном два метровых ряда пахсы (толщиной в 2 м), на которых уже покоится кладка из сырцовых кирпичей несколько более широкая, что оказалось возможным благодаря значительному наклону стены III в. до н. э. К последней «футляр» парфянского времени был первоначально пристроен вплотную.

Последнее крупное изменение в облике и фортификации городской стены Мерва за период рабовладельческого общества приходится на III в. н. э. К этому времени от разрушений вдоль наружного фаса накопился значительный оплыв, прикрывший руины какого-то сооружения у основания стены и перехлестнувший даже за край площади многометровой платформы. Когда понадобилось реставрировать городские укрепления, прежде всего обрушившиеся пришедшие в ветхое состояние верхние части стен (в основном, очевидно, паранет и зубцы), что дало на оплыве дополнительный слой строительного мусора. На нем, с уровня почти на 3,5 м выше платформы прежней парфянской стены, вывели примыкавшую к ней пахсовую кладку, имевшую в основании несколько более 2 м ширины и приподнятую на высоту 3,7 м с наклоном в 55°. С уровня верхнего сопряжения сходящей здесь на юг пахсовой кладки с парфянской стеной возвели новую наружную вертикальную стенку толщиной в 0,86 м, за которой с того же уровня начинался под внутрикуртинного помещения со сводом отрезками. В указанной внешней стенке для стрелков из лука оборудованы узкие (от 15 до 26 см), опущен-

чие вниз под углом в 50° и находящиеся друг от друга на расстоянии в среднем около 1 м бойницы. Они расположены так, что несколько устроенных под прямым углом для фронтального поражения врага чередуются с другими, у которых средняя щель также фронтальная, а две боковые, расходящиеся от нее под углом в 45° вправо и влево, приспособлены для более активного несколько фланкированного обстрела. Есть достаточно оснований допускать, что описанная реконструкция стен Гяур-калы III в. н. э. связана с временем правления сасанида Шапура I, интенсивная строительная деятельность при котором коснулась в Мерве не только цитадели, как это установлено работами ЮТАКЭ, но, по-видимому, и его городских укреплений.

В пору кризиса рабовладельческой формации мервская городская стена пришла в большой упадок. На внутреннем ее фасе у Р2 между кладкой «парфянского» «футляра» и стеной Антиоха в результате неравномерной кладки образовалась большой глубины щель, которую со временем заполнил песок. Многочисленные прослойки постепенно напавшего ветром из пустыни песка начали скапливаться и на самом оплывшем восточном фасе. Обрушения и оплывы были столь значительны, что образовали по наружному западному фасу скопление мощных наслоений, на которых уже в феодальную пору и была отстроена новая стена, оказавшаяся не только высоко приподнятой на руинах ранее бывших стен, но выдвинутой наружу на несколько метров вперед против линии фронта укреплений III в. н. э. Первый этап нового восстановительного периода мервских городских стен начался в VI в., что подтверждается, в частности, находкой в кладке медной монеты сасанидского чекана времени второго правления Кавада (499—531).

Весной 1958 г. были проведены подготовительные работы к крупным раскопкам внутри городища Гяур-кала по теме «историческая топография рабовладельческого Мерва» у очередного объекта Р8. Последний, как установлено работами 1957 г., представляет остатки перьяго открытого в Старом Мерве древнего культового сооружения, расположенного в южной части городища — у бывшей торговой площади, неподалеку от места бывших ворот Балин. Святилище это просуществовало, неоднократно подвергаясь реконструкции, до арабского завоевания. В 1958 г. вдоль северного фаса бугра было удалено около 400 м³ скопившейся здесь отработанной земли, а на гребне северного склона с убрания второго сверху пола святилища опущен стратиграфический шурф. Он прошел сквозь сплошную мощную платформу парфянского времени в 5,4 м высотой, сложенную из 39 рядов квадратных сырцовых кирпичей, варьирующих в размерах от $39 \times 39 \times 12$ до $43 \times 43 \times 13$ см³. В самом низу, в конце XV яруса, оказался пол некогда заложеного помещения, вымощенный из высокого качества оранжевого цвета жженных кирпичей $32 \times 32 \times 6$ —7,5 см с видимой в изломе пенельно-черной закаленной внутренностью. Наблюдения, полученные в результате частичных зачисток вдоль северного края бугра (то есть оплывшей древней кирпичной платформы), установили, что существовавшее на этом месте первоначальное здание было выстроено почти на уровне прилегающей современной поверхности земли. К нему, по-видимому, относятся встреченные под северным краем платформы пахсовые кладки, упомянутое помещение с полом из жженого кирпича, нилон западного фаса и остатки стены на южном фасе, где она идет с запада на восток, как бы образуя коридор, окружавший внутренние помещения. В результате работ 1958 г. установлено, что обнаруженное по следам первоначальное здание еще в пору парфянского владычества было забутовано кладками из сырцовых кирпичей и на обрамленной таким образом платформе в 5,4 м высотой отстроили новое здание с алтарем священного огня.

В северо-западной части Гяур-калы был подвергнут предварительному обследованию находящийся там недалеко от северного фаса городской стены, несколько южнее развалин ее 13-й башни, изолированно расположенный бугор. Изучение бугра, сопровождавшееся заложением на западном шлейфе стратиграфического шурфа, опущенного на глубину 3,3 м от поверхности, показало, что оплывший холм принадлежит развалинам здания парфянского времени, стены которого выведены из крупного квадратного сырцового кирпича. Здесь встречена керамика парфянского типа, два керамических ядра в виде трехгранной пирамиды, маленький бронзовый молоточек чеканщика, небольшой каменный оселок-точило, сердоликовая гемма с вырезанным на ней изображением скорпиона и серебряная парфянская драхма Митридата II (123—88). Позднее это место неоднократно обживалось и в верхнем культурном слое наряду с мусульманскими захоронениями попадаются фрагменты раннеполивной керамики, кусочки средневекового стекла и жженные кирпичи-маломерки — $21 \times 21 \times 3$ см³.

Проводя планомерное изучение Митридаткерта, являвшегося в прошлом своеобразной крепостью-заповедником с могилами парфянских царей, а ныне представляющего руины городища, известного под названием Старая Ниса, ЮТАКЭ в отчетном году осуществляла там раскопки в весеннем, летнем и осеннем сезонах. В порядке продолжения работ 1957 г. была вскрыта добавочная площадь в 200 м² на крупном объекте, прилежащем своей западной стороной к ранее раскопанному «круглому храму». Документально подтверждено, что вскрывавшийся своеобразный словно башнеобразный памятник представляет в основании мощную сплошную платформу, сложенную из сырцового кирпича, почти квадратную в плане (около 400 м²) и высотой до 8 м. На ней уже с отступом внутрь от края платформы на 0,5—0,75 м возвышались помещения второго этажа, остатки которых были почти полностью и бесследно уничтожены в результате раскопок 30-х гг. Жалкие следы остались лишь на части площади платформы. Последняя была обведена со всех сторон сводчатым коридором, ширина которого колеблется от 2,4 до 2,9 м при высоте около 6 м. Северный коридор продолжается в восточном направлении почти на 3 м и оказывается выходящим во второй поперечный восточный коридор, идущий параллельно первому. Этот второй коридор, покрытый по глиняной обмазке алебастровой штукатуркой и имеющий ширину в 2,3 м, продолжается в северном направлении, выходя за пределы основной платформы. Он (вместе с проходом в середине северного коридора) служил для сообщения с другими помещениями, прилежащими к большому парадному «квадратному залу». Ближе к северному концу в толстой (около 2,5 м) восточной системе наружного коридора обнаружен проход шириной в 1,8 м. Напротив в западной стене оказался начинавшийся на высоте 1,2 м от пола как бы световой проем в 0,7 м ширины при высоте до 1,5 м. На одном из этапов существования здания он был частично заложен, после чего вместо него образовалась ниша в 0,54 м глубиной. Вскрытые в 1958 г. северный конец внутреннего восточного коридора и восточный конец северного коридора некоторое время спустя после сооружения получили закладки, в результате которых в середине образовались узкие (до 1 м) проходы, высота которых в 2 м определялась перекинутыми сверху балками. Стены этих новых проходов были оштукатурены алебастром.

Характерно содержимое заполнения всех коридоров. После запустения памятника на полу скапливаются почти 30-сантиметровые натечно-надувные слои. Выше залегает на разную высоту толща с зольными прослойками, появившимися при эпизодических обживаниях сохранившихся перекрытий коридоров позднейшими бездомными обитателями раз-

валин городища Старая Ниса. Затем следуют мощные завалы от разрушавшихся перекрытий, а также от оплыва и разрушения стен вперемежку с большим или меньшим количеством натечию-надувных прослоек. В завалах, преимущественно на уровне второго этажа, встречались фрагменты терракотовых акантовых листьев со следами голубой, фиолетовой, красной красок, жженные декоративные кирпичи от колонок и куски алебаstra. В результате произведенных расчисток общее протяжение крупного изучаемого объекта с востока на запад установлено примерно в 36 м.

Новый разведочный раскоп внутри Митридаткерта в отчетном году был заложен на площади с незначительным микрорельефом между Южным архитектурным комплексом и Большим домом — сокровищницы с целью разрешения ряда вопросов историко-топографического порядка. В частности необходимо было выяснить чисто планировочный вопрос, не пролегла ли здесь в парфянское время улица широтного направления и если да, то не была ли она связана с обращенным в сторону города Нисы предполагаемым проходом в западном фасе крепостной стены, где наблюдаются остатки как бы древнего пандуса. Раскоп был начат к югу от пристроенных к южной стороне дома-сокровищницы новых крупных хранилищ, ближе к юго-западному углу, захватив площадь примерно в 200 м². Установлено, что вдоль всего южного фаса пристроенных к сокровищнице довольно значительных помещений с колоннами по длинной оси тянется проход, имеющий не одинаковую ширину на всем своем широтном протяжении с запада на восток (от 1,4 м в западной части до 2,9 м — в восточной). В восточной части он упирается в самую крупную из раскопанных хумхану III и поворачивает на север к комплексу расположенных здесь винохранилищ. Южнее же прохода действительно оказался расположенным новый третий значительный комплекс хозяйственных помещений, намеченный еще в 1951 г. профессором М. Е. Массоном при съемке поверхности по осеннему растительному покрову, появившийся явно позднее двух первых и при своем возведении оказавшийся несколько сбитым от оси квадратного дома-сокровищницы, чем и объясняется упоминавшаяся неодинаковость ширины коридорообразного прохода. Выяснилось, что этот новый, более или менее изолированный комплекс, имеет по ширине три ряда смежных помещений, из которых за отчетный сезон раскопано десять. Размеры большинства из них около 15 м². Самое большое (10-е) имеет около 18 м², а самое маленькое проходное с наружным дверным проемом в южной стене — несколько менее 9 м². Сохранившиеся из очень небольшую высоту стены выведены из пахсовых блоков высотой в 0,5 м, длиной от 1 до 1,3 м при едва заметных швах. Встреченные кое-где вмазанными у основания стен квадратные сырцовые кирпичи имеют в основном размеры 29×29×5 см³ — 30×30×5 см³, но изредка попадаются также 28×28×5 см³ и 33×33×6,5 см³. Ширина северной стены комплекса варьирует от 0,8 до 1 м; южной — 1,5 м, а подстилающего большинства смежных помещений колеблется от 0,55 до 0,60 м. Исключение составляет только стена между помещениями № 3 и № 6, достигающая 0,72 м. В дверных проемах устроены пороги. Палы помещений находятся на разных уровнях: самые низкие — в первом (северном) ряду; самые высокие — во втором (южном). В помещениях первого ряда отмечено наличие двух полов, из которых второй, верхний приподнят над первоначальным на 25—30 см. В числе находок, среди которых почти отсутствовали чисто бытовые предметы, встречено семь штырей, три полых алебастровых вотивных «шара», фрагменты керамики парфянского времени, а в промазке верхнего пола в северо-восточном углу помеще-

ния № 4 оказалась хорошей сохранности парфянская серебряная драхма Синат-рука (77—70 г. до н. э.).

На почти ровной поверхности между южной стеной вновь открытого III комплекса хозяйственных помещений и расположенными на расстоянии 31—32 м южнее оплывами сооружений дворцово-храмового архитектурного ансамбля, в обрезах старой траншеи прослежена часть былой, ныне погребенной дневной поверхности, на которой проступают отдельные камни без сплошной вымостки. Не исключена возможность, что именно здесь некогда пролежала одна из улиц внутренней планировки Митридаткерта.

Раскопка 1958 г. на данном участке имеет определенное теоретическое значение, убедительно продемонстрировав целесообразность применения при рекогносцировочном историко-топографическом изучении территории со сглаженным микрорельефом археолого-топографической съемки по предложенному профессором М. Е. Массоном методу наблюдения за растительным покровом. Наличие крупного III комплекса сооружений, уклон при разбивке его планировки на месте от оси древнего здания сокровищницы, ширина занятой его застройкой площади—все это уже отражено на упоминавшейся съемке 1951 г. Опираясь на составленный тогда начальником ЮТАКЭ план, вопреки предположению производителя работ, будто рядом со вскрытыми помещениями № 1,4 и 9 с западной стороны должны располагаться еще три помещения и якобы западная граница III комплекса лишь несколько выйдет за линию западного фаса сокровищницы, теперь можно с достаточным основанием предвидеть, что начатый в 1958 г. изучением путем раскопок III комплекс в действительности протянется в западном направлении не на ширину одного ряда помещений, а свыше 45 м, в восточном же выйдет за линию восточного фаса «Большого квадратного дома» и, следовательно, будет иметь в длину свыше 100 м, хотя раскопка отчетного сезона имеет пока всего 14,5 м. Помещения нового комплекса, несомненно, окажутся очень близко расположенными к проходу в западном фаса крепостной стены городища Старая Ниса.

Осмотр расположенного неподалеку отсюда в пригородной части, против середины западного фаса крепостной стены Митридаткерта, холм Еджегуль-депе (до 33 м в диаметре при высоте в 2—3 м) обратил на себя внимание валяющимися на нем обломками жженных парфянских кирпичей, преимущественно лекальных, разного диаметра, фрагментами парфянской черепицы и осколками зеленоватого песчаника, из которых изготовлены многие парфянские базы Нисы. Все это наводит на мысль, что здесь находятся либо руины крупного здания поры расцвета рабовладельческого общества, либо остатки мастерской, где изготовлялись соответствующие строительные материалы и архитектурные детали.

Наблюдениями за обнаженной поверхностью цитадели Новая Ниса отмечено наличие нескольких сооружений парфянского времени со стоящими в помещениях двумя—тремя и даже семью хумами, некоторые из которых явно использовались для хранения вина. В одном месте найдены хумы, расположенные друг над другом, причем разделяющая их простейшая земля в 10—20 см некогда явно была пропитана вином. В центре цитадели встречено ориентированное по странам света продолговатое помещение (8/4 м²) с пазовыми стенами и как бы с пристроенной к западной стороне нишей (4/2 м²). Рядом расположена керамическая печь с отвалом хорошего качества парфянской керамики.

Для графической фиксации некоторых памятников Байрам-Алийского района, находящихся в зоне вновь орошаемых Кара-Кульским каналом старых культурных земель низовьев дельты Мургаба, специ-

альным маршрутным проездом была осуществлена съемка археолого-топографических планов 14 объектов, начало сложения которых относится еще к поре рабовладельческого общества, а именно депе: Аниек-лан, Дуекокын, Туи, Дувал, Сули, Куюлю, Гичегран, Акта, Аль-Аскер 2, Аль-Аскер 3, Лютжек, Мунон, Чаглы, Гебеклы. Со всех сторон объектов собран характерный подъемный материал. На Мунон-депе была раскопана типичная крупная круглая в плане керамическая печь парфянского времени диаметром в 5,3 м. Диаметр топочной камеры внизу—1,2 м, вверху—2,2 м. Стенки покрыты мощными натеками зеленоватого шлака. У печи оказалось девять радиально расположенных газопроводных щелей. Каналы и топочная камера оказались заполненными плотным завалом кусков полуобожженных кирпичей от обрушившегося пода и рухнувшего перекрытия обжигательной камеры. Поскольку при разборке завала не было встречено ни одного фрагмента керамики, печь, видимо, не загружалась и, может быть, даже не функционировала уже долгое время до своего разрушения (не позднее наступления кризиса рабовладельческого общества).

Успешно осуществленные маршрутные исследования и стационарные раскопные работы по изучению разнообразных памятников рабовладельческой формации выявили в 1958 г. много новых конкретных фактов, подтверждающих и уточняющих отдельные моменты в истории развития человеческого общества за этот период на территории Южного Туркменистана, установленные в процессе многолетней деятельности ЮТАКЭ.

ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Согласно своему «Положению» и многократным рекомендациям руководящих научных организаций СССР, ЮТАКЭ в 1958 г. уделяло немало внимания изучению памятников феодального общества.

При маршрутном обследовании северной части Байрам-Алийского района, где теперь начинается подъем «целины», то есть вспашка давно заброшенных старых культурных земель, установлено, что почти все развалины населенных пунктов, возникших в парфянскую пору, были обжиты в VI—VII вв., а, кроме них, сложился ряд новых. Если тепе появились еще в пору рабовладельческого общества, то внешние стены селений при них сооружаются лишь в раннем средневековье, для которого здесь характерен сырцовый кирпич $38 \times 38 \times 11$ см³— $39 \times 39 \times 11$ см³. Изредка он бывает обожжен; например, для обкладки ступеней (на Дувал-депе). Среди прочих материалов очень выразительны керамические предметы печного припаса VI—VII вв., напоминающие по своей форме апельсиновые дольки разных размеров. С раннесредневековых памятников изготовлены планы археолого-топографической съемки. Отмечено, что рядом с некоторыми депе, в небольшом от них расстоянии находятся руины, подъемный материал с которых датируется XI—первой половиной XII в. и даже началом XIII в. Широкий охват археологических памятников на обширной территории окончательно убеждает, что заброс ранее орошавшихся здесь земель связан с последствиями монгольского завоевания.

Во время маршрутного проезда по западному Копетдагу попутно зарегистрированы до сих пор не отмечавшиеся средневековые памятники, из которых два (Кызлар-кала у Гермаба и Дашлы-кала к востоку от селения Дайна) дали подъемный керамический материал XI—первой половины XII в., а Койне-кала к северу от Койне-Касира — XV—XVI вв.

В 1958 г. продолжалось изучение фортификации раннесредневекового Мерна путем продолжения расчистки профиля городской стены в

северном фасе Гяур-калы между 6-й и 7-й башнями западнее Эрк-калы. Дополнительные земляные работы, выполненные в объеме 131 м³, позволили установить ряд новых фактов и дали возможность значительно детальнее выяснить, что представляли собой городские стены Мерва конца правления династии Сасанидов в VI—VII вв.

Выяснено, что при капитальном восстановлении стен в этот период новое строительство осуществлялось на остатках прежних кладок из сырцового кирпича 36×36×11—12 см³. На внутреннем фасе примерно против середины куртины при расчистке оплыва стены в нижней части наметилась уступчатая кладка, напоминающая как бы крупные ступени высотой до 0,4 м при ширине в 1 м. Всего зарегистрированы остатки трех таких полуразрушенных от времени «ступеней». Кладка стены, предшествующая фортификационным надстройкам VI в., прослежена со стороны, обращенной внутрь города, примерно на высоту 9 м. Среди употребленных на ее сооружение кирпичей обнаружено 4 типа клейм. Вместе с тем разрез на южном фасе выявил картину заноса пустынным песком оплывов этой ранней стены, что могло иметь место в пору кризиса рабовладельческого общества. Это предположение находится в полном соответствии с находками в оплыве и в слое надувного песка фрагментов керамики исключительно среднепарфянского и раннепарфянского облика.

На северном фасе расчистка профиля стены VI в. доведена была до уровня хлопкового поля, находящегося в ложе бывшего широкого потока, служившего позднее городским рвом и заполненного ныне до краев землей. Здесь у основания оплыва стены заложен шурф 2×1 м² и глубиной в 1 м. Удалось установить, что в то время, как вверху подкосная кладка была выполнена пахсовыми блоками, покрытыми снаружи слоем глиняной обмазки, ниже подправка накопившегося от времени оплыва для придания ему определенного архитектурного угла оказалась осуществленной просто глиной с последующей обмазкой, нижний край которой расположен в XXXII ярусе, то есть на 16 м ниже сохранившейся части оплывшего гребня городской стены. Таким образом, позднесасанидская стена Мерва, начиная от подошвы, имела мощный подкос, шедший вверх в среднем под углом в 35° (варьирующем иногда от 31 до 39°) и, следовательно, совершенно недоступный для стенобитных средневековых осадных машин. Подкос этот оканчивался на высоте примерно 9,5 м, откуда уже поднималась основная вертикальная кирпичная кладка стен с бойницами. Изучение характера кладки показало, что для нее употреблен квадратный сырцовый кирпич (от 37×37×8 см³ до 41×41×10 см³) с клеймами 27 различных начертаний, впервые устанавливаемыми для данной эпохи. Из отдельных наблюдений следует отметить, что сводчатые подходы к бойницам наружной стены представляли собой коридорчики слегка овальной формы в сечении при ширине у пола в 0,75 м, а на высоте 1,10 м от него — 0,85 см, ширина внутреннего коридора куртины равна 6,5 м, поперечные стенки в нем не имеют перевязки с северными и южными продольными стенами, оставшийся же почти 10-сантиметровый промежуток заполнен глиной и кусками сырцового кирпича; что ось кладки древней стены в месте осуществлявшегося разреза отклоняется от линии восток-запад на 8° к югу, а позднесасанидской на 12° к северу. Особый интерес представляет обнаружение в оплыве северного фаса стены в XXXV и соседних ярусах (на 1,5 м и более выше уровня хлопкового поля) многочисленных раковин *Gygaulus albus* Müller и *Limnaea Lagotis*. Принадлежа к пресноводным моллюскам, они своим наличием во вскрытом слое свидетельствуют во-первых, что земля для стены и ее подкоса бралась из ложа рядом находящегося

протока-рва, и во-вторых, что в последнем некогда была проточная мургабская вода в достаточно большом количестве.

Анализ конструкции и фортификационных деталей стены северного фаса в сопоставлении с данными, полученными при изучении упоминавшегося выше крупного разреза у юго-западного угла Гяур-кала, позволяет прийти к выводу, что восстановительный период городских стен Мерва за раннефеодалную пору приходится на середину VI в. Это хорошо увязывается с общей исторической ситуацией, поскольку именно в правление Хосрова I Ануширвана (531—579) укреплению северных границ Ирана придавалось большое значение, в связи с чем проводилось возобновление стен в Дербентском проходе на Кавказе и сооружение второй стены к югу от Гюргена, начиная от побережья Каспийского моря до гор на востоке.

Самое большое значение имеет обнаружение следов керамических печей на современном гребне стены южного фаса городища Гяур-кала. Здесь к востоку от места бывших городских ворот Балин, у южной границы квартала ремесленников-керамистов VII—VIII вв., на небольшом протяжении менее 100 м, между 1-й и 3-й башнями были вскрыты остатки пяти круглых в плане горнов с внутренним диаметром несколько менее 1,5 м. Они сложены из кирпича $36 \times 36 \times 9$ см³— $37 \times 37 \times 9$ см³, имеют типичную установленную работами ЮТАКЭ конструкцию печей VII—VIII вв. с отходящим от центра пода расширяющимся каналом, обращенным на северо-восток, то есть по направлению, откуда чаще всего дует ветер. Обращает на себя внимание, что под первой печью возвышается над остатками кладки городской стены на 1,5 м, а печи № 2 и № 3 сооружены были уже на накопившихся зольных отвалах из печи № 1. Датировку времени функционирования всех пяти печей (не позднее второй половины VIII в.) подтверждают найденные в них и в отвалах многочисленные фрагменты керамики серого в изломе черепка. Судя по ним, среди керамики преобладают черепки от кувшинов со сливом, с прямыми ручками, имеющими в верхнем изгибе надел, с намечающимся кольцевым поддоном. Встречаются фрагменты с геометрическим процарапанным и оригинальным прорезным орнаментом в виде уступчатых зубцов крепостной стены. В 60 м севернее печи № 1 расположен раскопанный ЮТАКЭ в 1956 г. горн № 6 упоминавшегося квартала керамистов, современная поверхность которого лежит примерно на 5 м ниже гребня городской стены. Последний возвышается на 13,60 м над уровнем прилегающей с юга пригородной территории, что позволяет определять толщу культурных слоев на площади квартала ремесленников-гонимых, как достигающую около 9 м. Из полученных наблюдений с несомненной очевидностью явствует, что печи VIII в. сооружены на пришедшем в полуразрушенное состояние гребне городской стены; что сам факт появления их там свидетельствует об отсутствии к этому времени административного надзора за находившимися по ненадобности в забросе фортификационными сооружениями бывшего шахрстана; что кладки стен, по-видимому, служили горшечникам даже в качестве места добычи сырья в виде хорошей глины и что, следовательно, еще до этого, некоторое время спустя после арабского завоевания наметился переход наиболее оживленной части города Мерва в западную часть пригорода на Маджан. Из письменных источников известно лишь, что весной 746 г. через имевшийся в стене шахрстана пролом внутри города скрытно проник поднявший восстание против омейядского наместника ал-Харис с 50-ю своими сторонниками. Позднейшие авторы X в. приписывали сооружение мервского дома правления на Маджане Абу Муслиму, захватившему Мерв в начале 748 г. и убитому в 755 г. Как бы то ни было, установленные ЮТАКЭ в 1958 г. при изучении стены городища

Гяур-калы факты очень важны для уточнения в понимании развития раннефеодального Мерва и его исторической топографии.

В порядке продолжения ранее начатых работ на месте крупного сооружения в северо-восточном углу городища Гяур-кала было продолжено изучение уникального для всей Средней Азии установленного здесь овального в плане здания, отстроенного не ранее конца V в. или в VI в. на руинах более древнего сооружения поры рабовладельческого общества (P3). В 1958 г. на восточном фасе были вскрыты до уровня конца III яруса еще два помещения — № 24 и № 25, сложенные из сырцовых кирпичей $38 \times 38 \times 9$ см³ — $40 \times 40 \times 10$ см³. Первое из них, вытянутое с востока на запад, имеет трапециевидный план со сторонами 2,20 м—7,50—2,65—7,80 м при толщине покрытых глиняной штукатуркой стен от 1,30 до 1,90 м. Комната (со сторонами 3,90—1,90 — 3,90—2,90 м, при ширине южной стены в 1,60 м) и примыкающего с восточной стороны нише видного помещения (со сторонами 2,75—1,10—2,75 м, при толщине южной стены в 2,15 м). Стратиграфия завала и содержащийся в вскрытом слое археологический материал полностью совпадают с наблюдениями и датировками, полученными в 1957 г. В отчетном сезоне приступлено к раскопке примыкающего с севера помещения, по-видимому, наиболее значительного из всех ранее выявленных.

Совершенно новой темой историко-топографического порядка явилась постановка не освещенного в письменных первоисточниках вопроса, что представляла собой центральная часть бывшего мервского шахристана в раннесредневековую пору перед и после арабского завоевания до запустения городища Гяур-кала в связи со сложением нового ядра феодального города в западной части пригорода-рабада на территории современного городища Султан-кала.

В качестве площади для разведочного раскопа (P7) был выбран участок, на котором попутно можно было проверить вывод о наличии здесь остатков первой устроенной арабами в Средней Азии соборной мечети. Местонахождение ее именно тут было намечено еще в 1950 г. без производства земляных работ путем археолого-топографической съемки, осуществленной лично профессором М. Е. Массоном. Последняя производилась с учетом данных растительного покрова, причем основным индикатором служила солянка *Salsola Karelini*, появившаяся в тот год на поверхности городища в небывало большом количестве. По письменным источникам известно, что здание первой соборной мечети было сооружено «в начале ислама» (т.е. в VII в.) внутри шахристана, что затем в связи с увеличением числа членов мусульманской общины за городскими «воротами рабада» была отстроена более просторная мечеть, после чего пятничные всеобщие богослужения в первой были прекращены и она превратилась в квартальную мечеть «Бену—Махан». Для конца X в. имеется свидетельство Макдиси, что первая соборная мечеть считалась тогда находившейся в середине древнего шахристана, причем, согласно прежним переводам, вокруг нее располагались немногочисленные жилища. Подлинный же текст Макдиси, касающийся данного вопроса, переводится так: «В середине его (шахристана) мечеть, действительно главная в старину; в настоящее время небольшие жилища» (Макдиси, BGA, III, гл. II).

Разведочный раскоп 1958 г. на намеченной площади произведен в объеме 650 м³. Стратиграфический шурф 2,5×1,2 м опущен на глубину 7 м. Внизу он прорезал в XIV ярусе слой надувного пустынного песка, который появился тут в пору некоторого запустения в период кризиса рабовладельческого общества. Вышележащие слои датируются многими медными сасанидскими монетами и одной эфталитской. В IX ярусе оказалась медная монета Хормизда IV (579—590) и, по-видимо-

му, времени Хосрова II (590—627). Все слои с XIII до VII ярусов отражают интенсивную застройку центральной части шахристана на самом раннем этапе развития феодального города с конца V в. до середины VII в., период, за который здесь отложилась толща в 3 м мощностью. Многочисленные монетные находки позволяют думать, что разведываемый участок входил в торгово-базарную часть тогдашнего Мерва.

Раскоп подтвердил, что расположенные выше, начиная с грани VIII и VII ярусов, остатки здания принадлежат мечети. Это подтверждает угловой минарет. Как и предполагалось, первая соборная мечеть не представляла собой капитальной постройки сколько-нибудь крупных размеров. Длина восточного фаса равнялась примерно 23 м. Протяжение поперечных стен прослежено на 15 м. Выведение на плотно убитом культурном слое позднесасанидского времени стены в цокольной части сделаны были из пахсы на высоту до 1,6 м при различной ширине. Выше отмечена кладка из сырцовых кирпичей $32 \times 32 \times 7$ см— $34 \times 34 \times 7$ см, типичных для сооружений изучавшегося ЮТАКЭ мервского квартала ремесленников-керамистов VII—VIII вв. Пахсовое основание углового минарета, примкнутое к такому же «цоколю» стен, выведено довольно неумело, представляя собой наклонную наружу платформу далеко не круглого плана. Верхняя ее поверхность имеет на протяжении 3,5 м уклон почти в 0,5 м. В силу того наружная обкладка ствола минарета сырцовыми кирпичами $32 \times 32 \times 7$ см, $38 \times 38 \times 8$ см, $39 \times 39 \times 10$ см оказалась уродливо выведенной наклонно уложенными рядами. Ствол минарета имеет в диаметре около 4,40 м, сохранился на высоту до 2 м от поверхности пахсового цоколя и в основе своей также выведен из плотно убитой пахсы.

Раскоп показал, что здание то переживало временами упадок, то к нему проявлено определенное внимание. Так, минарет в XI—XII вв. получил новый «футляр» из жженных кирпичей $20 \times 20 \times 4$ см, после чего диаметр его в нижней части стал равен 5,85 м. Обилие обнаруженных подле него типичных для XI—XII вв. разных фигурных кирпичиков свидетельствует, что ствол минарета был разбит на несколько декоративных поясов, в кладке которых вставки из вертикально поставленных указанных кирпичиков чередовались со спаренными горизонтально заложенными строительными кирпичами. Налицо заделки жжеными кирпичами образовавшихся от времени «я-вий» в стенах. Установлено также, что в разное время вдоль западного фаса со стороны двора появлялись отдельные помещения, каждый сколько-нибудь длительный этап использования которых отмечается различными уровнями полов.

На других участках разведывавшейся территории Р7 обнаружены многочисленные, разнообразные, не подчиненные строгой взаимной ориентации кладки из жженого кирпича в виде небольших суфа, перегородок, низеньких стенок, обкладок могильных ям и остатков сводчатых стен склепов, связанных со сложившимся здесь кладбищем, может быть, уже с конца X в. Наблюдения показали, что после монгольского завоевания кладбище находилось в заброшенном состоянии, а под сводами его полуразрушенных склепов находили приют как бездомные люди, так и гневы. Следы пребывания первых служат небольшие очаги и зола; вторых — типичный беловатый кал и кости крупных животных. При всем том, все мелкие кладбищенские сооружения, минарет и стены мечети явно подвергались беспощадному искусственному разрушению.

Согласно приведенным выше немногим историческим известиям, первая джума-мечеть Мерва выполняла функции соборной мечети едва ли более трех — максимум четырех десятков лет. После превращения ее в рядовую мечеть «Бену Махан» к ней первое время проявлялось некоторое внимание и VIII в. со стороны представителей зажиточной и ро-

довитой части одноименного пригородного квартала. Но уже в IX в. перенос резиденции хорасанских наместников в Нишапур при Абдаллахе ибн Тахире (828—844), заметно сказавшийся на интенсивности городской жизни Мерва, не прошел бесследно как для указанного квартала, так и для его мечети. Буквальное понимание текста Макдиси о мечети, осматривавшейся им в середине шахристана в конце X в., очень хорошо иллюстрируется археологическими наблюдениями. Уцелевшая к моменту его посещения ее часть у восточного фаса, разгороженная на каморки, и заставила арабского путешественника, столкнувшегося с некоторым несоответствием виденного и того, что он сообщает в своем тексте, сделать оговорку «как будто» или «действительно».

Как показали многолетние исследования ЮТАКЭ, городище Гяур-кала, на территории заброшенного шахристана X в. многие бугры руин были использованы под кладбищенские пустыри. Раскопки 1958 г. выявили, что одно из таких мусульманских кладбищ, при этом довольно популярное среди горожан XI—XII вв., было расположено как раз у места, где некогда находилась первая соборная мечеть. Этим и объясняется наличие тут намогильных сооружений из жженого кирпича, в том числе добротных сагана для членов зажиточных семей. В этот же период, характеризующийся большим вниманием к местам, связанным с былой деятельностью лиц арабского происхождения в первых веках хиджры, был увеличен объем минарета, который покрыли снаружи декоративной облицовкой из жженных кирпичей. Для притча мечети, ставшей теперь кладбищенской, заново оборудовали помещения вдоль восточной стены, причем в находившемся подле наружного минарета тогда пребывало грамотное лицо, подтверждением чего служит обнаружение здесь со вкусом сделанной резной терракотовой чернильницы. В противоположном углу была оборудована небольшая та'рат-хана для омовений. Пол в ней был выложен жженым кирпичом с соответствующим скатом, а для вывода воды наружу устроили ташнау из гончарных труб-кобур. Тогда же по другую сторону двора возвели из сырцовых кирпичей вытянутое с севера на юг помещение, разгородив его несколькими поперечными стенками. Один из отсеков, вероятно, служил для произнесения заупокойной молитвы над труном, прежде чем его предавали погребению.

Уже упоминалось, что после монгольского нашествия на заброшенном богатом кладбище находили приют бездомные люди, а затем гиены. Поскольку последние не селятся близ человеческого жилья, время обитания их здесь восходит или к концу XIV или к началу XV в., когда жизнь отодвинулась отсюда на несколько километров в юго-западном направлении. Отмеченный же археологическим наблюдением усиленный разбор заброшенных кладбищенских сооружений ради получения жженого кирпича связан со спросом на него во вновь отстраивавшемся со второго десятилетия XV в. по распоряжению Шахруха Мерва на территории современного городища Абдулла-хан-кала. Изъятие жженого кирпича продолжалось до XIX в. включительно.

Так, стратиграфический разведочный раскоп, заложенный для изучения центральной части шахристана Мерва, разрешив поставленную основную археолого-топографическую задачу, привел попутно к выяснению ряда моментов в истории самой древней во всей Средней Азии соборной мечети и обнаружению впервые в оазисе дельты Мургаба своеобразного средневекового мусульманского кладбища с особым типом склепов — сагана.

Результатом сплошного планомерного изучения в историко-топографическом отношении Мервского оазиса явилось открытие в 1958 г. изумительного по сохранности, интересного в научном отношении, первоклас-

сного архитектурного памятника поры существования государства «Великих Сельджуков». Он известен в народе под названием мазара Хаджи Абдулла и находится в Векильбазарском районе примерно в 18 км от Султан-калы и в 10 км северо-восточнее Мары на территории огромного старого туркменского кладбища. Расположенный в стороне от проезжей дороги, скрытый со всех сторон высокой кирпичной оградой и пристроенной поздней мечетью с небольшим минаретом, памятник этот до сих пор не привлекал внимания специалистов, оставаясь по существу не известным науке, хотя среди местного мусульманского населения, и особенно у проживавших в Мары татар, пользовался до революции популярностью и почитанием. Это нашло выражение, между прочим, в неоднократных ремонтах с конца XIX в., причем последний, согласно уцелевшей надписи, был проведен в 1341 г. х. (1922—1923 гг.). В результате три сквозных арочных пролета памятника оказались заложеными европейского типа кирпичами, наружная штукатурная надпись покрыта голубовато-зеленой масляной краской, поверх которой позднее нанесли слой белой извести. Внутри помещение выбелено, частично нанесена светло-коричневая и зеленая роспись и нижние части оформлены в виде панели синей масляной краской по штукатурке.

Характерно, что примерно в 1 км на кладбище есть новой постройки купольный мавзолей—ротонда, явно копирующий формы старого памятника. Над чьей могилой возведен последний и к какому он относится времени, до работ ЮТАКЭ 1958 г. никому не было известно. Окрестные туркмены, согласно полученным нами опросным данным, считают, что здесь погребен Ходжа Абдулла, сын некоего Ходжа Мубарека, свыше тысячи лет назад попавшего в плен к правившему тогда в этой местности Марим-хану. Резиденцию этого правителя в виде остатков калы с прилегающей площадью бывшего поселения указывают неподалеку в северо-восточном направлении. О Ходже Абдулле и Ходжа Мубареке старики туркмены передают несколько легенд, лишенных какой бы то ни было исторической основы. Представители современного мусульманского духовенства уверяли нас на месте, что в мавзолее погребен пользующийся в Южном Туркменистане некоторой известностью средневековый мистик-поэт XI столетия Ходжа Абдулла Ансари, чью мнимую могилу указывают также на одной горе в Фирюзе. В действительности же Ходжа Абдулла Ансари, скончавшийся в 1088 г. и известный больше под прозвищем «гератского старца» и «пира Герата», похоронен в северо-восточном предместье этого города Казергах.

Обследованный ЮТАКЭ мавзолей Ходжа Абдуллы в Векильбазарском районе представляет собой квадратное в плане (3,80×3,80 м) купольное сооружение высотой до 3,70 м от современного уровня. Здание «вросло» в землю примерно на 0,5 м. Выведено оно из средневекового жженого кирпича 26×26×4,5 см — 27×27×5 см. Отличается обилием уцелевших надписей. На всех четырех фасадах поверху пропущена сложенная из подточенных кирпичей кufическая надпись, из которой явствует, что это место погребения одного из арабских деятелей поры завоевания Средней Азии арабами Абдуллы, сына Бурейды ал-Аслами и что имя соорудившего мавзолей мастера было Абу-Бекр. Из частично сохранившейся под ней второй исторической надписи, выполненной в шутке убористым вариантом почерка кufи, видно, что воздвигнута была данная усыпальница по распоряжению двух лиц, одним из которых был Абу Бекр, а второй — Мухаммед, сын Абдуллы. Штукатурные, кufические же надписи внутри мавзолея заключают молитвенные тексты, в том числе под куполом размещены многочисленные имена Аллаха в восклицательной форме.

Абу Абдаллах Бурейда ал-Аслами, правивший в Мерве в 671 г. и

скончавшийся в нем в 681 г., был погребен в этом городе, причем могила его находится там до настоящего времени и охраняется государством. По письменным источникам известно было местопребывание одного из его сыновей, Сулеймана, в соседней с Мервом деревне Фени или Фенни, где над его могилой в XIII в. был водружен бунчук, о чем упоминает Якут. Автор XII в. Саани сообщает, что у могилы другого сына Бурейды, Абдуллы, в его время окрестные жители собирались в ночь «книги живота», и что находилась она в трех фарсах от Мерва в селении Джаварса. Установленный ЮТАКЭ в Векильбазарском районе мавзолей Абдуллы, сына Бурейды ал-Аслами, находится действительно в трех фарсах от развалин средневекового Мерва, и, таким образом, открытие нового архитектурного памятника в свою очередь позволяет попутно разрешить еще один вопрос по исторической топографии Марыйской области в смысле определения местонахождения селения Джаварса.

Время сооружения мавзолея Абдуллы, сына Бурейды, судя по архитектурным данным, приходится на XI столетие, а согласно результатам эпиграфического анализа, этот уникальный памятник появился во второй половине этого столетия.

Обследование прилегающей части кладбища показало, что на его территории находятся подземные склепы. Один из них, расположенный в 200 м к северо-востоку от мавзолея, сложенный из жженных кирпичей $24 \times 24 \times 5$ см — $25 \times 25 \times 5$ см и оказавшийся доступным для осмотра благодаря пролому в кровле, представляет сводчатое прямоугольное помещение (свыше $5 \times 1,75$ м) при высоте от пола до замковой части в 1,75 м. Вход в него, устроенный в середине восточной стороны, оштукатурен алебастром. Время его сооружения может быть отнесено к XV—XVI вв. Подавляющее большинство встреченной на поверхности кладбища керамики, в том числе подражающей китайскому фарфору, равно как и жженные кирпичи, датируются теми же столетиями. Реже попадаются также фрагменты утвари XII — начала XIII в. К XV—XVI вв. относится подъемный материал, подобранный с находящихся неподалеку в северо-восточном направлении развалин Марим-хан-кала и с прилежащих к ним бугров от развалин бывшего здесь некогда поселения. Сама кала — это окруженная рвом почти квадратная цитадель (157×150 м) с угловыми башнями и воротами лишь в одном из фасов, который характеризуется наличием двух параллельно выведенных стен на расстоянии 15 м одна от другой.

Что касается выяснения истории керамического производства (а она является одной из разрабатываемых ЮТАКЭ многолетних тем), то в 1958 г. впервые не только для Южного Туркменистана, но и для всей Средней Азии, была раскопана керамическая печь позднеасанидского времени в северной части Мервского оазиса на городище Мунон-депе. Печь эта круглая в плане значительно уступает по размерам парфянским горнам, имея в диаметре 2,4 м. Сложена она из сырцовых кирпичей $39 \text{ см} \times 39 \times 11\text{--}12$ см. От ее узкой и длинной топки ($0,4 \times 1,4$ м при глубине до 1,4) перпендикулярно к ней отходят в обе стороны по три газоотводных канала, а в конце щели веерообразно выведено еще пять таких же каналов. Чтобы предназначенная для обжига утварь не заваливалась в газоотводы, их перед загрузкой печи перекрывали лепешкообразными кусками глины. По своей конструкции такого рода печи, позволявшие работать достаточно продуктивно, в большей мере были пригодны для полусвободных ремесленников-керамистов раннефеодальной поры по сравнению с крупными горнами поры расцвета рабовладельческого общества при парфиях. Поскольку у вскрытой на Мунон-депе печи на покрытом толким слоем золы дне топки при раскопке было обнаружено множество фрагментов от еще необожженных предметов ке-

рамической утвари, явно раздавленных обрушившимся на них сводом обжигательной камеры, явствует, что процесс производства был прерван неожиданно в то время, когда оформленные изделия находились уже в печи, будучи размещенной в ней с помощью объектов печного припаса. Так как с тех пор печь не расчищалась и оставалась заброшенной, допустимо предполагать, что внезапное прекращение производства было связано с событиями поры завоевания арабами Хорасана.

С тематикой керамического производства было связано упоминавшееся выше вскрытие остатков пяти горнов VII—VIII вв. на гребне полуразрушенных городских стен Гяур-калы близ бывших ее южных ворот Балин в непосредственном соседстве с кварталом керамистов первых веков после вхождения Мерва в состав владений Арабского халифата.

Более же крупные планомерные работы по той же теме в 1958 г. протекали в западной части мервского средневекового пригорода-рабада на площади, занимаемой некогда кварталом керамистов. В северной его части, между Р2 и Р4, на расстоянии 35 м от первого и 61 м от второго в стратиграфических целях был осуществлен Р5. Заложенный здесь шурф был опущен до глубины 5,2 м от поверхности. На дне его оказалась материковая светло-коричневая глина, над которой лежал почти полуметровый слой песка. Выше шел слой светло-коричневой глины, содержащий в конце IX — начале X ярусов мелкие ракушечки группы *Planorlidae* («катушки») — *Gyraulus albus* Müller., обитающих и поныне в Южном Туркменистане в медленно текущей воде. Прослойка в 45—50 см относительно плотного серо-желтого песка отделяла ее от вышележащего слоя коричневой глины мощностью в 1,4 м без видимых антропогенных остатков, но заключавшей в конце VI яруса раковины наземного сухолюбивого моллюска из группы *Hellicidae*—*Euomphalia transcaspica* Bttg., не проживающего обычно в близком соседстве с хозяйством человека, особенно с полосой его застройки. Первый снизу культурный археологический натечно-надувной слой со вкраплением фрагментов керамики имеет около 60 см мощности и приходится в основном на V ярус и частично на начало VI яруса, причем встреченные здесь одиночные мелкие черепки крайне невыразительны.

В культурном слое Р7, относящемся к X в., были обнаружены остатки топki прямоугольного керамического горна, стенки которого сохранились на высоту до 0,75 м, при ширине 0,85 м. Рядом находился зольный отвал фрагментов бракованной керамики, среди которых большой процент приходился на предметы с поливной ишкорного типа, орнаментация которых выполнена по белому фону в черно-зеленоватых тонах. Среди фрагментов несколько штук имеют характерные для IX—X вв. изображения птичек, многие покрыты геометрическими и стилизованными растительными орнаментами. Особенно интересна чаша с прямыми боками и с изображением на дне стоящего влево длинноногого (словно с антропоморфной головой) козла, выполненным красно-коричневой краской. Весь комплекс археологических находок может быть датирован в X в.

В верхнем культурном слое Р5 вскрыта крупная по размерам, почти четырехугольная по наружным очертаниям и круглая по внутреннему плану печь, дно топki которой находится на 60 см выше уровня дна топki остатков описанного горна. По сравнению со всеми ранее вскрытыми ЮТАКЭ печами, верхняя печь Р5 значительно лучшей сохранности. Ее внутренние диаметры колеблются в пределах от 3,25 до 3,30 м; внешние стороны имеют размеры 5,05 м—4,95—4,95—5,75 м. Печь сложена из сырцовых кирпичей 27×27×6—7 см, 27×27×6 см, 28×28×6 см. Топочное устье шириной 0,6 м при высоте 0,77 м и длине 0,85 м устроено в юго-западной стороне. На 25 см выше свода устья располагалось прямо-

угловое отверстие шириной в 35 см при длине 55 см. Суживающаяся в северо-восточном направлении топка образует как бы нижнюю оштукатуренную глиной полку, на которой расставлялись предметы для обжига. На 30 см выше по всей окружности печи пропущена вторая полка шириной в 30 см при высоте от пола топки в 75 см. Еще выше в стенках печи устроены три ряда отверстий для штырей общим числом около 250. С внутренней стороны печь была покрыта глиняной штукатуркой в три сантиметра толщиной. В самой печи и около нее получен разнообразный комплекс фрагментов бракованной керамики, в основном поливной. Преобладала так называемая «мраморная» керамика с подглазурным процарапанным орнаментом. Много чисто зеленой поливы. Встречено немало керамики, расписанной по белому фону коричневой и красной красками, по коричневому фону — желтой и белой красками и по кремневато-коричневому фону орнаментами желтого и черного цвета. Кроме объектов с геометрическими и растительными орнаментами, получено некоторое количество с эпиграфическими элементами. На нескольких фрагментах небольших чашек изображены одиночные и парные рыбы с длинными вытянутыми в одну линию хвостами, словно мастер хотел передать контуры амударьинских эндемичных рыб «скафиринкусов». На двух фрагментах чаш имелись изображения птиц. Раскоп дал большое количество трехлапчатых предметов мелкого печного припаса — «сипая» разнообразных типов, в том числе совершенно необычных, очень аккуратно сделанных и варьирующих в размерах от 3—3,5 до 12—13 см. Общее количество обнаруженных сипая около 800 штук. В отвале и в печи находились десятки концевых частей штырей (свыше 60), а также глиняных «лепешек». При оконтуривании печи в отвале керамики встречен фельс саманидский с именем Мансура I, сына Нуха (961—976), в Бухаре в 350 г. (961/2 г. н. э.), а внутри печи на уровне второго канала — монета газневидского чекана начала XI в. с титулом Махмуда (999—1030). Этими нумизматическими находками документально подтверждается установленная ЮТАКЭ датировка такого рода керамических комплексов концом X — началом XI в., к этому же времени и относится функционирование верхней печи. Нижняя печь несколько более ранняя по своему происхождению, но эпохально относится к тому же X в., лишь слегка предшествуя выше ее расположенной.

На основном широком раскопе (P1) в южной части квартала керамистов в 1958 г. продолжалось вскрытие второго хозяйственного комплекса производственных помещений, лежащих к северу от мастерской Иноятон и еще функционировавшего в конце XII — начале XIII в. Здесь было вскрыто семь помещений. Самое крупное из них («А») имело площадь 9×3,3 м; самое маленькое («Г») — 3,6×1,45 м. Ширина стен колеблется от 0,5 до 0,8 м. Внутри они сложены из сырца или представляют словно бутовую кладку из кусков сырцовых и жженных кирпичей, а снаружи имеют опрятно сложенную облицовку кусками же жженных кирпичей, у которых целой была лишь одна сторона, обращенная на фасад. В стенку помещения «А» оказался вделанным резной облицовочный квадратный кирпичик XII в. В одном случае имела место обкладка стены в два ряда жженных кирпичей внизу, после которых шел ряд сырцовых, положенных на ребро, а выше — два ряда сырцовых же кирпичей, лежащих плашмя. В помещении «Г» оказался сложенный из поставленных на ребро сырцовых кирпичей как бы «ящик» (0,7×0,7 м; высота 0,6 м). На дне его обнаружен слой от сгнившей доски, может быть, от крышки. В полу оказались вмазанными два хума. Расчистка «ящика» и обоих хумов показала, что все они служили для складывания всякого мусора, преимущественно производственного,

и их наличие свидетельствует об известной чистоплотности работавших тут керамистов. Здесь были найдены, между прочим, глиняные гирьки, небольшая медная чашечка от весов, железный нож, медный крючок, стеклянная полосатая фигурка птички, предназначенная для украшения ручки стеклянного сосуда; круглый рельефный терракотовый медальон — налlep с изображением en face женского лица гузского типа, сильно выдающимися скулами и скошенными глазами; наконец, чудесный бронзовый замочек в виде скульптурной фигурки козлика, на обоих боках которого помещена арабская надпись *المالك* «владелец». Тут же были встречены полуцелыми и во фрагментах до десятка неглазурованных горшкообразных бездонных сосудов специального назначения, на что указывают, в частности, три боковых круглых отверстия, сделанных в их тулове с одной стороны.

Помещения «Е» и «Ж», являющиеся одно продолжением другого, представляют крытые дворики с выложенными жжеными кирпичами полами и служили для сушки керамических изделий и для временного размещения готовой выгружавшейся из печей продукции. В 1958 г. вскрыто еще два керамических горна. Вновь обнаруженные печи примыкают непосредственно к помещению «В», в которое обращены входы в их подовые части. Печь № 15 имеет размеры 3,3×2,25 м, а в поду ее сохранилось 30 отверстий от 8 до 10 см в диаметре. Размеры печи № 16 — 3,5×1,5 м, причем под ее устроен на 1 м выше, чем у печи № 15.

Поскольку вскрытие второго производственного комплекса в 1958 г. завершено, совершенно определенно выяснилось, что он представляет собой руины крупной керамической мастерской, имевшей пять, по-видимому, одновременно действовавших обжигательных печей, десять производственных помещений и два вымощенных жжеными кирпичами внутренних дворики. Судя по археологическим находкам, здесь в основном изготовлялись сероглиняная керамика в виде кувшинов, частично тонкостенная с процарапанным орнаментом, хумча, тагора, дастарханы, банкообразные и горшкообразные сосуды конца XII — начала XIII в. Среди отдельных предметов обращают на себя внимание маленькая керамическая копилка, блюдцеобразная вазочка на трех ножках, предметы детской игрушечной посуды и уникальная верхняя половина терракотовой фигурки палевой поливы. Она изображает воина в остроконечном шлеме. Грудь и часть лица прикрыты небольшим круглым щитом с тремя бляхами, который воин держит в правой руке, а согнутой левой приподнял саблю, то есть является левшой. Вероятно, своеобразная детская игрушка-солдатик изображает одного из тех легендарных народных героев, которые одерживали верх над своими противниками именно потому, что неожиданно для них оказывались левшами. Археологические наблюдения выявили, что деятельность мастерской была прервана внезапно и, по всей вероятности, это связано с монгольским погромом. Очень показательно, что в одном из помещений по всему полу оказались рассыпанными черные каменные бусины от одной проиэки, которую, видимо, грубо сдернули с шени, разорвав шнур. Упомянутый выше изящный бронзовый замочек в виде фигурки козлика, служивший для запираания шкатулки, дошел до нас покалеченным и разбитым надвое вероятно потому, что его, не отыскивая ключика, просто взломали, дабы скорее добраться до содержимого шкатулки.

Восточнее описанной мастерской в 1958 г. было приступлено к раскопке третьего хозяйства. В нем удалось обнаружить первые три помещения, идущие вдоль восточной стены второго комплекса. Их размеры: 2,8×2,65 м, 3,4×2,45 м и 2,2×? м. Последнее помещение вскрыто по длине на 4 м, но противоположная стена еще не нащупана. Направление стен новой мастерской иное, чем у предшествующей. Все три раскопан-

ных помещения соединены между собой дверями, но отделены глухой стеной от помещений второй мастерской. Содержимое культурного слоя в указанных трех помещениях носит иной характер. Здесь встречены фрагменты штампованной керамики, среди которых есть крупный черепок с изображением в медальоне птицы, накиннувшей на копытное животное, а вокруг девяти идущих влево птичек и двух животных в треугольниках по сторонам; от надписи уцелело имя мастера: *عمل محمد* = «Сделал Мухаммед». На другом фрагменте оттиснуто изображение всадника на коне с приподнятой над головой саблей; в треугольниках по сторонам — животное и птица. На дне одного штампа помещены три зайчика, идущих вправо и как бы сросшихся ушами. Встречен и ряд других изображений.

Особенно интересен штампованный сосуд, у которого в картушах оттиснуто *عمل أبي بكر بن أحمد بن محمد*, то есть «Сделал Абу Бекр, сын Ахмеда». Тут же встречены своеобразные керамические калыбы для изготовления калыбов. В этой третьей мастерской изготавливались также симабкуза, о чем свидетельствуют находки как бракованных экземпляров этих сосудов, так и красноватых кусочков плавленного лесса, появляющихся в печке при обжиге симабкуза. Выпускалась и поливная керамика, в том числе белая и зеленая с подглазурным процарапанным орнаментом, а также с орнаментами зеленой, красной и коричневой красками на зеленовато-белом фоне. Очень хороша чашечка с изображением небольшой зеленой птички. Впервые встречен фрагмент рельефного изразца зеленовато-голубой поливы. Наконец, тут же найдены фрагменты различных стеклянных изделий, в том числе флакона с рельефной орнаментированной поверхностью, дно бутылки интенсивно синего цвета, что намекает на производство одновременно с керамикой и стеклянной продукции. Удалось узнать и имя мастера-стеклодува, оказавшееся проставленным на одном стеклянном медальоне: *عمل أحمد بن محمد بن أحمد البرقي* — то есть «Сделал Ахмед, сын Мухаммеда, сына Ахмеда из Серахса». Из цельных объектов очень оригинальна детская керамическая свистулька, сделанная в виде «рыбы-зверя», по-видимому, изображающая дельфина в представлении средневекового жителя Мерва. У фигурки рыбий раздвоенный хвост, наклепные конусообразные ушки или рожки, глубоко процарапанные кольцевые глаза и показанный большой щелью рот (свыше одной трети туловища). Игрушка, если дуть в отверстие у хвоста, издает свист.

Судя по содержанию помещений третьей мастерской, она функционировала в первой половине XII в. и была меньших размеров, чем вторая. В ней отмечается небрежная кладка стен, отклонение от основного направления оси, плохая вымостка пола из фрагментов жженных кирпичей. Очевидно, это хозяйство было беднее, чем соседние, уже вскрытые ЮТАКЭ.

Чтобы выяснить, что именно представляла в археолого-топографическом отношении ближайшая территория, примыкающая с западной стороны к изучаемой площади Р 1, от северо-западного угла двора мастерской Иноятон в западном направлении была заложена разведочная борозда в 1 м шириной при длине 24,5 м. В ней были встречены остатки четырех поперечно идущих стен. Первая — шириной 1,3 м в пяти метрах от восточного края борозды. Вторая — шириной 0,5 м на расстоянии 9,4 м, третья — шириной 0,7 м на расстоянии 13,1 м и четвертая — шириной 0,5 м на расстоянии 18,4 м. За первой стеной было выявлено помещение размером 3,1×3,2 м с проходом в восточной стороне и с остатками вымостки пола жженными кирпичами 26×26×5 м. У последней поперечной стены встречена яма-ташнау, обложенная фрагментами жженных кирпичей. В западном конце борозды с глубины 0,3 м от совре-

менной поверхности пошел слой отвала бракованной утвари. Отмечено, что с западной стороны у Р1 продолжается внутриквартальная застройка без видимых признаков наличия здесь на протяжении почти 25 м бывшей улицы, отходящей в меридиальном направлении. Из полученных находок здесь интересен калыб для изготовления калыбов штампованной керамики в виде круглого штампа-медальона с изображением обращенных друг к другу крылатых звероподобных грифонов, очевидно, из мастерской Иноятона, так как в отвале брака мастерской последнего в 1956 г. был найден фрагмент одного штампованного керамического сосуда с подобным оттиском.

Вскрытая ЮТАКЭ на Р1 площадь внутренней планировки западной части рабада средневекового Мерва на протяжении с юга на север примерно от бывших городских ворот Фируза до северо-западного угла городища Султан-кала составляет около 1200 м². Принимая во внимание вновь полученные в 1958 г. данные стратиграфического и топографического порядка, а также учитывая всю сумму ранее установленных данных археологического наблюдения, следует констатировать, что культурный слой в этой части рабада имеет толщину от 2 до 3,3 м и что появление здесь пригородной застройки ощущается для IX в., а безусловное сложение крупного ремесленного квартала керамистов восходит к X столетию. Территория, занятая руинами этого обширного квартала, имеет площадь около 12 гектар. Обращает на себя внимание, что на всех подвергавшихся раскопкам площадях обнаружены остатки керамических печей и помещений, связанных с керамическим производством, но нигде пока не встречено несомненно жилых комнат. Характерно, что в ряде случаев остатки печей XI в. и отвалы их бракованной продукции оказываются у поверхности и не перекрыты сверху последующими культурными отложениями. Как наглядно зафиксировано в археологических слоях, нормальное функционирование квартала керамистов дважды катастрофически обрывалось, что связано в XII в. с событиями 1153 г., а в начале третьего десятилетия XIII в. — с монгольским завоеванием. После него ремесленное керамическое производство здесь навсегда прекратилось, хотя жизнь в южной части близ дороги на Абиверд частично возобновилась, о чем свидетельствует незначительный культурный слой с керамикой конца XIII — первой половины XIV в.

Проведенное ЮТАКЭ многолетнее изучение средневекового мервского ремесленного квартала керамистов по тематике, масштабу и полученным результатам является единственной в своем роде археологической работой для всех Среднеазиатских советских республик, Афганистана и Ирана.

Из отдельных впервые установленных в 1958 г. фактов и открытий для поры феодализма заслуживают быть отмеченными следующие:

А. На городище Новая Ниса, в северо-восточной части цитадели на значительной площади в ряде мест усмотрены выходы стен из сырца, пахсы, крупных камней и жженных кирпичей-маломеров 20×20×3 см — 21×21×3,5 см. Иногда на стенах видны следы многочисленных гипсовых штукатурок, в раствор которых для крепости некогда был добавлен камышовый пух. Штукатурки насчитывают от 7 до 14 слоев и достигают 8—9 см толщины. Над одним маленьким помещением уцелела значительная часть купольного перекрытия. Отмечены суфы с гнездами от когда-то вмазанных хумов. Все эти признаки свидетельствуют о том, что эти остатки сооружений принадлежат комплексу банных помещений.

Б. В северной части пригорода Старого Мерва на большом оплывшем бугре, расположенном в 200 м к северу от современной крупной колхозной конюшни и представляющем остатки одного из зданий, обступавших некогда с обеих сторон большую улицу-дорогу, ведущую от сред-

невекового базара между городищами Гяур-кала и Султан-кала к самым северным воротам рабада, XVIII отряд ЮТАКЭ обнаружил куски средневекового резного штука, принадлежащего карнизу. Заложенные на бугре небольшие разветочные шурфы также дали фрагменты этого штука, чем документально подтверждается, что в 1958 г. удалось установить наличие в Мерве второго здания, в декоративной отделке которого был применен гипсовый штук. В числе встреченных тут находок имеются плоский широкий чирак коричневой поливы, бронзовая ручка от плоской ложечки для бастами и арабский фельс, чеканенный в Мерве в 121 г. х. (738/9 г. н. э.).

В. В восточной части северного обвода городища Султан-кала в Старом Мерве, в 150 м от северной стены Шахрия-арка, обнаружены разбросанные на значительной площади многочисленные и разнообразные фигурные резные кирпичики, употреблявшиеся в средневековом зодчестве Южного Туркменистана, в XI—начале XIII в. при декоративной облицовке архитектурных сооружений. Россыпь эта представляет отвал кирпичных шлаков, ошлакованных кусков стенок обжигательных печей, бракованных резных фигурных кирпичей, что говорит о местном производстве последних. Всего собрано здесь около двух десятков типов различных фигурных кирпичиков.

Г. Среди отдельных предметов совершенно исключительной является находка во фрагментарном состоянии на территории Султан-калы к северу от мавзолея Санджара своеобразного «настольного» керамического прибора голубой поливы. Он представляет собой ажурный прямоугольник (24×17×5,5 см) с кольцевыми отверстиями по боковым сторонам, с фестончатыми бордюрчиками-перегородками, пропущенными по верхней поверхности вдоль краев, и с круглой прорезью посередине для чернильницы. Последняя вдвигалась внутрь прибора через прямоугольное отверстие в одной из длинных сторон. В чернильницу вкладывался комочек шелковых ниток «лик» (لیک), который и пропитывался чернилами «мураккаб» (مُرَقَّاب), изготовлявшимися обычно из угля саксаула или других песчаных кустарников. Лик была насыщена чернилами так, чтобы при опускании в него каляма на конце его набиралось бы достаточное для писания количество чернил. Преимущество такого использования заключалось в том, что при случайном опрокидывании чернильницы сами чернила не выливались. Найденный уникальный прибор принадлежал, возможно, или художнику-миниатюристу или лицу, связанному с письменной работой.

Д. Из предметов мелкой скульптуры нельзя не упомянуть найденные на городище Султан-кала небольшую, изящную, сделанную из светло-желтого калыбташа фигурку спящего зайчика XI—XII вв. и примерно того же времени неполностью сохранившуюся, значительно более крупную, выполненную в условной манере из серого остатка фигурку оседланной лошади с чуть повернутой в сторону головой.

В 1958 г. ЮТАКЭ заметно продвинула историко-археологическое изучение разнообразных памятников Южного Туркменистана. Разрешен ряд общих и частных вопросов, охватывающих время от кризиса рабовладельческого общества до XIII в. включительно. Имея цель — уточнить периодизацию истории развития страны за феодальную пору, экспедиция работала над проблемами по исторической географии, исторической топографии городов и селений, истории ремесленного производства.

ЭТНОГЕНЕЗ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА

Исследовательские работы ЮТАКЭ, связанные с проблемами этногенеза туркменского народа, протекали по двум линиям — антропологической и этнографической.

А. За 1958 г. была проделана обработка серии черепов, полученных ЮТАКЭ при раскопках могильника эпохи бронзы на Кара-Осие близ станции железной дороги Артык и включающих 11 мужских и 9 женских черепов. По средним данным мужские черепа характеризуются резко выраженной долихокранией (черепной указатель 70,5) и могут быть отнесены к одному из вариантов древнего средиземноморского типа. У черепов женской группы черепной указатель несколько выше (73,4). Морфологически вся серия наиболее близка к серии черепов из Сналка (V—IV тысячелетие до н. э.) и Ура. Уточняя диагностику преобладающего расового типа из Кара-депе, В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова пришли к заключению, что его, возможно, следовало бы отнести к тому варианту средиземноморского типа, которому Серджи присвоил название евроафриканского. Вместе с тем серия черепов из Кара-депе резко отличается от серии таковых же тазабагыбской культуры Хорезма и андроновской культуры Казахстана, Алтая и Минусинского края, а также древнеямской культуры Нижнего Поволжья. Однако с сериями срубной культуры Поволжья различия черепов из Кара-депе менее резки. Определенное сходство прослеживается с черепами, происходящими из поселений северной группы Заволжья — Хряшевки и Ягодного, что, может быть, является показателем примесей южных среднеазиатских элементов у населения северной группы срубной культуры.

Главный вывод, что древнее население Южного Туркменистана вошло одним из основных слагаемых в состав позднейшего населения Средней Азии.

Б. В связи с завершением работы о селении Мурча и его обитателях, основной этнографической темой ЮТАКЭ с 1958 г. является изучение туркмен-гоклен в Кара-Калинском районе, главном месте их современного обитания.

С особым удовлетворением следует отметить исключительно своевременную работу, проделанную ЮТАКЭ по выборке сведений о гокленах со снятием копий с документов из архива Г. И. Карпова и законченную незадолго до пожара библиотеки, а также части рукописного фонда Академии наук Туркменской ССР, когда огонь уничтожил все материалы, собранные о туркменах упомянутым покойным исследователем.

Осуществленный маршрутный проезд на автомобиле преследовал цель рекогносцировочно ознакомиться со всеми населенными пунктами, где в указанном районе проживают гоклены. По верхнему Сумбару были посещены селения Арабата, Арабджик, Геркез, Магтым-кала, Узун-токай. В долине Чандыра — Ак и Кызыл-Имам. Восточнее и западнее районного центра Карры-кала — селения Вага, Гызыл, Варказ. В северной части Карры-кала — Кара-кель, Сакар, Нэре. Знакомство с перечисленными пунктами и их обитателями позволило конкретно наметить дальнейшую программу исследований.

Особенно ценные сведения получены от жителя Чендыра Оразмухаммеда Байлы оглы (75 лет). По его словам, племя гоклен в старину проживало по Амударье. Два брата — Додурга и Алидагли — положили начало двум основным линиям гоклен (тире), которые состоят из нескольких родов каждая. От Додурга происходят — Бонндери, Керрихи, Керкеси, Карамуры, Гире, Кумчи, Экизы, Меджмены, Дезиagri, Сарнаджи, Кучели, Курты, Семеричи, Янгахи. От Алидагли ведут начало: Кап, Айдеранши, Чекир-Бекдели, Кара-Балканы, Эркекли, Кукенджан, Суранли, Кизиль, Керносы, Нолончи, Темеки, Янги-Кели.

Осведомитель из селения Ак-кель, гокленец Ораз Менли Оглы (80 лет) показал, что, по преданию, гоклены раньше жили на берегах Сырдарьи и принадлежали некоему Кан-хану, по имени которого и на-

знается одна из двух линий этого племени. По словам жителя Ченды-ра, Берды Гельды (70 лет), гокленское племя еще не так давно, когда уже занимало земли по Атреку, называлось кан. Среди зафиксированных в 1958 г. родовых наименований гоклен целый ряд фигурирует в списках огузских племен, приведенных у Махмуда Кашгарского (XI в.), Рашид-ад-дина (1247—1318) и Абу-л-гази Бахадур-хана (XVII в.), а именно: кайи, додурга, бят (бият), бахут, баниды (базадер, баяндур).

За время маршрутного проезда также собран материал по жилищу, одежде и сельскому хозяйству.

В. В северной части средневекового рабада Мерва, у мазара старца ордена накшбанди Ходжа Юсуфа Хамадани (умершего в 1140 г.) в здании XV—XVI вв., связанного преданием с эпохой султана Хусейна и Навои, внутри северной худжры второго этажа на остатках старой ганчевой штукатурки в 1958 г. обнаружены сделанные тушью недатированные надписи, оставленные паломниками при совершении зиарата, а также процарапанные старинные туркменские рисунки. Кроме многочисленных изображений кистей человеческой руки с растопыренными пальцами и небольшого количества туркменских тагма, ЮТАКЭ здесь были перебиты на кальку интересные изображения листьев, ножей (рукоятью вниз и острием вверх), боевых секир, рыб, коней и всадников.

Г. При осмотре памятников XVIII—XIX вв. в Западном Копетдаге обращено внимание, что в поздненухурлинской архитектуре великолепные образцы деревянных волютообразных подбалок, напоминающих парфянские капители «протоионического типа», сопровождаются рисунками, тамгами, именами, и, что особенно важно, датами. В одном из домов Койне-Касыра зафиксировано имя соорудившего его туркменского мастера.

Д. Во время проезда к югу от Мары, примерно в 7 км за селением Семенник отмечен мазар Оджарлы Аулия, связанный с пережиточным культом растущего там старого дерева саксаула крупных размеров. ЮТАКЭ попутно рекомендовала взять этот редкий объект на учет и охрану как интересный памятник природы.

Е. При обследовании различных историко-археологических объектов во время полевого сезона работ экспедиции 1958 г. производился опросным путем сбор связанных с ними народных легенд, в числе которых особый интерес представляют предания о мавзолее Абдуллы, сыне Бурейды.

НУМИЗМАТИКА

Поскольку в Туркменской ССР в 1958 г. по-прежнему не было специалистов-нумизматов, ни даже лиц, разбирающихся в среднеазиатских нумизматических объектах, ЮТАКЭ продолжала уделять особое внимание местным нумизматическим находкам и их предварительной обработке. В этом отношении заслуживают внимания следующие новые установленные факты.

1. В результате многолетних работ ЮТАКЭ установлены два важных положения в области нумизматики поры существования Парфянского государства. Первое — в Маргизане в первых веках н. э. выпускались собственные монеты, ряд групп которых был открыт экспедицией. Второе — на внутренних рынках южнотуркменистанских областей в то время денежное обращение получило большое развитие, подтвержденное исключительным обилием находок медных парфянских монет. Обнаружение здесь серебряных аршакидских монет представляет значительно большую редкость. В этом отношении 1958 г. надо считать удачным, поскольку при раскопках были встречены две аршакидские драхмы, каждая из которых представляет, кроме того, индивидуальный интерес.

А. Найденная на городище Старая Ниса при раскопках площади нового комплекса строений к югу от «сокровищницы» большого квадратного дома драхма Синатрука (77—70 гг. до н. э.), сына Артабана II, принадлежит к числу объектов исключительной сохранности.

Ах. Бюст государя влево в тиаре с наушниками и диадемой. На тиаре в окружении трех рядов жемчужин восьмилучевая розетка.

Рх. Сидящая на троне вправо фигурка Аршака с протянутым луком в правой руке; по сторонам легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ [ΑΥΤΟ] ΚΡΑΤΟ [ΡΟ]Σ [Φ] ΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ [ΦΙΛ] ΕΛΛΗΝΣ

— «царь великий, Аршак,

самодержец, отцелюбивый, славный, греколюбец».

Транскрипция титула ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ

без «ο» мик-

рон известна и по другим монетам I в. до н. э., например, в чекане Орода I.

Б. Обнаруженная в руинах крупного здания в северо-западном углу Антиохии Маргианской (-городище Гяур-кала Старого Мерва) драхма Митридата II (123—88 гг. до н. э.) значительно худшей сохранности, чем вышеописанная.

Ах. Бюст государя в тиаре влево.

кх. Аршак, сидящий на троне; по сторонам следы греческой легенды в виде титулатуры из шести слов.

Монета являет собой любопытный образец продукции древнего фальшивомонетчика, выпустившего эту драхму в виде *pumti pelliculati*, то есть сделанной из неценного металла и лишь снаружи покрытой тонкой оболочкой из низкопробного серебра.

2. В Эрк-кале на территории раскопа № 3 найдена интересная небольшая медная монета «кушано-сасанидского» типа, выпущенная наследником сасанидского престола, будущим шахом Варахшаном I в бытность его в 271—277 гг. наместником северо-восточных областей Сасанидского государства.

Ах. Бюст правителя вправо в короне, увенчанной парой крупных архарьих рогов; справа следы пехлевийской легенды с его именем.

Рх. Алтарь священного огня с мужским бюстом над пламенем.

3. Раскоп № 3 в Эрк-кале и раскоп № 7 в Гяур-кале среди прочих довольно многочисленных нумизматических находок дали три небольшие, разных размеров монетки сасанидского чекана (д. = 11, 14 и 16 мм).

Ах. Бюст правителя вправо.

Рх. Характерный для раннесасанидского чекана III в. и исчезающий совершенно с конца IV в. символ жизни и божественного начала царской власти, но в совершенно оригинальном начертании.

Поскольку именно такой формы этот знак встречается на сасанидских монетках, находимых ЮТАКЭ в большом количестве в оазисе низовьев Мургаба и его почти нет на монетных кружках из других районов, очевидно, всю эту группу монет можно отнести к местному мервскому чекану.

4. По просьбе Музея истории Академии наук ТССР были просмотрены и определены вновь поступившие в количестве 11 штук медные монеты, найденные при раскопках по освоению земель совхоза «Москва» в северной части Байрам-Алийского района. Среди них оказались:

а) парфинские халки маргианской эмиссии первых веков н. э. — 8 экз.

б) раннесасанидские халки: Шапура I (240—271).....2 экз.

Хормизда I (271—272).....1 экз.

5. Байрам-Алийский инженер-энергетик А. М. Акимов представил на определение две медные монеты, найденные им в 2 км к западу от Байрам-Али у одного из дингов к северу от дороги на Мары. Монеты оказались фулусами Мерва XVIII в.

Ах. — В двенадцатилепестковой розетке غرب سرو

Рх.—В середине изображение маленькой рыбки, а с обеих сторон от нее двух больших рыб. После определения монет они были переданы А. М. Акимовым ЮТАКЭ.

6. Парфянские монеты позволили определить, что на одном из votивных полых алебастровых шаров, добытых при раскопке круглого храма на городище Старая Ниса, отсиснуто изображение бюста аршакидского царя Фраата IV (38/37—3/2 гг. до н. э.), что позволяет датировать изготовление самого предмета концом I в. до н. э.

ЭПИГРАФИКА

Поскольку в Туркменской ССР работа в области эпиграфики никогда не велась ни одной научной организацией, ЮТАКЭ в 1958 г. по-прежнему уделяла время этой отрасли науки, по которой у экспедиции получен ряд достижений.

1. В процессе расшифровки добытых ЮТАКЭ острака II—I вв. до н. э., получивших мировую известность под названием «архива парфянских документов из Старой Нисы», удалось, наконец, прочесть и понять небольшой уникальный исторический текст, фиксирующий дату начала правления Готарза I и дающий возможность восстановить его генеалогическое древо, причем его дед, Фрипатий, упоминается как «сын племянника Аршака» (I), чем впервые собственным парфянским источником свидетельствуется реальность существования этого родоначальника Аршакидов, брата Тиридата, и о чем до сих пор было известно только по сообщениям лишь более поздних греко-римских авторов.

2. В вышедшем в 1958 г. труде *Handbuch der Orientalistik*, I ав, 4 В, Jranistik, I ав; Linguistik, Leiden-Köln, 1958, крупнейший в мире иранист W. B. Henning окончательно подтвердил основное положение бригады ЮТАКЭ по расшифровке шиитских документов, что нисийские острака написаны именно по-парфянски, а не по-арамейски, как это несколько лет назад предлагал считать советский ученый Винников (см. указанный труд, *Mitteliranisch*, ss. 27—28. §7. Parfien, Nisa).

3. В 1958 г. И. М. Дьяконов прочитал на каменной плите из Векильбазарского района с горельефным изображением стоящей en face девочки высеченную справа надпись в шесть коротких строк:

𐭠𐭣𐭥𐭥	«Ба'ит
𐭠𐭣𐭥	дочь
𐭠𐭣𐭥𐭥	Хайрана (сына)
𐭠𐭣𐭥	Таймар-
𐭠𐭣𐭥	по
𐭠𐭣𐭥	Увы!»

Это типичная пальмирская плита II или III вв. н. э. с характерной для Пальмиры эпитафией. Упомянутые в ней имена были в широком обиходе в Тадморе. Между прочим, в одной обнаруженной среди руин Пальмиры надпись, датированной 193 г. н. э., прославляется крупный купец и организатор торговых караванов, потомственный синодиарх Таймарцо, бывший сыном синодиарха и представивший своим спутникам на обратный путь 300 золотых динаров или ауреусов «старой чеканки». В тексте прославляются его сыновья. Аналогичная надпись была составлена также в честь его брата Иаддая. Было бы соблазнительно допустить, что Таймарцо пальмирский надпись и Таймарцо, прародитель девочки Баит, упоминаемой в эпитафии плиты из Векильбазарского района, — одно и то же лицо.

4. Исключительно обильный эпиграфический материал XI в. в виде арабских исторических надписей, молитвенных текстов и многочисленных имен Аллаха, выполненных из жженных кирпичей и в резном гипсовом шtukе несколькими типами куфического почерка, дал открытый ЮТАКЭ в ноябре 1958 г. мавзолей Абдуллы, сына Бурейды, в Марыйском районе. Основное содержание их, расшифрованное М. Е. Массоном, приведено выше в разделе «Феодальное общество».

5. Показанный начальником экспедиции профессору Института этнографии Пекинской Академии наук Фэн-Цзя-шэну оттиск части китайской надписи, уцелевшей на черепице из буддийской кумирни, открытой и раскопанной ЮТАКЭ в южной части средневекового Мерва, был транскрибирован китайским ученым и опознан как состоящий из трех иероглифов, каждый из которых означает «работа», «дело» и соответствует арабскому عمل — «пзао-цзо-гун».

Далее должно было следовать несохранившееся имя мастера. Фэн-Цзя-шэн отнес надпись к XIII в. и тем подкрепил датировку, данную ЮТАКЭ раскопанной мервской кумирне.

6. Специальную работу по эстампированию и разбору надписей на каменных надгробных плитах XVIII в., находящихся у мазаров аскабов Гифари и Бурейды в Старом Мерве, проделал М. Е. Массон, пришедший в результате анализа содержания эпитафий к определению их, как относящихся к могилам лиц каджарской знати.

7. В Западном Копетдаге, в Чукур-юртской мечети обнаружена доставленная туда, по словам местных жителей, из Янык-кала каменная плита, судя по надписи, поставленная в 1085 г. х. (1674/5 г. н. э.) в качестве памятника неким Мухаммедом, сыном Бек Мирака.

ОБСЛЕДОВАНИЯ МАЛОИЗВЕСТНЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ТАШАУЗСКОЙ ОБЛАСТИ

В порядке помощи Отделу охраны памятников Министерства культуры ТССР и по его просьбе ЮТАКЭ осенью 1958 г. направила VII отряд в Ташаузскую область для обследования малоизвестных и для выявления незарегистрированных тамошних старинных архитектурных памятников. Это сопровождалось их обмерами, фотофиксацией, предварительным изучением, первичным описанием и определением первоочередных мероприятий по их поддержанию и реставрации в зависимости от художественной и исторической ценности индивидуально каждого из них. Всего было обследовано около двух десятков объектов.

Впервые были подвергнуты обследованию три мавзолея на городище Деукескен, расположенные внутри мощной крепости, отстроенной еще в пору рабовладельческого общества. Первый мавзолей, считающийся усыпальницей легендарного Фархада, судя по строительным материалам, характеру плана и конструкции ганчевых щитовидных парусов, позволяет относить его к сооружениям конца XV—XVI вв., к этому времени относятся и некоторые собранные на городище медные монеты. Датировка второго мавзолея, считающегося местным населением местом погребения легендарной Ширин, и третьего мавзолея, видимо, близка к этому же времени, на что указывают развитые порталные композиции, срезы углов под 45°, двойной возвышенный на барабане купол мавзолея № 3. Все три памятника представляют несомненный историко-архитектурный интерес, восполняя одно из недостающих звеньев в истории зодчества средневекового Хорезма.

Хотя по данным Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР городище Шемаха-кала восходит к XIII—XIV вв., сохранившиеся на нем руины архитектурных сооружений при-

надлежат эпохе упаднического зодчества конца XVIII—XIX вв. Среди них лучшие других уцелел один мавзолей.

Усыпальница Кизыл-гумбаз, расположенная в северной части Куны-Ургенчского района и, по преданию, якобы отстроенная для туркменского вождя Юсуп-Ахмеда, боровшегося против шаха Аббаса, на самом деле, судя по остаткам облицовки находящегося внутри намогильника ярко-голубыми изразцовыми плитками, восходит по крайней мере к XIII—XIV вв.

Состоящий на государственной охране комплексный памятник, именуемый мазаром Исмамут-ата, расположенный в Тахтинском районе и включающий мавзолей, зимнюю и летнюю мечети, чилляхану, медресе, соединительные коридоры и подсобные хозяйственные помещения, считается, согласно обозначенной на охранной доске дате, относящимся к XVI—XVII вв. Как установлено работами VII отряда ЮТАКЭ, самым концом XVII столетия может быть датировано только главное здание мавзолея. Все же остальные сооружения возникли позднее, а самое молодое из них — медресе в XX в.

Очень оригинальным объектом является так называемый Аксарайдинг, как именует местное население башенное шатровое сооружение, возвышающееся близ позднего кладбища у колхоза «Москва» Тахтинского района. Оригинальный памятник представляет собой двухэтажное здание, сложенное из жженных кирпичей $26 \times 26 \times 4$ см — $27 \times 27 \times 4,5$ см. Нижний этаж, квадратный по наружному плану, заключал открытое с двух сторон среднее продолговатое сводчатое помещение, в которое было обращено по паре невысоких арочных проемов. Второй этаж, отступавший на 1,5 м, образуя как бы обводную площадку, также квадратен ($3,86 \times 3,67$ м) и имеет на осях открытые арочные проходы. Перекрытие его с эллиптическим куполом основано на ячеисто-консольных парусах. Над ним возвышается приподнятый на цилиндрическом барабане наружный конический шатер. Из-за разрушения нижних частей в процессе одной из позднейших реставраций нижнюю половину обложили ступенчатым футляром из пахсы, образовавшим как бы уступчатый пьедестал. По своему стилю, это, безусловно, памятник именно хорезмской архитектурной школы, а по времени, очевидно, современник так называемого мавзолея Фахр-ед-дина Рази, то есть относится к XII в. Вопрос о назначении может быть решен только после археолого-архитектурных вскрытий.

Несомненно, это один из интереснейших архитектурных памятников на территории Туркменской ССР. Именно о нем упоминает Н. М. Бачинский в своей диссертации на основании имевшейся в его распоряжении фотографии, причем автор самого памятника не видел, подлинного местонахождения его не знал и ошибочно указал, будто он находится в районе Даргана, то есть с ошибкой почти в 300 км от пункта, где он действительно расположен. Объект заслуживает самого детального изучения. Уродующий его глинобитный ступенчатый футляр подлежит разбору, так как мешает правильному восприятию композиции здания, на котором необходимо провести соответствующие реставрационные работы.

VII отряд ЮТАКЭ посетил, обследовал и определил во времени, кроме того, следующие, оказавшиеся менее интересными памятники:

Мавзолей Налач-баба не ранее конца XVII в., расположенный в Ширван-кале на краю плато Усть-Урт.

Мазар Лала-Земата конца XVIII — начала XIX в. в местности Бендеркент у колхоза им. Горького Тахтинского района.

Мазары Каляндар-баба за Секиз-аталяком (Ленинский район); Гокчик-баба в колхозе им. Тельмана (Ленинский район); Мамед-хан-ишана в колхозе им. Тельмана (Ильялинский район). Все три являют-

ся однокупольными зданиями и представляют посредственные образчики поздней хивинской архитектуры последнего столетия.

Что касается Мадамин-кала к северо-западу от Ленинска, на землях колхоза им. Чапаева, то это остатки крупной хивинской крепости начала XIX в.

В связи с юбилеем классика туркменской литературы известного поэта Махтумкули было посещено также Гоклен-медресе, в котором он, по некоторым данным, будто даже состоял муэдарином и которое находится в северной части Куны-Ургенчского района, на землях колхоза имени 8 Марта близ второй МТС. По преданию, медресе основано около 300 лет тому назад. Для отдела охраны сделан обмер плана медресе и осуществлены зарисовки орнаментальных деталей.

Кроме того, к северо-западу от Ленинска. VII отрядом ЮТАКЭ на землях колхоза Чапаева обнаружен неизвестный до того интересный археологический объект, который представляет крупное, археологически стерильное, античное городище, с сильно оплывшими мощными стенами, сложенными из сырцовых кирпичей 40×40×10—12 см. Основная часть городища имеет в плане почти правильный квадрат (около 300×320 м), стены которого фланкированы башнями. Вторая внешняя стена города окружает площадь в виде несколько неправильного полигона. Собранные на поверхности городища керамика представлена разнообразными фрагментами изделий древнего Хорезма первых веков до н. э. Таким образом, ЮТАКЭ открыла еще один из памятников античной эпохи, которые на территории Ташаузской области зарегистрированы лишь в небольшом числе. О сделанном открытии экспедиция поставила в известность Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию Академии наук СССР на предмет детального изучения этого памятника, поскольку он расположен на территории, подлежащей ее ведению.

На основе осуществленного полевого исследования Отделу охраны памятников Министерства культуры ТССР ЮТАКЭ представлен в письменной форме ряд рекомендаций, приложенных к отчету о проделанной VII отрядом работе в Ташаузской области. Внимание Отдела обращено также на совершенно ненормальное положение, когда, кроме четырех знаменитых архитектурных памятников Куны-Ургенча, все его более поздние памятники до сих пор не имеют ни обмеров, ни описаний, ни хотя бы предварительных хронологических определений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук
ВДИ — Вестник древней истории
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения
Русского археологического общества
ЗИНВ — Записки Института востоковедения
АН СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН ТССР — Известия Академии наук
Туркменской ССР
ИВ — Институт востоковедения АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР — Материалы по археологии России, издаваемые Археологической комиссией
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении ИВ АН СССР
МХА — Материалы Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
САМГУ — Самаркандский государственный университет
ТашГУ — Ташкентский государственный университет
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР
ЭВ — Эпиграфика Востока Института археологии АН СССР
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	5
М. Е. МАССОН. КРАТКИЙ ОЧЕРК ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩ СТАРОГО МЕРВА ДО 1946 г.	10
В. И. ПИЛИНКО. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕ- НИЕ ВАРРЫК ДЕНЕ В ОКРЕСТНОСТЯХ СТА- РОГО МЕРВА	38
И. А. АХРАРОВ и З. И. УСМАНОВА. КЕРАМИ- ЧЕСКАЯ ПЕЧЬ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ВРЕМЕ- НИ	47
С. Б. ЛУНИНА. ИЗУЧЕНИЕ ЖИЛЫХ ДОМОВ МЕР- ВА X—НАЧАЛА XIII в.	59
Б. В. ЛУНИН. ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ НАХОДОК И СБОРОВ ДРЕВНИХ МОНЕТ НА ТЕРРИТО- РИИ ТУРКМЕНИСТАНА	85
М. И. ФЕДОРОВ. КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ ХУЛАГУ- ИДСКИХ МОНЕТ ИЗ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИ- СТАНА	95
М. Е. МАССОН. К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТО- РИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ СРЕДНЕАЗИАТ- СКИХ ГОРОДОВ	100
КРАТКАЯ ХРОНИКА ПОЛЕВЫХ РАБОТ ЮТАКЭ 1958 г.	125
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	162

КУЛЬТУРА ТУРКМЕНИИ В СРЕДНИЕ
ВЕКА
(ТРУДЫ ЮТАКЭ, т. 17)

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета АН Туркменской ССР

Редактор издательства *Л. Г. Дрямова*
Технический редактор *Г. А. Артыкова*
Корректоры *Б. Б. Карриев, Л. Е. Любезнова*

ИБ № 227

Сдано в набор 21.02.1980 г. Подписано в печать 10.11.1980 г. И—15062. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уч.-изд. л. 14,02. Привед. печ. л. 17,22. Тираж 1000 экз. Изд. № 15. Заказ № 968. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Ылым» АН ТССР. 744000.
Ашхабад, ул. Энгельса, 6.
Типография АН ТССР. 744012. Ашхабад,
ул. Советских пограничников, 92а.